ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 3 (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

2026 год

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90259 от 29 октября 2025 г.)

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам публичного права, конституционного (государственного) права, финансового права, административного права. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области публично-правовых отношений и публичного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области публично-правовых исследований.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://public-law.moscow
E-mail: editor@law-books.ru
Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88
WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Публичное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):
Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук
Заместитель главного редактора:
Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

• **Дорская Александра Андреевна,** доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• **Миронов Василий Олегович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• **Пашенцев Дмитрий Алексеевич,** доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.

• **Усанов Владимир Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

• **Грудцына Людмила Юрьевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• **Садовникова Галина Дмитриевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

• **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:
Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):
Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Deputy Editor-in-Chief:
Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Specialty: 5.1.1. — Theoretical and historical legal sciences

• **Dorskaya Alexandra Andreevna,** Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• **Mironov Vasily Olegovich,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• **Pashentsev Dmitry Alekseevich,** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.

• **Usanov Vladimir Evgenievich,** Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. — Public legal (state legal) sciences

• **Grudtsyna Lyudmila Yuryevna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• **Sadovnikova Galina Dmitrievna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).

• **Sangadzhiev Badma Vladimirovich,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **Eriashvili Nodari Darchoevich,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:
С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов,** доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков,** доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова,** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова,** доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин,** доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев,** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:
S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov,** Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov,** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **I.A. Konyukhova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• **A.V. Ragulin,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev,** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Фролова О. В., Фролов В. В. * Модернизация российского общества, права и государства на современном этапе развития 11

Беляев Д. В., Марков Р. И. * Территориальное общественное самоуправление в городском округе город Липецк: муниципально-правовое регулирование и практики народовластия 17

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Нянченко А. Г. * Анализ эффективности механизмов реализации Конвенции о правах ребенка в Российской Федерации: проблемы и пути их решения 25

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Чигарев Б. А., Степанов А. О. * Онтологическое отличие понятий «state» и «государство»: политико-правовой анализ 29

Засимов А. А. * Нормативная система и компетенции публичной стороны при запуске ГЧП проектов в рамках нацпроектов 33

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сафин В. Н. * Государственно-правовое регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства 39

Богданова К. Р. * Самовольная постройка в гражданском обороте: проблемы правовой квалификации и судебной легализации 48

Крутских Е. В. * Правовые коллизии распоряжения материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве 53

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Грудцына Л.Ю. * Зарубежные нормативные прототипы российской модели судебного искусственного интеллекта 59

Щербакова Д. В. * Распределение судебных издержек при альтернативных способах завершения арбитражного процесса: пробелы правового регулирования и пути унификации 69

Нянченко А. Г. * Роль российских судов в защите прав ребенка: практика применения международных норм и стандартов 72

Шевченко Ю. О. * Антикоррупционные ограничения и запреты для судей в Российской Федерации: законодательное регулирование, механизмы контроля и нарушения 76

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Кадырова Л. А. * Оставление места ДТП при исполнении трудовых обязанностей: административно-правовые риски и механизм примирения сторон 83

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Ермолаева В. А. * Влияние криминалистического знания на результативность расследования преступлений в органах внутренних дел 87

Щербакова Е. К. * Пределы уголовно-правового воздействия: понятие, факторы и структура 93

НАЛОГОВОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Иванова Т. А. * Пределы применения искусственного интеллекта при выявлении схем дробления бизнеса в контексте статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации 99

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА

Быстрицкий А. И. * Трансформация гражданско-правового регулирования пассажирских перевозок в условиях цифровизации 106

Мансуров Д. Р. * Правовое регулирование противодействия преступности с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта: проблемы и направления совершенствования 117

CONTENT:

LAW AND POLITICS

Frolova O. V., Frolov V. V. * Modernization of Russian society, law and state at the present stage of development 11

Belyaev D. V., Markov R. I. * Territorial public self-government in the city district of Lipetsk: municipal legal regulation and practices of popular rule 17

HUMAN RIGHTS

Nianchenko A. G. * Analysis of the effectiveness of mechanisms for implementing the convention on the rights of the child in the russian federation: problems and solutions 25

STATE POWER

Chigarev B. A., Stepanov A. O. * The ontological difference between the concepts of «state» and «state»: a political and legal analysis 29

Zasimov A. A. * Regulatory framework and competencies of the public sector in launching PPP projects within the scope of national projects 33

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Safin V. N. * State and legal regulation of investment activities in the construction sector 39

Bogdanova K. R. * Unauthorized construction in civil circulation: problems of legal classification and judicial legalization 48

Krutskikh E. V. * Legal conflicts in the disposition of maternity capital in the division of spouses' property and in bankruptcy 53

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Grudtsyna L. Yu. * Foreign normative prototypes of the Russian model of judicial artificial intelligence 59

Shcherbakova D. V. * Distribution of court costs in alternative ways of completing the arbitration process: gaps in legal regulation and ways of unification 69

Nianchenko A. G. * The role of Russian courts in protecting children's rights: practice of applying international norms and standards 72

Shevchenko Yu. O. * Anti-corruption restrictions and prohibitions for judges in the Russian Federation: legislative regulation, control mechanisms, and violations 76

ADMINISTRATIVE LAW

Kadyrova L. A. * Leaving the scene of a traffic accident while performing work duties: administrative-legal risks and the mechanism for reconciling the parties 83

CRIMINAL LAW

Ermolaeva V. A. * The impact of forensic knowledge on the effectiveness of criminal investigations within internal affairs agencies 87

Shcherbakova E. K. * The limits of criminal law impact: concept, factors, and structure 93

TAX LAW AND LEGISLATION

Ivanova T. A. * Limits on the use of artificial intelligence in detecting business splitting schemes under article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation 99

DIGITALIZATION OF LAW

Bystritsky A. I. * Transformation of civil law regulation of passenger transportation in the context of digitalization 106

Mansurov D. R. * Legal regulation of counteraction to crime using digital technologies and artificial intelligence: problems and directions for improvement 117

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-11-16**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ФРОЛОВА Ольга Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Военной Академии связи имени С.М. Буденного,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: olga.val.frolova@mail.ru

ФРОЛОВ Владислав Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
ФГКОУ Санкт-Петербургской Следственной академии СК РФ,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: VVF.1970@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРАВА И ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье проводится изучение исторического развития российского государства, общества и культуры. Акцентируется внимание, что для обеспечения правопорядка, необходимы гармоничные отношения между властью и народом. В Конституции должны быть закреплены позитивные духовные ценности российского народа: справедливость, патриотизм, достойная жизнь для тружеников. Авторы предлагают разработать и реализовать конституционную и административную реформу, разработать и внедрить творческую программу культурного развития граждан нашей общей страны и усиления социальной сплоченности между различными этносами, осуществить реформу образования. Модернизация российского общества и государства на современном этапе исторически необходима.*

Ключевые слова: *справедливость, Конституция, идеи, патриотизм, правовой менталитет, история, культура, реформы, развитие.*

FROLOVA Olga Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines of the Military Academy
of Communications named after S.M. Budyonny,
Saint Petersburg, Russia

FROLOV Vladislav Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Colonel of Justice,
Head of the Department of State and Legal Disciplines
of the Federal State Educational Institution of the Saint Petersburg
Investigative Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY, LAW AND STATE AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

Annotation. *This article examines the historical development of the Russian state, society, and culture. It emphasizes that harmonious relations between the government and the people are essential for maintaining law and order. The Constitution should enshrine the positive spiritual values of the Russian people: justice, patriotism, and a dignified life for workers. The authors propose developing and implementing constitutional and administrative reform, developing and implementing a creative program for the cultural development of citizens of our common country and strengthening social cohesion among different ethnic groups, and implementing education reform. Modernization of Russian society and the state is historically necessary at this stage.*

Key words: *justice, Constitution, ideas, patriotism, legal mentality, history, culture, reforms, development.*

Российская историческая память, российское историческое наследие содержит много героических и страшных страниц… Тяжелые войны, жесткие политические режимы, революции, мучительные модернизации и запоздалые реформы… Разные взгляды социальных групп и классов на: идеи развития, на будущее страны, на справедливое общественное устройство приводили к конфликтам, гражданской войне, террору, гибели талантливых и работящих людей. Внешние агрессоры неоднократно пытались поработить или стереть нашу цивилизацию.

Вопрос в том, какие исторические уроки мы извлекли из нашего прошлого, из геополитического исторического дискурса, какие идеи россияне восприняли как ведущие, «флаговые», базовые. Историческая память отражается в менталитете наших людей, в конституционном законодательстве и воплощаемых социально-экономических проектах.

«Общечеловеческие, традиционные, этнические и иные правовые ценности составляют «генетический код» правовой ментальности каждого народа. Через эти ценности формируется свой собственный неповторимый «духовный мир» каждого общества, что позволяет развивать свою внутреннюю сущность и аксиологическое содержание. Благодаря этому ценностный «историко-генетический код» правовой ментальности выступает ядром правовой культуры.» [6, с. 48].

Наши ценности: патриотизм, стремление к свободе, справедливости, спокойной и достойной жизни для тружеников. Вопрос в том, как гармонично строить отношения между государством и народом (элитой и простыми гражданами), богатыми и бедными, представителями различных этносов, проживающих на огромном российском геополитическом пространстве, коренными жителями и мигрантами. Вопрос и в том, в какой мере наши реальные социальные духовные ценности совпадают с конституционно-правовой установкой, своего рода правовой «матрицей». Причем в Основном законе иерархии духовных и правовых ценностей не установлено (хотя многие из них закреплены и любую из них разные политики могут провозглашать как главную): социальное государство, правовое государство, светское государство, верховенство прав человека и гражданина, демократия…), а сама государственная идеология в Основном законе официально отрицается.

Государство должно обеспечивать, чтобы официальные правовые установки, идеи, ценности в целом совпадали (и ни в коем случае не противоречили) - правовому менталитету народа, его позитивным духовным идеям, принципам и устоям.

Исторические события отражаются и закрепляются в социальных стереотипах поведения людей, отношениях власти и народа, подходах к преобразованиям, в традиционных паттернах по решению личных и общественных вопросов и проблем.

«Русский правовой менталитет – это, своего рода, исторически сложившаяся правовая «память» русского этноса, которая получила свое закрепление в архетипах коллективного бессознательного, оказывающих воздействие на развитие комплексов личностного бессознательного человека, которые рационализируются на «поверхности» правосознания в виде системы представлений о праве, чье содержание составляют правовые ценности, установки, верования, умонастроения…» [3, с. 109].

Рыночная выгода, желание заработать, получить прибыль обусловлена естественной потребностью человека хорошо обустроить свою жизнь. Идею накопления

частной собственности (присущую капитализму) и личные желания человека (стремление к хорошей жизни) никто не в силах отменить правовыми средствами. Перескочить через очередную ступеньку (этап) исторического формационного развития ни одной стране пока не удалось и вряд ли удастся в будущем. Но разве добросовестная работа и достойной вознаграждение за неё противоречит корневой для российского общества идее справедливости?

В то же время в российском обществе возникает вопрос о справедливости накопления олигархами первоначальных капиталов, справедливости проведенной приватизации. В целях повышения справедливости распределения общественных ресурсов российским государством введена подоходная шкала налогообложения, проведена в ограниченном объеме - национализация.

Любовь к Родине, гордость за свою страну, уважение к памяти предков заложена в нашей коллективной исторической памяти.

Вот данные проведенного в июле 2026 года социологического опроса ВЦИОМа: «Из ассоциаций, рождается многогранный, но достаточно цельный образ России, в основе которого лежат три смысловых блока: чувство принадлежности, гордость и величие. Россия ассоциируется с домом, родной землей и местом, где человек родился и вырос, предстает как объект искренней гордости и любви и одновременно воспринимается как сильная и могущественная держава. При упоминании России респонденты чаще всего называют Родину (25% ответов), патриотизм и гордость (23%), а также величие (23%)...» [2, с. 1].

Россияне хотят получать хорошее образование, иметь возможность пользоваться качественными медицинскими услугами, путешествовать по миру...В российском обществе на данный исторический момент доминирует потребность в социальной, политической и культурной стабильности, личной и общественной безопасности. Здоровый консерватизм обусловлен как традиционными ценностями, так и болезненными социо-психологическими травмами эпохи перемен.

Хотя правовая культура на протяжении последних трех десятилетий претерпела определенные изменения. Менталитет и особенности российского этноса исторически изменчивы: нельзя полагать, что они не меняются под воздействием новой экономической ситуации, давлением внешних и внутренних политических факторов, иных обстоятельств.

Каким образом на россиян воздействуют глобальные мировые ценности, идеи, представления, мемы, клипы, образцы иностранной культуры?

Насколько мы знаем, бережем и преумножаем родную, отечественную культуру?

Какие мы на самом деле?

Насколько отличаются друг от друга разные поколения россиян, жители мегаполисов, крупных городов и сельской местности, различных регионов России: Восточной Европы, Северного Кавказа и Дальнего Востока, Сибири и Поволжья.

Существует и определенный духовно-нравственный кризис. О его наличии в России можно судить по количеству разводов, абортов, правонарушений...

Причем для разных поколений трансформация основных духовных ценностей, изменения в мотивации поведения (правомерного и неправомерного) может сильно отличаться.

Новые реальные «тренды» молодых поколений пока не обрели внешне четких общественных и политических очертаний, своих формулировок в программах политических партий, статьях нормативно-правовых актов.

«Актуальная для современного российского общества и государства задача, связанная с формированием позитивного правового сознания молодежи, может быть решена на основе координации усилий образовательных организаций и семьи, призванных осуществлять целенаправленное воспитательное воздействие на представителей молодого поколения, а также СМИ, распространяющих доступные информационные материалы правового характера, необходимые для развития различных компонентов правосознания российской молодежи.» [4, с. 81].

Важно не оказаться в плену собственных иллюзий. Особенно руководителям российского государства. Нам нужно выстоять и победить.

«Убеждение, что собственное видение реальности является единственной реальностью – самая опасная иллюзия» [5, с. 2].

Внешне успешно работающие социаль-

ные институты (образования и воспитания) на самом деле могут оказаться неэффективными. Не будет осуществляться на практике трансляция положительных социальных ценностей. Будет затрудняться передача специальных компетенций (знаний, навыков и умений), воспитание трудолюбивого и добросовестного работника, ориентированного на законопослушное поведение.

Образование и воспитание – вот две основы для успешного общественного развития.

Однако детские сады и школы является очень консервативными социальными институтами, а воспитательницы и учителя получают не слишком большое вознаграждение за свою трудоемкую работу. Они зачастую в принципе не могут эффективно транслировать молодым поколениям положительные социальные привычки и устои: как по причине личного разочарования, негативного личного опыта, так и в силу перегрузок и возраста.

Хотя произошло снижение общего уровня преступности, благодаря появившимся новым социальным лифтам, новым возможностям законного обогащения, уходу детей и подростков от улицы и негативных уличных обыкновений благодаря увлечению компьютерным играм и появлению новой виртуальной реальности (со своими положительными и отрицательными последствиями...

Сомневаемся, что полностью устарело следующее мнение: «В современной России развился и закрепился мозаичный, несистемный тип культуры, составленной из разнородных, плохо согласующихся между собой, дисгармоничных фрагментов. Ее характеризует когнитивный вакуум, примитивный утилитаризм, отсутствие знаний и понимания ситуации в обществе, господство слухов и дезинформации. Власть полностью устранилась от объяснения с народом, стала непонятной, а поэтому пугающе опасной. Мозаичность культуры - это внушаемость, манипулируемость и мифологичность сознания и иррациональность поведения.» [1, с. 68].

Наличие множества различных этносов порождает определенные трудности в сфере социальной сплоченности. Иногда проявляется сепаратизм у определенных национальных групп. Телевидение как ресурс социального управления ослабевает и теряет свою роль социального транслятора. Реклама и неинтересные программы не привлекают молодые поколения. Телевизионные боссы не чувствуют ситуации, не прогнозируют её развитие, не учитывают клиповое мышление молодежи, пытаясь извлекать максимум прибыли из рекламы товаров в настоящем. При этом социальная реклама на телевидении представлена крайне слабо (нужны талантливые и правдивые социальные ролики о подвигах наших бойцов на СВО, о хороших людях –тружениках, качественно делающих свою работу, о вреде наркотиков, табака и алкоголя, о том, как печальна судьба преступников...).

Многие вовлечены в мир интернета. Все Интернет-ресурсы власть контролировать не в состоянии. Тотальные запреты и попытки заглушить их полностью, оставив один-два своих подконтрольных не выглядит правильным и эффективным решением проблемы социального контроля. Политика запретов может привести как к скрытому пассивному недовольству и постепенной утере власти авторитета, так и социальным протестам и нежелательному «социальному взрыву недовольства». Не первого, ни тем более второго крайне бы не хотелось.

Что нужно сделать для решения насущных проблем?

Какую правовую политику проводить?

Первое. Разработать и реализовать творческую программу культурного развития граждан нашей общей страны и усиления социальной сплоченности между различными этносами, преодоления негативных предрассудков и стереотипов, повышения уровня уважения к закону и власти. В рамках программы предусмотреть конкурс патриотических фильмов и художественных произведений, посвященных любви к России, патриотизму россиян. Лучшие фильмы и книги издавать и показывать за государственный счет.

Второе. Осуществить реформу образования. Её приоритеты: реальное повышение уровня зарплат учителей; федеральное прямое бюджетное финансирование каждой школы и детского сада; финансирование достойного материально-технического обеспечения для качественного обучения в сфере информационно-компьютерных технологий; творческое проведение именно школьным «воспитателем» уроков патриотизма и любви к Отечеству; введение единых по всей стране учебно-методических комплексов на

учебные предметы (на всех уровнях обучения) с жестким запретом дополнительных бюрократических требований (и ограничением постоянных ненужных инициатив и проектов вышестоящих чиновников) к преподавательскому составу.

Следует развивать службу школьных психологов (а соответственно обеспечить введение психологической службы в каждой школе), осуществляющих реальную поддержку проблемным детям. Нужно воссоздать интернаты и специальные школы для детей и подростков с определенными психологическими деформациями. Пора честно признать: идея инклюзивного образования просто позволяет государству экономить деньги, но не оправдывает себя.

Следует приучать молодежь реально читать книги. Пока получается не слишком успешно.

Третье. Отказаться от политики тотальных запретов общения в Интернете. Нужно развивать свою «мягкую силу», популяризировать патриотические идеи, раскрывать враждебность тоталитарных и радикальных идеологий.

Важно обеспечить общение детей и подростков (а возможно и людей более старшего возраста) с ветеранами, научить их творить добрые дела, помогать друг другу, организовать их, призвать заниматься волонтерскими проектами, беречь и сохранять нашу природу.

Нужно создавать систему спортивных и патриотических клубов. Там человеку должна быть обеспечена возможность: почитать правильную и хорошую книгу, пообщаться со сверстниками, сходить в тренажерный и игровой зал, бассейн, на стрелковую тренировку и в секцию по спортивным единоборствам. В составе команды должна быть обеспечена возможность поучаствовать в маленьком пейнтбольном (российского аналога данного слова авторы не знают) сражении. Нужно заботиться о здоровье россиян (физическом и духовном). Вероятно, не стоит тратить государственные (а значит общественные) миллиарды на убыточные футбольные клубы и направить деньги на бесплатные (для молодежи и социально незащищенных категорий населения) спортивные патриотические организации?

Четвертое. Нужно повышать уровень демократии в России. Следует чаще проводить референдумы по волнующим население вопросам: от строительства в городе жилого комплекса, медицинского центра или парка, до выборы названия стадиона, улицы, городского театра или библиотеки…

Далее. Не надо противопоставлять коренное население и мигрантов. С мигрантами надо работать! Вовлекать их в нашу культурную жизнь. Мигранты строят здания, убирают улицы, создают материальные блага. Они приносят пользу! Не надо рассматривать данное явление как однозначно отрицательное и тем самым невольно поощрять национализм. Пытаясь отвлекать людей от одних проблем, политики создают другие трудности. Конечно, необходим эффективный, разумный и организованный контроль за передвижением мигрантов, запрет на въезд лиц, ранее судимых и социально опасных….

Багратион, Пушкин, Барклай-де Толли, Лермонтов, Екатерина Великая… – очень много великих «мигрантов» и их талантливых потомков проявили свои незаурядные способности и умения. в России. Мы ими гордимся.

Нужно хранить и преумножать такой «хрупкий капитал» как доверие народа к власти. Политикам, журналистам, культурным деятелям нужно говорить о единстве народов России. О том, что нас соединяет. О том, что в рамках единой страны мы все можем получить гораздо больше. Делать общие проекты: заводов и фабрик, открывать новые туристические маршруты… Нужно открывать новые российские музеи и выставки, организовывать новые художественные галереи и театры, издавать и распространять правильные книги. Ни одного российского города не должно быть без музея и художественной галереи! Нужно использовать достижения великой русской культуры для сближения этносов на нашем огромном геополитическом пространстве. Другой вопрос, что расходовать государственные деньги на творческие проекты надо точечно, правильно (с учетом мнения народа) и не допускать хищений из бюджета. Следует доверять талантливым режиссерам финансовые гранты на патриотические фильмы на основе конкурсного просмотра короткометражных фильмов и народного голосования.

Причем «мягкая сила» российской культуры должна быть обращена и вовне: мы должны рассказывать другим народам

правду о себе и своем видении мировой ситуации, рассказывать о наших достижениях и успехах, о нашей жизни. Нельзя оказаться в состоянии опасной для нас внешней политической изоляции. При условии успешного развития и выбора правильных традиционных ценностей мы будем влиять на выбор исторического пути для человечества.

Список литературы:

[1] Бугаенко Ю.Ю. Деформации и кризисные явления в правовой культуре современного российского общества // Общество и право. 2007. №1. –С.67 -74.

[2] ВЦИОМ. Новости: С чего начинается Родина? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/s-chego-nachinaetsja-rodina (дата обращения 02.09.2026).

[3] Гуляихин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // Юридические исследования. 2012. № 4. С. 108-133.

[4] Загутин Д. С., Самыгин П. С., Самыгин С.И. Проблемы формирования позитивного правосознания молодежи в современной России // Философия права. 2017. №3. –С.79-84.

[5] Пауль Вацлавик. Афоризмы известных психологов // Яндекс Книги. URL: https://books.yandex. ru/books/q8dMAC06/quotes (дата обращения 15.08.2026).

[6] Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.2020. №3. –С.48-55.

References:

[1] Bugaenko Yu.Yu. Deformations and crisis phenomena in the legal culture of modern Russian society // Society and Law. 2007. No. 1. – P. 67–74.

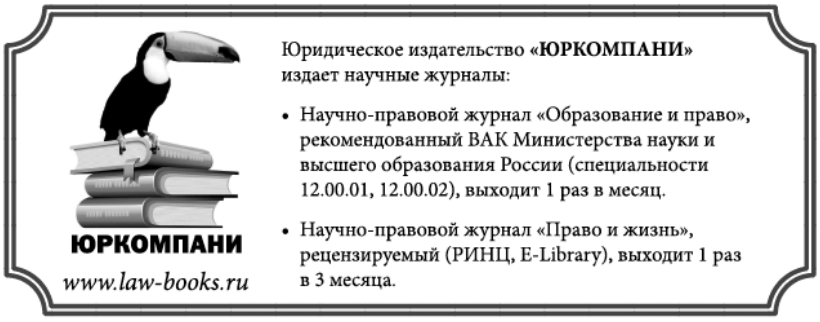
[2] VTsIOM. News: Where does the Motherland begin? // VTsIOM. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/s-chego-nachinaetsja-rodina (accessed 02.09.2026).

[3] Gulyaikhin V.N. The legal mentality of Russian citizens // Legal Studies. 2012. No. 4. P. 108–133.

[4] Zagutin D.S., Samygin P.S., Samygin S.I. Problems of fostering positive legal consciousness among youth in modern Russia // Philosophy of Law. 2017. No. 3. – P. 79–84.

[5] Paul Watzlawick. Aphorisms by famous psychologists // Yandex Books. URL: https://books.yandex.ru/books/q8dMAC06/quotes (accessed 15.08.2026).

[6] Slavova N.A. Legal culture: concept and functions // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2020. No. 3. – P. 48–55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-17-24**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

БЕЛЯЕВ Денис Владимирович,
учитель истории и обществознания,
МБОУ СШ им. С.К. Нестерова с. Талицкий Чамлык,
студент Института истории, права и общественных наук,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, Российская Федерация,
e-mail: amnezzz1a@vk.com

МАРКОВ Роман Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-7257-6901,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ ГОРОД ЛИПЕЦК: МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКИ НАРОДОВЛАСТИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается территориальное общественное самоуправление в городском округе город Липецк как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления. Анализируются федеральные и муниципальные правовые основы ТОС, порядок его организации, связь с инициативными проектами и значение для развития практик локального народовластия.*

Ключевые слова: *территориальное общественное самоуправление, ТОС, местное самоуправление, муниципальное право, город Липецк, народовластие, инициативные проекты.*

BELYAEV Denis Vladimirovich,
Teacher of History and Social Studies,
S.K. Nesterov Secondary School, Talitsky Chamlyk village,
student of the Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russian Federation

MARKOV Roman Stanislavovich,
PhD in Law, Associate Professor of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russian Federation

TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN THE CITY DISTRICT OF LIPETSK: MUNICIPAL LEGAL REGULATION AND PRACTICES OF POPULAR RULE

Annotation. *The article examines territorial public self-government in the city district of Lipetsk as a form of public participation in local self-government. The authors analyze federal and municipal regulation, organizational procedures, the connection with initiative projects and the significance of TPSG for local democratic practices.*

Key words: *territorial public self-government, local self-government, municipal law, Lipetsk, popular rule, initiative projects.*

Введение

Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) занимает особое место в системе местного самоуправления, поскольку связывает публично-правовую организацию муниципального образования с повседневными интересами жителей конкретной территории. На уровне городского округа такая форма участия населения особенно значима, ведь крупному городу необходимы органы муниципальной власти и устойчивые каналы выражения интересов жителей дворов, улиц, групп жилых домов и микрорайонов.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей муниципально-правового регулирования территориального общественного самоуправления в городском округе город Липецк и определении его значения как формы народовластия. Для достижения этой цели необходимо раскрыть федеральную модель ТОС, охарактеризовать ее муниципальную правореализацию в Липецке, показать основные формы участия жителей и сформулировать предложения по совершенствованию локального регулирования. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, системный анализ, сравнительно-правовой подход, анализ муниципальных правовых актов и официальных информационных материалов.

Правовая природа ТОС в системе местного самоуправления

Юридическая природа ТОС является смешанной: этот институт не сводится ни к общественной активности жителей, ни к элементу публично-правовой организации. Исторически этот институт прошел путь от органов общественной самодеятельности, встроенных в советскую систему местного управления, до современной формы самоорганизации жителей, сочетающей признаки гражданского участия и зависимость от муниципального правового признания. Как справедливо показывает Е.С. Шугрина, в начале 1990-х гг. ТОС рассматривалось как полноценный элемент системы местного самоуправления, тогда как позднее оно стало пониматься преимущественно как особый институт гражданского общества с территориальной привязкой [1, с. 58–60].

Такое развитие объясняет концептуальную двойственность современного ТОС. Оно создается по инициативе жителей и действует в интересах населения соответствующей территории, однако его границы устанавливаются представительным органом муниципального образования, устав подлежит регистрации уполномоченным органом местного самоуправления, а условия и порядок выделения средств из местного бюджета определяются муниципальным правовым актом. Поэтому ТОС нельзя рассматривать как полностью автономное общественное объединение, ведь его правовая жизнеспособность зависит от муниципальной процедуры, а содержание деятельности определяется инициативой населения.

В этом отношении принципиально важна позиция В.И. Васильева о недопустимости сведения местного самоуправления к территориальному общественному самоуправлению. ТОС является важной формой участия жителей в местных делах, но не заменяет местное самоуправление как конституционный институт народовластия и организационную форму решения вопросов местного значения [2, с. 110]. Данный тезис позволяет уточнить место ТОС в системе муниципального управления: оно не подменяет городскую администрацию, городской Совет депутатов или иные муниципальные структуры, но обеспечивает правовую форму выявления интересов жителей, подготовки предложений и участия в реализации локальных проектов.

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» закрепил ТОС в числе форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. В ст. 42 указанного закона ТОС отнесено к формам участия населения, а не к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Это разграничение важно для оценки юридических последствий решений ТОС: они не обладают той же природой, что решения, принятые на местном референдуме или муниципальных выборах, но имеют значение как правовая форма самоорганизации и представления локального интереса.

Федеральный закон № 33-ФЗ в ст. 50 определяет ТОС как самоорганизацию граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Закон устанавливает, что границы территории ТОС определяются представительным органом муниципального образования по предложению населения. ТОС осуществляется через собрания, конференции граждан и органы ТОС, может иметь статус юридического лица, а его органы вправе заниматься хозяйственной деятельностью по благоустройству территории и вносить проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению.

Научное понимание народовластия позволяет точнее определить место ТОС. В исследовании О.А. Кожевникова, И.Ю. Остановича и А.В. Нечкина различаются узкий и широкий подходы к институтам прямой демократии, а также обращается внимание на соотношение институтов обсуждения и институтов соучастия [3, с. 225–226]. В этой логике ТОС в действующей модели скорее относится к формам участия и обсуждения, чем к собственно прямому властвованию. Вместе с тем потенциал ТОС возрастает там, где его предложения получают обязательную муниципальную процедуру рассмотрения, мотивированного ответа и возможного включения в инициативные проекты.

Муниципально-правовое регулирование ТОС в городе Липецке

Муниципальная основа ТОС в Липецке закреплена прежде всего в Уставе городского округа город Липецк Липецкой области Российской Федерации. Устав относит ТОС к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в его осуществлении, а в ст. 19 определяет его как самоорганизацию граждан по месту жительства на части территории города для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. В той же системе уставных форм участия населения названы инициативные проекты, собрания и конференции граждан, обращения, правотворческая инициатива и публичные слушания. Это позволяет рассматривать ТОС как элемент более широкой муниципальной системы гражданского участия.

В Уставе города Липецка закреплены основные элементы модели ТОС. Границы территории, на которой оно осуществляется, устанавливаются городским Советом депутатов по предложению населения. ТОС считается учрежденным с момента регистрации его устава. Порядок регистрации устава, организации и осуществления ТОС, а также условия и порядок выделения необходимых средств из бюджета города определяются решением городского Совета. Дополнительно в Уставе указано, что органы ТОС могут выступать инициаторами инициативного проекта. Такое соединение ТОС и инициативного проектирования представляется особенно значимым, поскольку переводит местную активность жителей из сферы обращений и обсуждений в сферу проектной муниципальной деятельности.

Специальным актом города является Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Липецке, утвержденное решением Липецкого городского Совета депутатов от 18 июля 2006 г. № 374. Данный документ сохраняет значение основного муниципального правового акта, определяющего порядок организации и осуществления ТОС в городе. Его наличие является сильной стороной липецкой модели: оно позволяет регулировать не только общие вопросы, закрепленные в Уставе, но и порядок создания ТОС, проведения собраний и конференций, регистрации устава, определения полномочий органов ТОС и их взаимодействия с органами местного самоуправления. Вместе с тем Положение нуждается в сопоставлении с Федеральным законом № 33-ФЗ, особенно в части терминологии, возраста участников собраний, финансовой поддержки, статуса органов ТОС и связи с инициативными проектами.

Организационная структура ТОС имеет принципиальное значение для его устойчивости. Как обоснованно указывает А.О. Стрельников, федеральное регулирование недостаточно подробно определяет организационную структуру ТОС, а для повышения эффективности необходима ясность в отношении исполнительных и контрольных органов, сроков их полномочий и оснований их досрочного прекращения [4, с. 41–46]. Материалы муниципальной практики по созданию отдельных ТОС показывают,

что учреждение ТОС включает несколько последовательных юридически значимых действий: принятие жителями решения о создании ТОС, утверждение устава, определение структуры органов, избрание совета ТОС и председателя. Так, при создании ТОС «Ул. Невского, 1, ул. Адм. Макарова, 26» конференция граждан утвердила структуру, включающую конференцию жителей как высший орган и совет ТОС как постоянно действующий орган; в состав совета было избрано шесть человек. Следовательно, вопрос организационной структуры в липецкой практике решается непосредственно в учредительных документах конкретных ТОС.

Липецкий опыт показывает, что ТОС имеет выраженную территориальную природу. Решения городского Совета депутатов об установлении границ конкретных ТОС подтверждают, что правовое оформление начинается с инициативы жителей, проведения собрания или конференции, подготовки проекта устава и документов, определяющих территорию деятельности. Например, в материалах по ТОС «Ул. Невского, 1, ул. Адм. Макарова, 26» содержались заявление председателя совета ТОС, протокол конференции граждан, устав, описание границы, схема границы и пояснительная записка. Конференция граждан была проведена 24 декабря 2021 г., на ней были приняты решения о создании ТОС, установлении границ, утверждении устава, определении структуры органов, избрании совета и председателя совета. Этот пример показывает, что учреждение ТОС представляет собой последовательную муниципально-правовую процедуру.

Иные липецкие примеры позволяют увидеть различный масштаб ТОС. ТОС «Энерго 15, 21» было создано в границах многоквартирных домов № 15 и № 21 по ул. Энергостроителей. В пределах соответствующей территории проживает 462 жителя, достигших 16-летнего возраста, а на конференции присутствовали семь избранных делегатов. ТОС «Ул. Зои Космодемьянской» охватывало территорию улиц Зои Космодемьянской, Передельческой, Боровой и Березовой. В пределах соответствующей территории проживает 2980 жителей, достигших 16-летнего возраста. Таким образом, липецкая модель допускает как дворовый формат ТОС, связанный с несколькими многоквартирными домами, так и более широкий уличный-территориальный формат.

Реестр созданных ТОС также подтверждает разнообразие территориальных масштабов и организационных форм. В нем представлены небольшие ТОС, связанные с одним домом или двором, и более крупные объединения. Например, ТОС «Плеханова, 1а» и ТОС «Германа Титова, 7/1» указываются как созданные 10 декабря 2019 г. с количеством жителей 103 человека; ТОС «ул. Плеханова, д. 30» создано 26 апреля 2019 г. и объединяет 120 жителей; ТОС «Лидер», созданное 27 августа 2013 г., охватывает 927 жителей. Эти данные позволяют сделать вывод, что ТОС в Липецке не сводится к единообразной организационной модели и адаптируется к различным типам городской территории.

Значение официальных информационных ресурсов в этих условиях возрастает. В Липецке действует портал территориального общественного самоуправления, содержащий нормативную базу, реестр созданных ТОС, сведения о программах и конкурсах, материалы по «Школе ТОС», алгоритм создания ТОС и формы документов. Такой ресурс выполняет справочную и правовую функцию: инициативная группа получает возможность проследить последовательность действий, ознакомиться с примерами документов и определить комплект материалов, необходимых для создания ТОС. Однако для дальнейшего развития ТОС целесообразно усиливать аналитическую составляющую реестра: он должен быть удобным для поиска и содержать сведения о территории ТОС, дате учреждения, действующем уставе, составе органов, реализованных проектах, отчетности и контактных данных.

ТОС как практика городского народовластия

ТОС в городском округе следует рассматривать как форму «повседневного» народовластия. Его отличие от выборов и референдума состоит в том, что оно не сводится к разовому акту волеизъявления. Так, ТОС предполагает постоянную работу жителей с проблемами ближайшей территории: благоустройством двора, состоянием подъездов и придомовых территорий, безопасностью, организацией локальных мероприятий, взаимодействием с депутатами, администрацией и управляющими организациями, уча-

стием в программах и конкурсах. Именно такая постоянность делает ТОС важным для формирования муниципальной гражданской культуры.

В работе Н.П. Алешковой обращается внимание на то, что ТОС до сих пор не всегда способно реально влиять на принятие муниципальных управленческих решений и эффективно реализовывать инициативы населения, а неоднородность правового регулирования создает препятствия уже на стадиях создания и регистрации ТОС [5, с. 95–96]. Наличие правовой базы само по себе не гарантирует реального народовластия. Липецкая практика показывает, что при организационном сопровождении и понятной процедуре ТОС способно выступать формой согласованной инициативы жителей, а не только формально созданной структурой.

Практика народовластия через ТОС выражается в нескольких взаимосвязанных формах. К ним относятся собрания и конференции жителей, деятельность органов ТОС, участие в инициативных проектах и конкурсах, общественное информирование, посредничество между жителями и муниципальной властью, а также участие в благоустройстве и иной деятельности, направленной на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан. В липецкой практике эти формы проявляются достаточно конкретно: в протоколах конференций фиксируются вопросы создания ТОС, утверждения устава, определения границ, избрания совета и председателя, а участие в городских программах позволяет переводить общественную инициативу в проектную деятельность.

В исследовании М.А. Чекрыги показано, что развитие ТОС обычно зависит от сочетания правового регулирования, методической помощи, финансовой поддержки, ресурсных центров, обучения актива и устойчивого взаимодействия с органами местного самоуправления [6, с. 21–28]. Сопоставление этих практик позволяет конкретизировать содержание муниципальной поддержки ТОС. Она не должна сводиться к разовому финансированию отдельных проектов, поскольку устойчивость ТОС обеспечивается постоянным сопровождением инициативных групп, консультациями по подготовке документов, обучением председателей и членов органов ТОС, помощью в подготовке заявок и включением жителей в проектную деятельность.

В Липецке такая поддержка частично выражена через «Школу ТОС». Она позиционируется как площадка взаимодействия с активом ТОС города, на которой оказывается учебно-методическая, консультационная и иная помощь. Значение этой формы трудно переоценить: для большинства жителей создание ТОС связано с незнакомыми юридическими действиями – подготовкой устава, проведением собрания или конференции, оформлением протокола, описанием границ, регистрацией устава. Поэтому обучение актива фактически становится условием доступности ТОС для обычных жителей, а не только для лиц, уже имеющих административный или юридический опыт.

Связь ТОС с инициативными проектами и программами благоустройства раскрывает прикладной потенциал этого института. Через такие механизмы локальная самоорганизация жителей получает проектное выражение и может быть направлена на решение конкретных вопросов городской среды. В условиях крупного города жители часто воспринимают муниципальную власть как удаленную от проблем конкретного двора или улицы. Инициативный проект позволяет изменить эту ситуацию, поскольку требует обсуждения, определения территории реализации, подготовки предложения, возможного софинансирования или иной формы участия. Если ТОС становится инициатором проекта, оно приобретает более содержательную роль: сообщает о проблеме и предлагает вариант ее решения.

В качестве близкой к этой логике муниципальной практики может рассматриваться программа «Мой двор». Она не тождественна ТОС и не должна смешиваться с ним как правовым институтом, однако показывает, что благоустройство дворовых территорий в Липецке строится с учетом организованного участия жителей. Для включения территории в программу требуется решение общего собрания собственников, согласие на софинансирование, выбор представителей, участвующих в согласовании проекта и контроле работ. По данным о лучших практиках инициативного бюджетирования, муниципальная программа города Липецка «Мой двор» была отнесена к числу практик с заметным количеством реализованных проектов (в 2024 г. – 61 проект). Это подтверждает, что в городе уже сложилась

проектная среда, в которую ТОС может быть встроено как более устойчивая форма территориальной самоорганизации.

Проектная активность ТОС проявляется и через городские конкурсы. На официальном портале ТОС размещаются материалы о конкурсах и программах, в том числе о конкурсе «Липецк в цвету», где предусмотрена номинация «Цветущий ТОС», а также о конкурсе на самый креативный субботник. Такие мероприятия имеют благоустроительное и правовое значение: они поддерживают регулярную деятельность ТОС, позволяют жителям видеть практический результат самоорганизации и переводят участие в местном самоуправлении из формального статуса в конкретные действия на территории проживания.

Вместе с тем следует учитывать риск формализации. ТОС может существовать в реестре, но не быть активным механизмом народовластия, если собрания проводятся редко, отчетность не публикуется, проекты не реализуются, а взаимодействие с органами местного самоуправления ограничивается отдельными обращениями. Поэтому оценивать развитие ТОС необходимо и по качественным признакам, к которым относятся регулярность собраний, участие жителей, число подготовленных инициатив, открытость информации, наличие отчетов, разнообразие форм взаимодействия, практическое влияние на благоустройство и городскую среду. Для Липецка особенно важно, чтобы реестр ТОС отражал не только факт создания, но и последующую деятельность территориальных объединений.

Проблемы и направления совершенствования липецкой модели ТОС

Первая проблема связана с необходимостью актуализации муниципального регулирования. Федеральный закон № 33-ФЗ изменил понятийный аппарат и закрепил ТОС в системе форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. В связи с этим Устав города и Положение о ТОС должны быть проверены на соответствие новой терминологии, требованиям к собраниям и конференциям, положениям о поддержке ТОС, инициативных проектах и полномочиях органов ТОС. При этом важно сохранить работающие липецкие процедуры и устранить возможные противоречия с федеральным законом.

Вторая проблема состоит в сложности создания ТОС для обычных жителей. Липецкий опыт по установлению границ конкретных ТОС показывает, что инициативной группе необходимо подготовить значительный комплект документов, включающий заявление, протокол собрания или конференции, устав, документы, определяющие границы территории, и пояснительную записку. Эти требования оправданы, поскольку ТОС должно иметь публичную определенность, однако без сопровождения они способны стать существенным барьером. Поэтому целесообразно развивать доступность типовых документов, включая примерный устав, образец протокола, образец описания границ, пошаговую инструкцию для инициативной группы и памятку о проведении собрания или конференции.

Третья проблема касается публичности деятельности уже созданных ТОС. Официальный реестр должен быть инструментом общественного контроля, а не только перечнем территориальных объединений. Сейчас карточки отдельных ТОС позволяют увидеть границы, руководителя, дату создания, количество жителей и организационно-правовую форму. Это хороший исходный уровень публичности, но его можно развивать. Желательно, чтобы по каждому ТОС были доступны сведения о действующем уставе, сроке полномочий органов, проведенных собраниях, реализованных проектах и формах поддержки. Такая открытость повышает доверие к ТОС и позволяет жителям понимать, к кому обращаться по вопросам своей территории.

Четвертая проблема связана с соотношением самостоятельности ТОС и муниципальной поддержки. Органы местного самоуправления должны содействовать населению в участии в местном самоуправлении, однако чрезмерная административная опека способна превратить ТОС в зависимое звено муниципальной управленческой системы. Липецкий опыт показывает, что сопровождение со стороны департамента развития территории необходимо уже на стадии создания ТОС, однако оно должно иметь сервисный, а не директивный характер. Муниципалитету следует помогать с документами, консультациями и обучением, не подменяя инициативу населения.

Пятая проблема состоит в необходимости содержательного участия ТОС в принятии решений. Формальное право внести проект

муниципального правового акта или инициативный проект имеет значение только при наличии понятной процедуры рассмотрения, мотивированного ответа и последующего контроля. Поэтому в Положении о ТОС целесообразно закрепить обязанность органов местного самоуправления рассматривать предложения органов ТОС по вопросам соответствующей территории в установленный срок, направлять мотивированный ответ и размещать информацию о результатах рассмотрения в открытом доступе. Особенно это важно для вопросов благоустройства, использования дворовых территорий, локальной безопасности и взаимодействия с управляющими организациями.

Шестая проблема касается подготовки актива ТОС. Для устойчивости института необходимо как создать ТОС, так и обеспечить преемственность его деятельности. В Липецке перспективным направлением является дальнейшее развитие «Школы ТОС», в том числе по направлениям правового обеспечения деятельности, работы с жителями, подготовки инициативных проектов, финансовой отчетности, взаимодействия с депутатами и администрацией, основам публичной коммуникации. Такое обучение особенно важно для студентов, педагогов, общественных активистов и представителей старшего поколения, поскольку именно они часто становятся организаторами местных инициатив.

Наконец, ТОС может быть использовано как площадка муниципального правового воспитания. Для города Липецка, где развиваются образовательные и проектные практики, ТОС представляет интерес как правовой институт и формат гражданского образования. Конкретные примеры липецких ТОС могут использоваться в работе со школьниками старших классов, студентами СПО и вузов. Это позволяет изучать местное самоуправление не только по букве закона, но и через реалии города. В этом смысле ТОС соединяет муниципальное правовое регулирование, гражданское воспитание и проектную деятельность.

Заключение

Территориальное общественное самоуправление в городском округе город Липецк представляет собой значимую форму участия населения в осуществлении местного самоуправления. Его правовая природа состоит в соединении самоорганизации жителей и публично-правового признания, а практическая ценность проявляется в возможности переводить местные запросы в предложения, инициативные проекты, благоустройство и постоянное взаимодействие с органами местного самоуправления.

Липецкая модель ТОС обладает рядом положительных признаков, к которым можно отнести наличие уставного регулирования, специального муниципально-правового регулирования, официального интернет-портала, реестра созданных ТОС, а также практики установления границ и связи с инициативными проектами. Вместе с тем обновление федерального законодательства требует ревизии муниципальных правовых актов, усиления публичности, юридического сопровождения инициативных групп, развития обучения актива и закрепления более ясных процедур рассмотрения предложений ТОС. При таких условиях территориальное общественное самоуправление может выступать реальным институтом городской демократии на ближайшем к жителю уровне публичной власти.

Список литературы:

[1] Шугрина Е.С. Эволюция формирования и развития территориального общественного самоуправления в России // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 58–62.

[2] Васильев В.И. Еще раз о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 110–118.

[3] Кожевников О.А., Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 225–233.

[4] Стрельников А.О. Правовое регулирование деятельности территориального общественного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 41–48.

[5] Алешкова Н.П. Некоторые проблемы правового регулирования организации территориального общественного самоуправления в городах // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 95–99.

[6] Чекрыга М.А. Территориальное общественное самоуправление в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального окру-

га // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 9. С. 21–37.

References:

[1] Shugrina E.S. Evolution of the formation and development of territorial public self-government in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 9. P. 58–62.

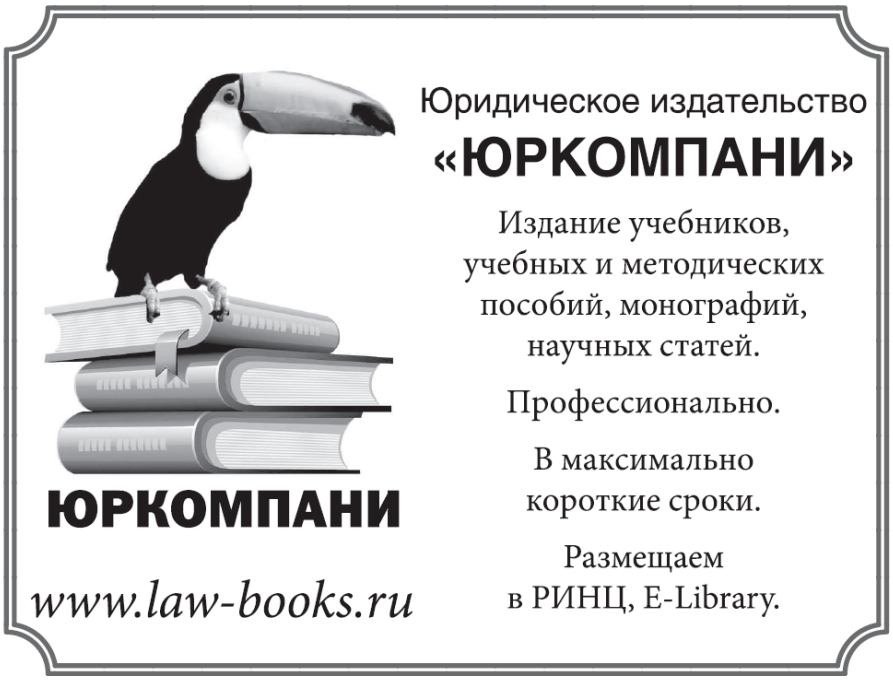
[2] Vasiliev V.I. Revisiting the territorial levels of local self-government // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 110–118.

[3] Kozhevnikov O.A., Ostapovich I.Yu., Nechkin A.V. Current state of direct democracy institutions in Russia: concept, classification, and development prospects // Tomsk State University Journal. 2020. No. 456. P. 225–233.

[4] Strelnikov A.O. Legal regulation of the activities of territorial public self-government // Actual Problems of Russian Law. 2017. No. 4. P. 41–48.

[5] Aleshkova N.P. Some issues regarding the legal regulation of the organization of territorial public self-government in cities // Actual Problems of Russian Law. 2015. No. 6. P. 95–99.

[6] Chekryga M.A. Territorial public self-government in municipalities of the constituent entities of the Russian Federation within the Siberian Federal District // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 9. P. 21–37.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-25-28**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

НЯНЧЕНКО Анна Григорьевна,
студент Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье проводится анализ эффективности механизмов реализации Конвенции о правах ребенка в Российской Федерации. Рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются дети в контексте защиты их прав, включая недостаточную координацию между государственными органами, отсутствие комплексного подхода к реализации прав детей, а также недостаток финансирования социальных программ. В статье также анализируются примеры успешных практик и инициатив на уровне регионов, направленных на улучшение ситуации с правами детей. Авторы предлагают ряд рекомендаций по совершенствованию механизмов реализации Конвенции, включая необходимость усиления межведомственного взаимодействия, повышения осведомленности общества о правах детей и разработки новых стратегий на уровне государственной политики.*

Ключевые слова: *Конвенция о правах ребенка, Российская Федерация, механизмы реализации, права детей, проблемы защиты, социальные программы, межведомственное взаимодействие, государственная политика.*

NIANCHENKO Anna Grigorievna,
Student of the Crimean branch of the
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Russian State
University of the V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF MECHANISMS FOR IMPLEMENTING THE CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *The article analyzes the effectiveness of the mechanisms for implementing the Convention on the Rights of the Child in the Russian Federation. It examines the main problems faced by children in the context of protecting their rights, including insufficient coordination between government agencies, the lack of a comprehensive approach to implementing children's rights, and insufficient funding for social programs. The article also analyzes examples of successful practices and initiatives at the regional level aimed at improving the situation with children's rights. The authors offer a number of recommendations for improving the mechanisms for implementing the Convention, including the need to strengthen interdepartmental cooperation, raise public awareness of children's rights, and develop new strategies at the state policy level.*

Key words: *Convention on the Rights of the Child, Russian Federation, implementation mechanisms, children's rights, protection issues, social programs, interdepartmental cooperation, state policy.*

Конвенция о правах ребенка (КПР) была принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года и является важнейшим международным документом, регулирующим права детей. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 1990 году, что обязывает государство обеспечивать защиту прав детей на всех уровнях. Однако, несмотря на принятые меры, эффективность реализации этих прав в России остается предметом дискуссий.

В соответствии с Конвенцией, ребенок имеет право на: жизнь и здоровое развитие; знать своих родителей и получать от них заботу; сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи, как это предусмотрено законом, без незаконного вмешательства; свободное выражение своих взглядов и мнений; свободу мысли, совести и религии; свободу объединений и мирных собраний; защиту личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища, тайну переписки и защиту от незаконного посягательства на честь и репутацию; доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников; достойные условия жизни для детей с ограниченными возможностями или находящихся под опекой государства; использование современных медицинских услуг и средств лечения заболеваний и восстановления здоровья; образование, отдых и досуг, участие в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих их возрасту; свободное участие в культурной жизни и занятие искусством [2].

Защита прав детей в Российской Федерации осуществляется на основе норм, изложенных в Конституции РФ [1], Семейном Кодексе РФ [3] и других нормативных актах. Конституция РФ, в соответствии с международными стандартами, гарантирует права и свободы граждан (ст. 17), утверждает принцип государственной поддержки материнства, отцовства и детства (п. 2 ст. 7), а также обеспечивает защиту материнства, детства и семьи со стороны государства (ст. 38). Это создает правовую и социально-экономическую основу для полноценного образования, воспитания и развития детей.

Семейный Кодекс РФ ориентирован на укрепление семейных отношений, основанных на взаимной любви и уважении, а также на взаимопомощи и ответственности. Он подчеркивает недопустимость вмешательства в семейные дела и обеспечивает членам семьи, включая детей, возможность осуществлять и защищать свои права (ст. 1 СК РФ).

Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определяет государственную политику в интересах детей [5]. Он включает цели, такие как обеспечение прав детей, гарантированных Конституцией, борьбу с их дискриминацией и восстановление нарушенных прав. Закон также направлен на создание нормативной базы для защиты прав ребенка и поддержку его физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития, а также воспитание патриотизма и гражданственности.

Защиту прав детей также осуществляет Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, должность которого была учреждена Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 года № 986 [7]. Кроме того, в регионах действуют уполномоченные по правам ребенка.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6] закладывает основы для защиты детей от информации, а также от пропаганды и агитации, которые могут негативно сказаться на их здоровье, нравственном и духовном развитии. Закон также определяет ответственность за нарушения в этой области.

Таким образом, права детей в Российской Федерации, которые провозглашаются и реализуются, направлены на содействие индивидуализации личности, а также на сохранение физической неприкосновенности и защиты внутреннего мира ребенка.

Тем не менее, действующее законодательство имеет множество пробелов, что затрудняет полноценную защиту прав детей.

Например, каждый ребенок в России имеет право знать своих родителей, однако в случае усыновления семейное законодательство содержит нормы о тайне усыновления, что ограничивает это право. Лица, которые разглашают информацию о тайне усыновления без согласия усыновителя, могут быть привлечены к уголовной ответственности согласно статье 155 Уголовного кодекса РФ [4].

Кулакова А.А. считает, что: «одной из

основных проблем является отсутствие четкой координации между различными государственными органами, ответственными за защиту прав детей. Это приводит к дублированию функций и недостаточной эффективности работы. Например, Министерство образования, Министерство здравоохранения и Министерство труда и социальной защиты часто действуют независимо друг от друга, что затрудняет реализацию комплексных программ» [8].

Второй проблемой является недостаток комплексного подхода к защите прав детей. Многие программы и инициативы направлены на решение отдельных аспектов (например, борьба с насилием в семье или обеспечение доступа к образованию), но не учитывают взаимосвязь между различными правами детей. Это приводит к тому, что многие дети остаются без должной поддержки.

Недостаточное финансирование социальных программ также негативно сказывается на реализации прав детей. Многие инициативы остаются на бумаге из-за отсутствия реальных ресурсов для их воплощения. Это касается как государственных программ, так и инициатив неправительственных организаций.

Низкий уровень осведомленности общества о правах детей также является значительной проблемой. Многие родители и дети не знают о своих правах и возможностях их защиты. Это создает благоприятные условия для нарушений прав детей и затрудняет работу органов защиты.

Для повышения эффективности реализации Конвенции необходимо усилить межведомственное взаимодействие между государственными органами. Это может быть достигнуто через создание межведомственных рабочих групп, которые будут заниматься разработкой и реализацией комплексных программ по защите прав детей.

Необходимо разработать комплексные программы, которые будут учитывать все аспекты защиты прав детей. Эти программы должны включать в себя не только образовательные инициативы, но и меры по защите от насилия, обеспечению здоровья и социальной поддержки.

Увеличение финансирования социальных программ также является важным шагом. Государство должно выделять достаточные средства на реализацию программ, направленных на защиту прав детей, а также поддерживать инициативы неправительственных организаций.

Для повышения уровня осведомленности общества о правах детей необходимо проводить информационные кампании, направленные как на родителей, так и на детей. Это поможет создать более безопасную среду для детей и повысить их защиту.

Таким образом, эффективность механизмов реализации Конвенции о правах ребенка в Российской Федерации зависит от множества факторов, включая координацию между государственными органами, наличие комплексного подхода, финансирование социальных программ и уровень осведомленности общества. Для улучшения ситуации необходимо принять ряд мер, направленных на решение существующих проблем. Только через совместные усилия государства, общества и неправительственных организаций можно добиться реального улучшения защиты прав детей в России.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., включающая новые субъекты Российской Федерации - Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013

[2] Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборнике международных договоров СССР, М., 1993 г., Выпуск XLVI

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954

[5] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. N 31 ст. 3802

[6] Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью

и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. N 1 ст. 48

[7] Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. N 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 сентября 2009 г. N 36 ст. 4312

[8] Кулакова А.А. Права ребенка и некоторые проблемы, связанные с их применением // Социально-политические науки. 2022. №6. С. 89-91.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; includes the new constituent entities of the Russian Federation—the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhzhia Region, and the Kherson Region; text aligned with the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), October 6, 2022, No. 0001202210060013)

[2] Convention on the Rights of the Child (New York, November 20, 1989) // Collection of International Treaties of the USSR, Moscow, 1993, Issue XLVI

[3] Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 // Collected Legislation of the Russian Federation, January 1, 1996, No. 1, Art. 16

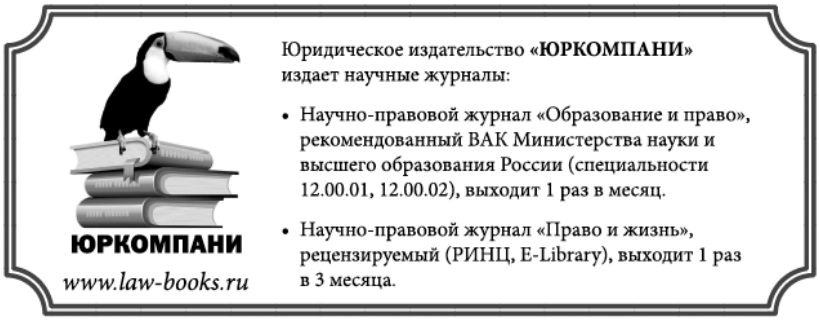
[4] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25, Art. 2954

[5] Federal Law No. 124-FZ dated July 24, 1998, «On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, August 3, 1998, No. 31, Art. 3802

[6] Federal Law No. 436-FZ dated December 29, 2010, «On Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development» // Collected Legislation of the Russian Federation, January 3, 2011, No. 1, Art. 48

[7] Decree of the President of the Russian Federation dated Decree No. 986 of September 1, 2009, «On the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, September 7, 2009, No. 36, Art. 4312.

[8] Kulakova A.A. Children's Rights and Certain Issues Related to Their Implementation // Socio-Political Sciences. 2022. No. 6. Pp. 89–91.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-29-32**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЧИГАРЕВ Борис Алексеевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
e-mail: lysa.chigareva@mail.ru

СТЕПАНОВ Артём Олегович,
Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: lysa.chigareva@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ «STATE» и «ГОСУДАРСТВО»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается онтологическое различие понятий «state» и «государство». В статье делается вывод о сущностном отличии данных понятий: «государство» как политико-правовой термин применим к тем политиям, в которых личность правителя неразделима связана с властью, из-за чего политическая власть представляет собой не проявление не публичного порядка, но власть конкретной «корпорации». В свою очередь «state» представляет собой проявление политико-правой эмерджентности – развитие политико-правовой материи приводит к отделению политической власти в отдельную онтологическую область, не сводимую лишь к правящей элите.*

Ключевые слова: *государство, власть, закон.*

CHIGAREV Boris Alekseevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

STEPANOV Artem Olegovich,
Financial University under the Government of the Russian Federation

THE ONTOLOGICAL DIFFERENCE BETWEEN THE CONCEPTS OF «STATE» AND «STATE»: A POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *This article examines the ontological difference between the concepts of "state" and "государство". The article concludes that there is an essential difference between these concepts: "государство" as a political and legal term is applicable to those polities in which the ruler's personality is inseparably linked to power, which is why political power is not a manifestation of a non-public order, but the power of a specific "corporation". In turn, the "state" is a manifestation of political-legal emergence – the development of political-legal matter leads to the separation of political power into a distinct ontological domain that cannot be reduced solely to the ruling elite.*

Key words: *state, power, law.*

Настоящая статья посвящена вопросу разграничения понятий «state» и «государство». Как уже говорилось, этимологически понятие «state» произошло от латинского юридического понятия «status». На русский язык «state» обычно переводят как «государство» - русский аналог понятия политии, имеющей публичную власть и аппарат насилия. Однако в юриспруденции существует позиция, согласно которой

понятия «state» и «государство» имеют глубокую онтологическую политико-правовую разницу, обнажающую отличие путей развития западного и российского общества. Так, учёный-юрист И.В. Лексин, отмечая использование различного понятийного аппарата в отношении политий в различных культурах, указывает: «К отмеченным обстоятельствам примешиваются межкультурные различия в восприятии государства. Отечественные научная и политическая традиции характеризуются пиететным отношением к государству. В мироощущении русскоговорящего человека государство обычно предстает как некая реальная сила, как своего рода существо, наделенное волей, принимающее решения, совершающее поступки.» [2, с. 211] Учёный пишет, что различие терминологического аппарата в разных языках обусловлено тем, что на Западе, а именно в англосаксонской юриспруденции и политологии то, что в русском языке называется «государством» не рассматривается в целом, вместо этого отдельно изучается политический режим, территориальное устройство и т.д. В то время как в континентальной традиции, в том числе в российской общественной науке, доминирует подход холизма в рамках государствоведения, что, по мнению исследователя, является проявлением существования на протяжении длительного времени неправовых и патерналистских отношений между социумом и властью.

Соответственно, «state» обычно понимается как политико-правовая категория, касающаяся властных общественных отношений. В то время как понятие «государство» подразумевает под собой цельного субъекта политической реальности, наделённого единой волей. Стоит сказать, что целесообразно было бы видеть одной из линий разграничения этих двух понятий разницу между пониманием государственной власти в международном праве и в большинстве современных систем конституционного права: если в международном праве государства действительно выступают как цельные субъекты, что представляется целесообразным для специфики регулирования, то в рамках конституционного права, которое в большинстве случаев строится на принципах разделения властей, участия гражданского общества, многопартийности, государство априори не может представляться единым субъектом, а является, скорее, площадкой урегулированного правовыми нормами взаимодействия различных политико-общественных сил.

Однако есть и позиция, согласно которой «state» и «государство» представляют собой соотношение целого и общего соответственно. Так, Р.А. Ромашов указывает: «Говоря о соотношении понятий государство и state, следует отметить, что в качестве упорядоченной нормативной системы государственной организации и государственного управления, законодательный порядок — state присутствует в любой форме политически организованного сообщества. Однако это вовсе не означает, что любое государство представляет собой state, или, иначе говоря, не всякий нормативный порядок, сложившийся в рамках state, представляет собой государство». [3, с. 4-5] По мнению исследователя, «state» фактически синонимично понятию «полития» - любой форме политического сообщества на определённой территории, одним из видов которого и является государство. В продолжении этой мысли Р.А. Ромашов пишет: государственный state — это порядок, определяемый волей государя и произвольно изменяемый им. Государь устанавливает публичный порядок, однако сам этому порядку не подчиняется, либо подчиняется исключительно по собственному желанию. В таком понимании представители государственной бюрократии являются в прямом смысле слова «слугами государевыми» и руководствуются в своей деятельности не абстрактными правовыми предписаниями, а конкретными властными волеизъявлениями конкретных вышестоящих властителей, каждый из которых, в свою очередь, является «слугой вышестоящего начальника». Таким образом, в рамках данной концепции категория «state» имманентна государству в той части, в которой государство как публично-правовое образование устанавливает общеобязательные нормы и выступает в роли социального регулятора. Надо сказать, что данный автор, как и И. В. Лексин, понимает под «государством» производное от слова «государь», что означает патримониальный характер данного социального явления, её зависимости от личности правителя или правителей.

Попытка разграничения понятий «state» и «государство» в отечественной юридической науке может иметь форму дискуссии

о разграничении понятий «государственность» и «государство» соответственно. Так, А.С. Шабуров пишет: «Теоретический анализ государства как явления (как и конкретного государства) нужно рассматривать и анализировать в развитии, в эволюционных и революционных переходах от одних типов и форм государства к другим, постигать подлинные причины и движущие силы этих процессов. А подобную характеристику государства можно проанализировать только в рамках более широкой и ёмкой категории – «государственность». [4, с. 127] Соответственно, если государство в данной трактовке представляется как конкретно историческое явление, которое меняется, то государственность – вневременная система политико-правовых отношений. Однако возникает вопрос о том, каковы условия изменения самой государственности, находится ли она в метафизическом постоянстве или изменяется. Так, если термин «state» подразумевает социальное политико-правовое явление, сложившееся в определённый исторический период и обладающее рядом постоянных юридических признаков, то государственность как явление может иметь разную трактовку в зависимости от той или иной социально-исторической формации и вехи развития общественных институтов.

В западной науке есть схожие вопросы о соотношении разных понятий и категорий, описывающих те или иные явления власти. Так, существует проблема соотношения понятий «state», которое в данном случае уже понимается как непосредственно юридико-политический субъект, и «government», под чем подразумевается конкретный орган исполнительной власти, отвечающий за организационное обеспечение деятельности «state». Так, Эдвард Робинсон пишет: «Существует твердая презумпция того, что State продолжает существовать со своими правами и обязательствами, несмотря на революционные изменения в правительстве или на период, в течение которого нет никакого или нет эффективного правительства. Воюющая оккупация не влияет на непрерывность State, даже если не существует правительства, претендующего на представительство оккупированного State. Правовое положение правительств в изгнании зависит от различия между правительством и State». [5] Это сходно с позицией А.С. Шабурова, в данном случае «state» - это вневременная категория, продолжающаяся независимо от социально-политических изменений в обществе, что соотносится с понятием «государственность». Соответственно, «правительство» - «government» в данной трактовке будет являться конкретной исторической формой политической власти, которую Шабуров и предлагает называть «государством».

Как представляется, общим в вопросе соотношения всех этих категорий является проблема эмерджентности политико-правовых институтов публичной власти: возникая как власть конкретных персоналий, отождествляемых с самой политической общностью – «государством», политическое образование в ходе усложнения социальной жизни и развития различных общественных сил неминуемо приобретает качественно иное состояние, выходящее за рамки личности правителя. Таким образом, «state» представляет собой высшее явление эмерджентности политического образования, которое проходит эволюцию от организации личностей к организации институтов. В этой связи право представляется проявлением этого свойства: законы, исходившие от властителей и имевшие цель держать в подчинении подданных, в условиях развития эмерджентности теряют источник появления в виде конкретных личностей и становятся плодом общественно-политического соглашения и, что главное, одинаково распространяются на действия как гражданского общества, так и самого государства. Можно сказать, что «state» есть этап развития публичной власти, в ходе которого государство, с одной стороны, «расщепляется» на различные политико-правовые институты, находящиеся в постоянном взаимодействии между собой, а с другой стороны, становится объектом правового регулирования.

Список литературы:

[1] Аврелий Августин. О Граде Божьем. — М. : АСТ, 2023. — 1072 с.

[2] Лексин, И. В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) / И. В. Лексин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21. – № 4. – С. 195–213.

[3] Ромашов, Р. А. Цифровое государство (digital state) – новый тип государства или

форма глобального мирового порядка? / Р. А. Ромашов // История государства и права. – 2017. – № 4. – С. 3–5.

[4] Шабуров, А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения / А. С. Шабуров // Известия ИГЭА. – 2012. – № 3. – С. 125–130.

[5] Robinson, E. H. The Distinction Between State and Government / E. H. Robinson // Geography Compass. – 2013. – Vol. 7. – No. 8. – P. 556–566.

References:

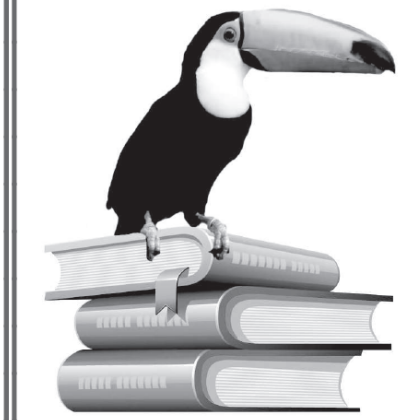
[1] Aurelius Augustine. *The City of God*. — Moscow: AST, 2023. — 1072 p.

[2] Leksin, I. V. The State and (or) Evolution: Problems of Legal Reasoning Regarding the Concepts, Origins, and Development of States (Part One) / I. V. Leksin // *Bulletin of Moscow University. Series 21. Administration (State and Society)*. – 2024. – Vol. 21. – No. 4. – P. 195–213.

[3] Romashov, R. A. The Digital State: A New Type of State or a Form of Global World Order? / R. A. Romashov // *History of State and Law*. – 2017. – No. 4. – P. 3–5.

[4] Shaburov, A. S. State and Statehood: Issues of Interrelation / A. S. Shaburov // *Izvestiya IGEA*. – 2012. – No. 3. – P. 125–130.

[5] Robinson, E. H. The Distinction Between State and Government / E. H. Robinson // *Geography Compass*. – 2013. – Vol. 7. – No. 8. – P. 556–566.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-33-38**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЗАСИМОВ А.А.,
обучающийся 2 курса магистратуры очной формы обучения
Института права и национальной безопасности,
профиль «Юрист в государственном аппарате»,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА И КОМПЕТЕНЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СТОРОНЫ ПРИ ЗАПУСКЕ ГЧП ПРОЕКТОВ В РАМКАХ НАЦПРОЕКТОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу нормативной системы, регулирующей запуск проектов государственно частного партнёрства (ГЧП) и концессионных проектов, реализуемых в логике национальных проектов Российской Федерации. Рассматривается соотношение правового регулирования ГЧП/концессий с бюджетным законодательством, законодательством о закупках и антимонопольными требованиями, а также компетенции публичной стороны (Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований) на стадиях инициирования, подготовки, отбора частного партнёра и заключения соглашения. Обосновывается, что ключевые юридические риски при запуске ГЧП проектов в рамках нацпроектов связаны с фрагментарностью регулирования, неоднозначностью компетенций и процедур согласования, а также с повышенными требованиями к обоснованию эффективности и прозрачности решений. Формулируются предложения по повышению правовой устойчивости управленческих решений и снижению рисков оспаривания.*

Ключевые слова: *государственно частное партнёрство; концессия; национальные проекты; компетенция публичной стороны; бюджетные обязательства; 224 ФЗ; 115 ФЗ; закупки; антимонопольный контроль; проектное управление.*

ZASIMOV A.A.,
2nd-year full-time Master's student,
Institute of Law and National Security,
Specialization: «Lawyer in the State Apparatus,»
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

REGULATORY FRAMEWORK AND COMPETENCIES OF THE PUBLIC SECTOR IN LAUNCHING PPP PROJECTS WITHIN THE SCOPE OF NATIONAL PROJECTS

Annotation. *The article analyzes the regulatory framework governing the initiation of public private partnership (PPP) and concession projects implemented within Russia's national projects. It examines the interaction between PPP/concession regulation and budget law, public procurement rules and antitrust requirements, as well as the powers and responsibilities of the public partner (federal, regional and municipal levels) at the stages of initiation, preparation, private partner selection and agreement conclusion. The article argues that the main legal risks stem from fragmented regulation, unclear allocation of competences and approval procedures, and heightened standards of efficiency justification and transparency. Recommendations are proposed to strengthen legal robustness and reduce litigation/annulment risks.*

Key words: *public private partnership; concession; national projects; public partner competence; budget commitments; Federal Law 224 FZ; Federal Law 115 FZ; procurement; antitrust control; project management.*

Государственно частное партнёрство (далее — ГЧП) в последние годы рассматривается государством как один из инструментов ускоренного развития инфраструктуры и повышения качества публичных услуг при ограниченности бюджетных ресурсов. В условиях проектного управления и реализации национальных проектов юридическое сопровождение ГЧП приобретает особую значимость: ошибки на стадии запуска проекта ведут не только к экономическим потерям, но и к срыву контрольных точек, невыполнению показателей федеральных проектов, а также к правовым последствиям для должностных лиц и публично правовых образований.

Правовой режим национальных проектов формируется, прежде всего, актами стратегического целеполагания и организационного проектного управления (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ о проектной деятельности), тогда как правовой режим ГЧП задаётся специализированными федеральными законами: Федеральным законом от 13.07.2015 № 224 ФЗ «О государственно частном партнёрстве, муниципально частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом от 21.07.2005 № 115 ФЗ «О концессионных соглашениях». При запуске конкретного проекта в рамках нацпроекта публичная сторона вынуждена синхронизировать эти режимы с бюджетным законодательством, нормами о закупках и антимонопольными требованиями.

1. Нормативная система запуска ГЧП проектов в рамках национальных проектов

Нормативная система, определяющая запуск ГЧП проекта, носит межотраслевой характер. Её ядро составляют 224 ФЗ и 115 ФЗ, однако реальное правоприменение невозможно без учёта:

1. Бюджетного кодекса РФ (долгосрочные расходные обязательства, бюджетные ассигнования, межбюджетные трансферты, государственные (муниципальные) гарантии);

2. законодательства о закупках (44 ФЗ и 223 ФЗ) — для разграничения закупочной модели и ГЧП, а также для предотвращения подмены процедур;

3. антимонопольного законодательства (135 ФЗ) — в части недопустимости ограничения конкуренции при выборе частного партнёра и предоставления преференций;

4. законодательства о стратегическом планировании (172 ФЗ) и проектной деятельности Правительства РФ (постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288) — для увязки проекта с документами стратегического развития и с показателями национальных проектов;

5. гражданского, земельного и градостроительного законодательства — в части имущественного и земельного обеспечения инфраструктурного проекта.

Ключевая проблема правового регулирования заключается в том, что запуск ГЧП проекта в нацпроекте не «поглощается» ни одним из указанных массивов полностью: проект одновременно является инструментом достижения национальной цели (управленческий контур) и разновидностью соглашения (частно правовая и публично правовая составляющие). Это порождает несколько типовых коллизий.

Во первых, коллизия «проектного управления» и «бюджетного процесса». Национальные проекты предполагают жёсткие сроки, контрольные точки и показатели, но бюджетное право требует надлежащего принятия расходных обязательств, доведения лимитов и соблюдения принципов целевого характера расходов. Для ГЧП это особенно чувствительно в моделях, предусматривающих плату публичной стороны (плата за доступность) либо капитальный грант: без правового и финансового закрепления обязательств в бюджетном процессе проект становится нефинансируемым (или оспоримым как не обеспеченный бюджетом).

Во вторых, коллизия «конкурс ГЧП/концессии» и «антимонопольный контроль». Формально выбор частного партнёра осуществляется по специальным процедурам 224 ФЗ и 115 ФЗ, однако антимонопольный орган и суды оценивают не только формальное соблюдение этапов, но и реальную конкурентность условий, отсутствие дискриминационных требований, корректность критериев оценки, а также отсутствие скрытых преференций. При реализации национальных проектов риск «ускоренного» запуска через частную инициативу или через проектные «спецусловия» возрастает, что делает обязательным комплаенс анализ на ранней стадии.

В третьих, коллизия «ГЧП» и «госзаку-

пок». На практике под видом ГЧП иногда пытаются структурировать отношения, которые по сути являются закупкой работ/услуг за бюджетные средства. Такая подмена повышает риск признания процедуры неправомерной, в том числе в связи с нарушением требований 44 ФЗ. Следовательно, публичная сторона должна обосновывать, что проект действительно соответствует признакам ГЧП/концессии: долгосрочность, распределение рисков, инвестиционное участие частного партнёра, наличие эксплуатационной стадии и механизмов возврата инвестиций.

Компетенции публичной стороны: распределение полномочий и юридические риски превышения компетенции

Компетенции публичной стороны при запуске ГЧП проектов обусловлены конституционной моделью разграничения полномочий и системой публичной собственности. Публичным партнёром (концедентом) выступает Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование — в зависимости от того, в чьей собственности находится объект и в чьи полномочия входит соответствующая сфера (транспорт, ЖКХ, социальная инфраструктура и т. д.). При этом фактические действия осуществляют уполномоченные органы исполнительной власти или органы местного самоуправления.

В рамках национальных проектов вопрос компетенции приобретает дополнительное измерение: проект может финансироваться (или софинансироваться) из федерального бюджета, но объект находиться в собственности субъекта РФ или муниципалитета. Такая конструкция требует корректного юридического оформления «цепочки» решений: включение мероприятия в федеральный проект, закрепление финансирования через трансферты, принятие региональных/муниципальных актов, определение уполномоченного органа, соблюдение процедур 224 ФЗ/115 ФЗ и бюджетных ограничений.

Типовой риск — недостаточная определённость полномочий конкретного органа (или должностного лица) на заключение соглашения, утверждение конкурсной документации, принятие решений о предоставлении имущества, о бюджетных обязательствах и мерах поддержки. На практике это может приводить к оспариванию соглашения (или отдельных условий) по основаниям нарушения компетенции, а также к признанию решений несоответствующими требованиям публичного права.

Особое значение имеет корректное соотношение:

— полномочий «публичного партнёра/концедента» по 224 ФЗ/115 ФЗ;

— полномочий главного распорядителя бюджетных средств и финансового органа по БК РФ;

— полномочий собственника имущества (в т. ч. казны) и уполномоченного органа по управлению имуществом;

— полномочий проектного офиса/куратора национального проекта (организационный контур), которые не должны подменять юридические полномочия заключения соглашений.

Для юриста государственного аппарата практическая задача состоит в том, чтобы обеспечить доказуемость легитимности всей процедуры: наличие правовых оснований компетенции, необходимых согласований, соответствие решения целям и показателям нацпроекта, а также непротиворечивость бюджетным ограничениям.

Запуск ГЧП проекта в логике национальных проектов можно описать как последовательность взаимосвязанных юридико управленческих стадий.

На первичной стадии формируется замысел проекта и определяется его связь с показателями федерального проекта/нацпроекта. Здесь важно исключить ситуацию, когда объект формально включается в перечень мероприятий без реальной достижимости показателей и без источников финансирования. Постановление Правительства РФ № 1288 закрепляет организацию проектной деятельности и систему отчётности; однако юридическая природа этих актов требует их перевода на язык правовых обязательств: закрепления финансирования, имущественных решений и полномочий.

224 ФЗ предусматривает обязательность оценки эффективности проекта и определения сравнительного преимущества (в сопоставлении с бюджетной моделью), порядок которой детализирован постановлением Правительства РФ № 1514. Для национальных проектов данная стадия является ключевой, поскольку именно она формирует правовую основу обоснования выбора ГЧП и снижает риск претензий контрольных органов.

Критически важны: корректность исходных данных, реалистичность прогнозов спроса/нагрузки, учёт регуляторных и тарифных ограничений, проработка матрицы рисков, а также оценка бюджетных последствий проекта на всём сроке соглашения. Для публичной стороны типовыми ошибками являются: завышенные прогнозы, неполный учёт эксплуатационных расходов и обязательств по содержанию, а также недостаточная оценка рисков изменения законодательства и макроэкономических факторов.

Процедура выбора частного партнёра в ГЧП/концессии должна обеспечивать конкуренцию и недискриминационный доступ. В рамках национальных проектов это осложняется фактором времени: зачастую имеется административный запрос на ускорение заключения соглашения. Однако ускорение за счёт сокращения анализа и упрощения критериев повышает риск обжалований и предписаний антимонопольного органа.

При подготовке конкурсной документации и проекта соглашения существенными являются:

— чёткое определение объекта и его технических характеристик, границ ответственности сторон;

— условия предоставления земельных участков и имущества, распределение обязанностей по оформлению прав;

— механизмы платежей (тариф/плата публичной стороны/смешанная модель), индексация;

— KPI доступности и качества, порядок мониторинга, санкции;

— основания изменения и расторжения соглашения, в том числе в связи с публичными интересами;

— инструменты защиты интересов кредиторов (прямые соглашения), что часто является условием проектного финансирования.

Отдельный блок — комплаенс и контроль. Поскольку национальные проекты находятся в зоне повышенного публичного внимания, возрастает значение казначейского сопровождения, внутреннего финансового контроля, а также внешнего контроля со стороны Счётной палаты РФ и контрольно счётных органов субъектов. Правовая устойчивость проекта во многом определяется тем, насколько публичная сторона заранее выстроила систему отчётности, контроля и управления изменениями.

Заключение

Нормативная система запуска ГЧП проектов в рамках национальных проектов характеризуется межотраслевым и фрагментарным характером. Основные правовые риски сосредоточены в точках пересечения 224 ФЗ/115 ФЗ с Бюджетным кодексом РФ, антимонопольным законодательством и закупочными режимами. Компетенции публичной стороны требуют особенно тщательной фиксации: необходимо обеспечить надлежащее оформление полномочий, согласований и бюджетных обязательств, исключить подмену процедур ГЧП закупками и обеспечить реальную конкурентность отбора частного партнёра.

Представляется целесообразным: унифицировать региональные и муниципальные дорожные карты запуска ГЧП проектов под мероприятия нацпроектов; внедрять типовые чек листы компетенций и согласований для уполномоченных органов; усиливать требования к качеству оценки эффективности и сравнительного преимущества; развивать методические разъяснения и обобщения судебной практики по ключевым вопросам оспаривания процедур и условий соглашений. Реализация указанных мер повысит правовую устойчивость проектов и снизит риски срыва показателей национальных проектов.

Список литературы:

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Группа Всемирного банка. Public Private Partnerships Reference Guide. Version 3.0. Washington, DC: World Bank, 2017. URL: https://ppp.worldbank.org (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок) // Российская газета. 25.12.1993.

[6] Минэкономразвития России. Методические материалы по ГЧП. URL: https://

www.economy.gov.ru (дата обращения: 11.01.2026).

[7] OECD. Principles for Public Governance of Public Private Partnerships. Paris: OECD Publishing, 2012.

[8] Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1514 «Об утверждении Правил проведения оценки эффективности проекта государственно частного партнёрства, проекта муниципально частного партнёрства и определения их сравнительного преимущества» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 2 (ч. I). Ст. 347.

[9] Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 46. Ст. 7059.

[10] Счётная палата Российской Федерации. Отчёты и аналитические материалы о реализации национальных проектов. URL: https://ach.gov.ru (дата обращения: 11.01.2026).

[11] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

[12] Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

[13] ФАС России. Официальные разъяснения и материалы по вопросам применения антимонопольного законодательства в концессиях и ГЧП. URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 11.01.2026).

[14] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[15] Федеральный закон от 21.07.2005 № 115 ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

[16] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

[17] Федеральный закон от 18.07.2011 № 223 ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4571.

[18] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[19] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

[20] Федеральный закон от 13.07.2015 № 224 ФЗ «О государственно частном партнёрстве, муниципально частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

[21] Центр ГЧП (информационно аналитические материалы о рынке ГЧП и концессий). URL: https://pppcenter.ru(дата обращения: 11.01.2026).

References:

[1] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated July 31, 1998 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] World Bank Group. Public-Private Partnerships Reference Guide. Version 3.0. Washington, DC: World Bank, 2017. URL: https://ppp.worldbank.org (accessed: January 11, 2026).

[4] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

[5] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Rossiyskaya Gazeta. December 25, 1993.

[6] Ministry of Economic Development of Russia. Methodological materials on PPPs. URL: https://www.economy.gov.ru (accessed: January 11, 2026).

[7] OECD. Principles for Public Governance of Public-Private Partnerships. Paris: OECD Publishing, 2012.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1514 dated December 30, 2015, «On Approval of the Rules for Assessing the Efficiency of a Public-Private

Partnership Project or a Municipal-Private Partnership Project and Determining Their Comparative Advantage» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016, No. 2 (Part I), Item 347.

[9] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1288 dated October 31, 2018, "On the Organization of Project Activities within the Government of the Russian Federation" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018, No. 46, Item 7059.

[10] Accounts Chamber of the Russian Federation. Reports and analytical materials on the implementation of national projects. URL: https://ach.gov.ru (accessed: January 11, 2026).

[11] Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018, "On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018, No. 20, Item 2817.

[12] Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated July 21, 2020, "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020, No. 30, Item 4884.

[13] FAS Russia. Official clarifications and materials regarding the application of antimonopoly legislation to concessions and PPPs. URL: https://fas.gov.ru (accessed: January 11, 2026).

[14] Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003, "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2003, No. 40, Item... 3822.

[15] Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005, «On Concession Agreements» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 30 (Part II). Art. 3126.

[16] Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006, «On Protection of Competition» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Art. 3434.

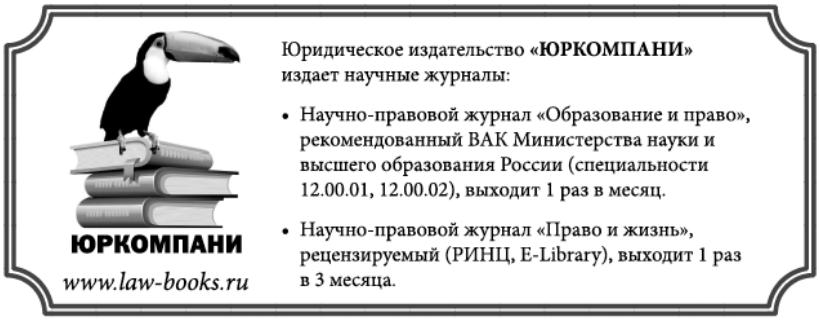
[17] Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011, «On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part I). Art. 4571.

[18] Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

[19] Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, «On Strategic Planning in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.

[20] Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015, «On Public-Private Partnerships and Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4350.

[21] PPP Center (information and analytical materials on the PPP and concession market). URL: https://pppcenter.ru (accessed: 11.01.2026).

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-39-47**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

САФИН Виль Науфилевич,
аспирант 3 курса,
Уфимский университет науки и технологий,
Институт права,
Уфа, Россия,
e-mail: safinvn77@mai.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья посвящена вопросам государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности в строительной сфере. Понятие «государственно-правовое регулирование» рассмотрено с точки зрения системы, состоящей из двух структурных элементов «правовое регулирование» и «государственное регулирование». В работе отдельно изучаются понятия «правовое регулирование» и «государственное регулирование», раскрывается их структура, исследуются способы их воздействия на инвестиционные отношения, проводится их сравнительная характеристика.*

Ключевые слова: *инвестиционная деятельность, инвестиционно-строительная деятельность, правовое регулирование, государственное регулирование, механизм регулирования, инвестиционные отношения, правовые инструменты поддержки.*

САФИН Виль Науфилевич,
3rd-year PhD student,
Ufa University of Science and Technology,
Institute of Law,
Ufa, Russia

STATE AND LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES IN THE CONSTRUCTION SECTOR

Annotation. *The article is devoted to issues of state and legal regulation of investment activities in the construction sector. The concept of "state and legal regulation" is examined from the perspective of a system consisting of two structural elements: "legal regulation" and "state regulation." The paper separately examines the concepts of "legal regulation" and "state regulation," reveals their structure, investigates the ways in which they influence investment relations, and provides a comparative analysis of them.*

Key words: *investment activity, investment and construction activity, legal regulation, government regulation, regulatory mechanism, investment relations, legal support tools.*

Введение

Инвестиции являются важным элементом экономического развития, оказывающим влияние на все сферы жизни населения страны. Инвестиционная деятельность в сфере строительства выступает одним из столпов такого развития, которая обеспечивает динамику экономического роста и является одним из инструментов реализации социально-экономических функций государства. Строительство, будучи капиталоемкой отраслью с продолжительными сроками возврата инвестиций, требует стабильной правовой среды и предсказуемого правового климата. Эффективное функционирование отрасли невозможно без участия государства, которое выступает регулятором и гарантом защиты прав инвестора.

Поэтому, осуществление инвестиционно-строительной деятельности требует надлежащего государственно-правового регулирования, включающего в себя набор инструментов, методов, правовых условий, мер поддержки с помощью которых государство устанавливает понятные общеобязательные правила поведения (нормы) и стимулирует рост инвестиционной деятельности, создает предпосылки для инвестиционных вливаний со стороны инвесторов. Вместе с тем, недостаточная нормативно-правовая база, характеризующаяся противоречивостью и нестабильностью, препятствует эффективной защите прав инвесторов. В таких условиях создание благоприятного инвестиционного климата и обеспечение притока капитала в экономику страны представляются труднодостижимыми задачами [1, с. 5].

Государственно-правовое регулирование будет рассматриваться в настоящем исследовании как система, включающая в себя два структурных элемента: «правовое регулирование» и «государственное регулирование». Данные понятия очень близки, но не являются тождественными. Объем этих понятий пересекается, но не совпадает.

Так, правовое регулирование представляет собой процесс, при котором с помощью специальных юридических средств (нормы права, правоотношения, акты реализации юридических прав и обязанностей) управомоченный субъект (государство или сами участники отношений) упорядочивает общественные отношения [2, с. 281]. Под государственным регулированием понимается комплекс санкционированных законом мер правового, экономического и организационного характера, посредством которых государство осуществляет целенаправленное воздействие на общественные отношения [3, с. 129].

Таким образом, не всякое правовое регулирование является государственным, поскольку правовое регулирование может осуществляться независимо от государства, также и не всякое государственное регулирование является правовым, поскольку государство может воздействовать на общественные отношения не только посредством норм права.

Главная задача государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности в строительной сфере заключается в том, чтобы упорядочить инвестиционно-строительные отношения, закрепить права и обязанности участников отношений, определить границы допустимых действий, создать необходимый комплекс правовых инструментов регулирования и поддержки участников инвестиционного процесса. Все это позволяет: во-первых, формировать необходимый инвестиционный климат. Понятное законодательство и прозрачные правовые механизмы напрямую создают благоприятные условия для привлечения инвестиций и влияют на решения инвесторов вкладывать средства в строительные проекты; во-вторых, обеспечивать защиту прав и законных интересов инвесторов. Законодательство устанавливает гарантии защиты от экспроприации, полного и равнозначного возмещения в случае изъятия имущества инвесторов, равной защиты прав независимо от формы собственности; в-третьих, надлежащим образом осуществлять государству публичные функции. Сотрудничество с частными инвесторами (в рамках государственно-частного партнерства) позволяет государству реализовывать его публичные функции: расселять аварийное жилье, осуществлять строительство социальных объектов и пр.; в-четвертых, поддерживать конкуренцию и предотвращать дискриминацию. Инвесторы, конкурируя между собой, стараются улучшить качество продукта, реализуемого потребителю, снижают цены, предлагают уникальные условия и пр. Здоровая конкуренция является дополнительным фактором, развивающим строительную сферу; в-пятых, привлекать иностранных инвесторов. Стабильность правового режима делает привлекательным строительный сектор для зарубежных инвесторов.

С другой стороны, государственно-правовое регулирование уравновешивает баланс публичных и частных интересов: государство защищает публичные интересы (безопасность, экология, социальные задачи), не допуская злоупотреблений. Как считаю правильно отмечает И.Ю. Целовальникова ссылаясь на А.В. Ведерникова «цель государственного регулирования инвестиционной деятельности должна заключаться в том, чтобы благоприятствовать расширению гармоничных инвестиционных отношений и не допускать инвестиционных отношений с пороком интересов» [4, с. 3].

Также, необходимо сделать предварительную оговорку относительно использования понятия «инвестиционная деятельность в сфере строительства». В контексте данной работы указанное понятие будет трактоваться согласно определению, данному в пункте 3.1 «ГОСТ Р 57363-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика)», а именно «инвестиционно-строительная деятельность – это деятельность, направленная на привлечение, вложение и управление инвестициями (инвестирование) для строительства, реконструкции и капитального ремонта, организацию (планирование), ввод в эксплуатацию объектов производственного и непроизводственного назначения и линейных сооружений» [12].

Правовое регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства

Правовое регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства достигается через комплексное правовое воздействие, которое представляет собой систему юридических инструментов. Данная система формирует целостный юридический механизм, обеспечивающий упорядоченность и правовую определенность всей совокупности общественных отношений, возникающих в инвестиционной сфере.

Согласно общей теории права механизм правового регулирования – это «комплекс правовых средств, сформированных в структурированную стройную систему, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений в соответствии с целями и законными интересами субъектов права» [5, с. 389]. Руководствуясь этим исходным определением можно сделать вывод, что правовое регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства представляет собой «систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность инвестиционно-строительных отношений».

По аналогии с механизмом правового регулирования, определенным общей теорией права, механизм правового регулирования инвестиционной деятельности в сфере строительства включает в себя следующие элементы:

1) Нормы права. Нормы права отражаются в действующем инвестиционном законодательстве, которое устанавливает: круг субъектов (участников инвестиционного процесса), на которое оно распространяется; общие правила поведения для этих субъектов; меры юридической ответственности при нарушении указанных правил.

Как уже не раз отмечалось в научной литературе инвестиционное право является комплексной отраслью права, поскольку отношения, складывающиеся в инвестиционно-строительной сфере, регулируются публично-правовыми и частноправовыми отраслями права, использующих различные методы регулирования. Такой комплексный характер регулирования обусловлен правовой природой объектов инвестирования, которыми являются объекты капитального строительства, возведение которых напрямую создает угрозу жизни, здоровью людей и состоянию окружающей среды, а это в свою очередь, создает потребность в системном и многоплановом подходе со стороны государства.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим инвестиционно-строительную сферу, является федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – закон об инвестиционной деятельности). Данный закон, согласно его преамбуле «определяет правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений на территории Российской Федерации» [13].

Общим нормативно-правовым актом, регулирующим частноправовые аспекты инвестиционной деятельности, является Гражданский кодекс Российской Федерации. Он является общим по отношению к регулированию договорных и корпоративных отношений, посредством которых может осуществляться инвестиционная деятельность.

Говоря об инвестиционно-строительной сфере, нельзя не сказать о Градостроительном кодексе Российской Федерации, который регламентирует, во-первых, отношения по территориальному планированию, градостроительному зонированию, планировке территории, архитектурно-строительному проектированию; во-вторых, отношения по строительству объектов, их реконструкции, капитальному ремонту, сносу, а также эксплуатации зданий, сооружений; в-третьих,

отношения, связанные с исполнением договора комплексного развития территории.

В Земельном кодексе Российской Федерации отражаются положения, регулирующие отношения, связанные с юридическим оборотом земельных участков для строительства.

В целом говоря о государственно-правовом регулировании инвестиционной деятельности считаю возможным согласиться с мнением З.Ш. Бабаевой, которая указывает, что такое регулирование осуществляется в таких направлениях как: формирование комфортного делового климата, способствующего активизации инвестиционных процессов; и прямое участие государства в инвестиционной деятельности [6, с. 462]. Прямое участие государства в инвестиционной деятельности регулируется специальными законами, которые устанавливают правила поведения для всех участников инвестиционного правоотношения, одной из сторон которого выступает публично-правовое образование (государство, муниципалитет). К этим законам относятся:

- федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о партнерстве). Данный закон является основным по отношению к другим законам, регулирующим участие публично-правовых образований в государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве (далее – ГЧП, МЧП). Он устанавливает правовые основы государственно-частного и муниципально-частного партнерства, полномочия сторон, порядок заключения соглашений, гарантии частных партнеров и процедуру проведения конкурсов. Статья 7 указанного закона устанавливает перечень объектов, которые могут выступать в качестве объектов соглашения о ГЧП, МЧП. Относительно строительной сферы это могут быть объекты транспортной инфраструктуры (дороги, мосты, тоннели), социальной инфраструктуры (больницы, школы, спортивные комплексы), а также промышленные и энергетические объекты [14];

- федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – закон о концессиях). Исторически именно этот закон стал первым инструментом привлечения частного капитала в строительство крупных инфраструктурных объектов. Концессия является одной из форм ГЧП, МЧП. Ключевое отличие классической концессии от партнерства, осуществляемого по закону о партнерстве указано в статье 3 закона о концессиях, которое заключается в том, что при концессии право собственности на создаваемый или реконструируемый объект всегда остается у публично-правового образования (концедента) [15];

- федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон о контрактной системе). Данный закон применяется к инвестиционным отношениям в случаях, когда заключенный в соответствии с указанным законом контракт предусматривает встречные инвестиционные обязательства в рамках обязательств частного партнера перед публично-правовым образованием (пункт 8.5 части 1 статьи 3, статьи 111.4 закона о контрактной системе) [16].

Реализация предписаний правовых норм в деятельности субъектов права обеспечивается посредством других элементов механизма правового регулирования.

2) Правоотношения. Правоотношение является фундаментальным инструментом воплощения норм права в практическую плоскость. Именно через правоотношение общие нормативные предписания приобретают характер индивидуализированных прав и обязанностей, обязательных для исполнения индивидуальными субъектами (гражданами и организациями) при осуществлении ими своей деятельности. Трансформация общих предписаний правовых норм в конкретные правоотношения является необходимым условием реализации регулятивной функции права. Именно на этом этапе юридические права и обязанности субъектов переходят из плоскости нормативной модели в сферу реальных общественных взаимодействий, обеспечивая достижение целей правового регулирования.

Здесь считаю нужным отметить, что форма правоотношения в инвестиционно-строительной сфере является вариативной. Это вызвано тем, что инвестиционная деятельность в строительстве осуществляется посредством одной из материально-правовых форм: институциональной (корпоративной)

или договорной. Выбор материально-правовой формы реализации инвестиционного проекта предопределяет характер возникающих инвестиционных правоотношений. Как указывает О.М. Антипова со ссылкой на С.А. Хохлова «характер и содержание правового регулирования отношений в капитальном строительстве в значительной мере предопределены тем, каким способом осуществляется строительство» [7, с. 142].

3) Акты реализации юридических прав и обязанностей. Реализация прав и обязанностей выражается в активном или пассивном поведении субъектов, направленных на воплощение в жизнь закрепленных за ними прав и обязанностей. Именно через данные акты достигается функциональное назначение правового регулирования, обеспечивается удовлетворение правомерных интересов участников правоотношений.

Таким образом, основная задача правового регулирования инвестиционной деятельности в сфере строительства – упорядочить сложные отношения, возникающие между участниками инвестиционного процесса (инвесторами, застройщиками, подрядчиками, заказчиками), при этом сбалансировав частные интересы участников и публичные – государства.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства

Несмотря на активное использование понятия «государственное регулирование» в инвестиционном законодательстве, в действующих нормативно-правовых актах отсутствует его легальная дефиниция. В то же время рассматриваемая правовая категория вызывает интерес среди исследователей, в связи с чем в научной литературе предлагаются различные трактовки данного понятия.

Так, З.У. Темирова и А.И. Бексултанова под государственным регулированием инвестиционной деятельности предлагают понимать совокупность законодательно закрепленных административных и экономических инструментов (форм и методов), применяемых органами власти всех уровней в целях реализации государственной инвестиционной политики, способствующей социально-экономическому развитию территорий, росту эффективности капиталовложений и созданию безопасной среды для инвесторов [8, с. 336].

Группа исследователей В.И. Гайдук, О.Н. Бунчиков, Г.А. Терещенко, С.В. Гладкий в государственном регулировании инвестиционной деятельности видят комплекс инструментов и методов, посредством которых государство оказывает влияние на формирование и реализацию инвестиционной активности хозяйствующих субъектов [9, с. 132].

Таким образом, можно сделать вывод, что в общем смысле государственное регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства представляет собой совокупность инструментов, с помощью которых государство воздействует на инвестиционные процессы в области строительства.

Основными нормативно-правовыми актами, устанавливающими ключевые направления государственного регулирования инвестиционной деятельности в строительной сфере, являются: закон об инвестиционной деятельности и закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», которые определяют концептуальные основы: формы и методы государственного воздействия на инвестиционные процессы, осуществляемые в форме капитальных вложений.

Анализируя указанные нормативно-правовые акты, большинство исследователей склоняются к тому, с чем соглашается и автор настоящего исследования, что государственное регулирование осуществляется двумя основными методами: прямым и косвенным.

Так, А.Б. Смушкин комментируя положения закона об инвестиционной деятельности касающиеся форм и методов государственного регулирования инвестиционной деятельности, указывает, что государственное воздействие на инвестиционную сферу реализуется через механизмы прямого (активного) и косвенного (пассивного) регулирования. Косвенное участие выражается в формировании благоприятного инвестиционного климата, в то время как прямое участие предполагает непосредственное вовлечение государства в реализацию инвестиционных проектов [10, с. 48].

Таким образом, государство выполняет двойственную функцию, с одной стороны с помощью косвенного метода создает условия, непосредственно стимулирующие частную инвестиционную инициативу, с другой стороны непосредственно участвует в каче-

стве инвестора в целях удовлетворения общественных интересов (прямой метод).

Косвенное участие государства заключается в создании благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности в строительной отрасли. При этом методе государство не осуществляет финансовые или иные вложения, а формирует среду, стимулирующую инвестиционную активность в данной сфере. Данные методы могут включать в себя следующие формы воздействия государства: совершенствование налоговой системы, в том числе введение специальных налоговых режимов, не носящих индивидуального характера; гибкая амортизационная политика; предоставление инвесторам преференций при использовании земельных участков в рамках закона; совершенствование государственной политики в области ценообразования и нормативов градостроительного проектирования; упрощение механизмов кредитования и развитие лизинговых инструментов; защита интересов инвесторов (упрощение административных процедур, в том числе сокращение сроков согласований, выдачи разрешений и т.п.).

Кроме того, в настоящее время инструментами косвенного участия государства являются: ипотечные и жилищные программы (льготная ипотека (семейная и др.)), которые стимулируют спрос на жилье, а следовательно инвестиционную активность инвесторов-застройщиков; типовые проекты (использование утвержденных типовых решений сокращает сроки проектирования и технической экспертизы, снижает издержки и повышает предсказуемость реализации проекта; создание государством институтов развития (организации структурируют инвестиционные проекты, предоставляют гарантии и пр.).

Прямое участие государства в инвестиционной деятельности проявляется в том, что государство самостоятельно выступает в роли инвестора и от своего лица осуществляет бюджетное финансирование и реализацию инвестиционных проектов. Данные методы могут включать в себя следующие формы воздействия государства на инвестиционные процессы: финансирование и планирование (разработка, утверждение и бюджетное обеспечение инвестиционных проектов); контроль и экспертиза (проведение обязательной экспертизы инвестиционных проектов и ограничение использования неэффективных и устаревших технологий); управление активами (вовлечение в оборот государственных объектов и передача прав на концессии (через аукционы и конкурсы).

Здесь нужно отметить активное использование государством форм государственно-частного партнерства, таких как концессии и комплексное развитие территорий (КРТ). Посредством концессий государство осуществляет прямые бюджетные инвестиции в строительство социально-значимых объектов: школы, больницы, дорожная сеть. В то же время частный инвестор осуществляет строительство объекта, передает его в собственность государству и эксплуатирует объект, получая доход (например, через плату за проезд или арендную плату). Посредством КРТ государство решает вопросы реновации территории, расселения и сноса ветхого жилья, строительства нового жилого фонда и социальной инфраструктуры. Частному инвестору институт КРТ позволяет получить право на застройку целого квартала и оформить права на земельные участки под строительство минуя процедуру торгов.

Таким образом, ключевая задача государственного регулирования инвестиционной деятельности в сфере строительства – это создать благоприятный климат в данной сфере, который будет способствовать развитию инвестиционной деятельности и стимулировать инвестиционную активность и одновременно с этим защищать общественные (публичные) интересы. Соответственно государственное регулирование – это не прямое участие государства в каждом проекте, а создание устойчивой, благоприятной инвестиционной среды, которая позволит отрасли уверенно развиваться, а обществу получать выгоды.

Заключение

Государственно-правовое регулирование в сфере строительства представляет собой сложную комплексную систему, включающую в себя как правовые средства с помощью, которых осуществляется непосредственно упорядоченность отношений, так и меры экономического и организационного воздействия на общественные отношения.

Нормативной основой механизма *правового регулирования* являются правовые нормы, которые закрепляются в законодательных актах, в рамках которых осуществляется инвестиционно строитель-

ная деятельность. Как уже отмечалось инвестиционное законодательство является комплексной отраслью законодательства, поэтому нормативно-правовая база, регулирующая общественные отношения в этой сфере, сочетает в себе императивные требования (градостроительные, технические, экологические нормы) и диспозитивные возможности участников (договорные конструкции, специальные режимы поддержки), тем самым обеспечивая баланс публичных и частных интересов. Здесь считаю правильным замечание О.С. Лиликовой, которая указывает, что при регулировании инвестиционной деятельности механизм правового регулирования реализуется посредством сочетания инструментов частного и публичного права – в их взаимодействии проявляется комплексный характер регулирования данной сферы [11, с. 9].

Таким образом, посредством правового регулирования определяются границы должного поведения субъектов инвестиционных отношений. Именно правовые нормы, обеспеченные принудительной силой государства, упорядочивают инвестиционные отношения в сфере строительства и являются их государственным регулятором. Но стоит сказать, что помимо государственного правового регулирования может существовать и негосударственное правовое регулирование.

Нужно отметить, что установление методов и форм *государственного регулирования* также осуществляется государством через нормативно-правовые акты, то есть посредством правового регулирования. Вместе с тем, государственное регулирование не ограничивается организацией общественных отношений и установлением правил поведения. Государственное регулирование проявляется в конкретных управленческих и экономических действиях государства и его органов, направленных на создание благоприятной среды для привлечения инвестиций.

Государство создает правовые инструменты поддержки: налоговые режимы, защита интересов инвесторов и пр. При этом все эти меры реализуются строго в правовых рамках, например, льготные условия пользования земельными участками предоставляются на основании закона.

Соотношение двух видов регулирования отражает из функциональное единство: государственное регулирование – это один из способов, посредством которого осуществляется правовое регулирование, но правовое не сводится только к государственному. Данное единство проявляется в том, что оба этих явления являются инструментами, направленными на организацию общественных отношений.

Таким образом, государственно-правовое регулирование инвестиционной деятельности в сфере строительства – это сбалансированная система, где государство определяет инвестиционный режим и нужный комплекс мер поддержки для стимулирования инвестиций, а право создает для реализации данного порядка необходимый юридический механизм, вместе создавая условия для развития инвестиционной деятельности и способствуя социально-экономическому развитию страны.

Список литературы:

[1] Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: монография; Рос. акад. наук, Ин-т философии и права СО РАН; М-во образования и науки РФ, Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 467 с.

[2] Ромашов, Р. А. Теория государства и права : учебник / Р. А. Ромашов. – 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 323 с.

[3] Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография. М: Инфотропик Медиа, 2011. 328 с.

[4] Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. 166 с. (Цит. по: Ведерников А.В. Иностранные инвестиции в Российской Федерации. Правовые аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 11.).

[5] Пиголкин, А. С. Теория государства и права : учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 516 с.

[6] Бабаева З.Ш. Нормативно-правовое регулирование инвестиционной деятельности // Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационно-

го обеспечения устойчивого развития экономики. 2016. № 2. С.461-466.

[7] Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М.: Волтерс Клувер, 2007. 248 с. (Цит по: Хохлов С.А. Правовое регулирование хозяйственных связей по выполнению работ: Учеб. пособие. Свердловск, 1983. С. 13.).

[8] Темирова З.У., Бексултанова А.И. Формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Естественно-гуманитарные исследования №29 (3). 2020. – С.332-337.

[9] Гайдук В.И., Бунчиков О.Н., Терещенко Г.А. Гладкий С.В. Институциональные основы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Вестник Алтайской академии экономики и права. №8-2. 2019. – С.127-132.

[10] Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2026).

[11] Лиликова О.С. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Юрист. 2021. № 10. С. 9 - 13.

[12] ГОСТ Р 57363-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика) утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 24.08.2023 № 734-ст // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 28.08.2026).

[13] «Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ, 01.03.1999, № 9, ст. 1096.

[14] Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.

[15] Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126.

[16] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1652.

References:

[1] Lisitsa V.N. Legal Regulation of Investment Relations: Theory, Legislation, and Enforcement Practice: Monograph; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy and Law (Siberian Branch); Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Novosibirsk State University. Novosibirsk, 2011. 467 p.

[2] Romashov R.A. Theory of State and Law: Textbook / R.A. Romashov. – 3rd ed., revised and supplemented. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. – 323 p.

[3] Shishkin S.N. Entrepreneurial-Legal (Economic-Legal) Foundations of State Regulation of the Economy: Monograph. Moscow: Infotropic Media, 2011. 328 p.

[4] Tselovalnikova I.Yu. Legal Regulation of Investment Activity: Monograph. Moscow: Law Institute of MIIT, 2013. 166 p. (Cited in: Vedernikov A.V. Foreign Investments in the Russian Federation. Legal Aspects: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Yekaterinburg, 2004. P. 11).

[5] Pigolkin A.S. Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions / A.S. Pigolkin, A.N. Golovistikova, Yu.A. Dmitriev; edited by A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. — 4th ed., revised and supplemented. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. — 516 p.

[6] Babaeva Z.Sh. Legal Regulation of Investment Activity // Improving Accounting, Analysis, and Control as Mechanisms for Information Support of Sustainable Economic Development. 2016. No. 2. Pp. 461–466.

[7] Antipova O.M. Legal Regulation of Investment Activity (Analysis of Theoretical and Practical Issues). Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 248 p. (Cited in: Khokhlov S.A. Legal Regulation of Economic Relations Regarding the Performance of Work: Study Guide. Sverdlovsk, 1983. P. 13).

[8] Temirova Z.U., Beksultanova A.I. Forms and Methods of State Regulation of Investment Activity // Natural Science and

Humanities Research. No. 29 (3). 2020. Pp. 332–337.

[9] Gayduk V.I., Bunchikov O.N., Tereshchenko G.A., Gladkiy S.V. Institutional Foundations of State Regulation of Investment Activity // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. No. 8-2. 2019. Pp. 127–132.

[10] Smushkin A.B. Commentary on Federal Law No. 39-FZ of February 25, 1999, «On Investment Activity in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments» (Article-by-Article) // ConsultantPlus Legal Reference System. (Date of access: 01.09.2026).

[11] Lilikova O.S. Mechanism of Legal Regulation of Investment Activity in the Russian Federation: Problems and Ways of Improvement // Yurist. 2021. No. 10. Pp. 9–13.

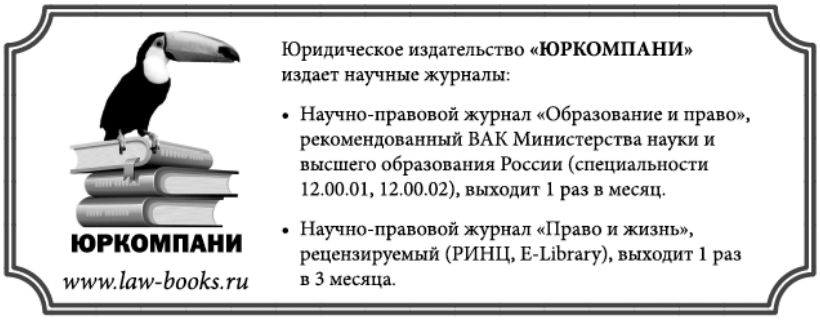
[12] GOST R 57363-2023. National Standard of the Russian Federation. Project Management in Construction. Activities of the Project Manager (Technical Client); approved and enacted by Order of Rosstandart No. 734-st dated August 24, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: August 28, 2026).

[13] Federal Law No. 39-FZ of February 25, 1999, «On Investment Activity in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments» // Collected Legislation of the Russian Federation, March 1, 1999, No. 9, Art. 1096.

[14] Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015, «On Public-Private Partnerships and Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation, July 20, 2015, No. 29 (Part I), Art. 4350.

[15] Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005, «On Concession Agreements» // Collected Legislation of the Russian Federation, July 25, 2005, No. 30 (Part II), Art. 3126.

[16] Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs” // Collection of Legislation of the Russian Federation, April 8, 2013, No. 14, Item 1652.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-48-52**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

БОГДАНОВА Кристина Романовна,
помощник судьи Арбитражного суда Республики Башкортостан,
Российская Федерация, г. Уфа,
e-mail: mail@law-books.ru

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И СУДЕБНОЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ правового режима самовольной постройки в российском гражданском, земельном и градостроительном законодательстве. Обосновывается концепция самовольного строительства как злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ), при котором лицо, осознанно игнорируя установленный порядок, рассчитывает на последующую судебную легализацию объекта. На основе исследования новейшей судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2024–2026 годов, включая Постановление Пленума ВС РФ от 12.12.2023 № 44 и Тематический обзор № 13/2026, автором выделены и систематизированы шесть принципиальных подходов к регулированию самовольных построек: принцип соразмерности, оценка добросовестности застройщика, обязательность строительно-технической экспертизы, функциональная квалификация объектов, дифференциация правовых последствий и недопустимость сноса при возможности приведения объекта в соответствие. Выявлены системные проблемы правоприменения, включая отсутствие чётких критериев существенности нарушений, недостаточную регламентацию ответственности уполномоченных органов и пробелы в регулировании самовольной реконструкции. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающие императивное ограничение случаев узаконения самовольной постройки и введение ответственности за ненадлежащий контроль территорий.*

Ключевые слова: *самовольная постройка, злоупотребление правом, судебная легализация, снос объекта, градостроительные нормы, добросовестность застройщика, строительно-техническая экспертиза, капитальное строительство, право собственности, разрешительная документация, судебная практика, правовой режим, межотраслевое регулирование, реконструкция объектов, административная ответственность.*

BOGDANOVA Kristina Romanovna,
Assistant Judge,
Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan,
Russian Federation, Ufa

UNAUTHORIZED CONSTRUCTION IN CIVIL CIRCULATION: PROBLEMS OF LEGAL CLASSIFICATION AND JUDICIAL LEGALIZATION

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of the legal regime of unauthorized construction in Russian civil, land, and urban-planning legislation. The concept of unauthorized construction as an abuse of right (Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) is substantiated, whereby a person, consciously ignoring the established procedure, relies on subsequent judicial legalization of the structure. Based on the study of the latest judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024–2026, including Plenum Resolution No. 44 of December 12, 2023, and Thematic Review No. 13/2026, the author identifies and systematizes six principal approaches to the regulation of unauthorized structures: the principle of proportionality, assessment of the builder's good faith, mandatory construction-technical expertise, functional qualification of objects, differentiation of legal consequences, and inadmissibility of demolition when the structure can be brought into compliance. Systemic problems of law enforcement are identified, including the absence*

of clear criteria for the materiality of violations, insufficient regulation of the liability of authorized bodies, and gaps in the regulation of unauthorized reconstruction. Concrete proposals for improving the Civil Code of the Russian Federation are formulated, providing for an imperative restriction of cases of legalization of unauthorized structures and the introduction of liability for improper territorial control.

Key words: *unauthorized construction, abuse of right, judicial legalization, demolition of a structure, urban-planning regulations, builder's good faith, construction-technical expertise, capital construction, property rights, permitting documentation, judicial practice, legal regime, intersectoral regulation, object reconstruction, administrative responsibility.*

Актуальность темы исследования обусловлена продолжающейся трансформацией правового режима самовольной постройки в российском праве, которая приобрела особую остроту после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» (далее – Пленум ВС РФ № 44) и Тематического обзора Верховного Суда Российской Федерации № 13/2026, утверждённого Президиумом ВС РФ 01.07.2026, настоящие акты знаменуют переход от формально-нормативного подхода, при котором наличие хотя бы одного признака самовольности практически автоматически влекло снос объекта, к пропорционально-дифференцированной модели, где снос признаётся крайней мерой государственного принуждения, применяемой лишь при невозможности восстановления нарушенных прав иными способами [1; 2].

Сложность правового режима самовольной постройки предопределена межотраслевым характером регулирующих норм: положения статьи 222 ГК РФ находятся на пересечении гражданского, земельного и градостроительного законодательства, а ряд существенных параметров строительной деятельности устанавливается нормативно-правовыми актами субъектов РФ в части градостроительного планирования и застройки территорий. Эта фрагментарность неизбежно порождает пробелы и коллизии, требующие системного доктринального осмысления [3].

Федеральным законом от 03.08.2018 № 339-ФЗ внесено в статью 222 ГК РФ изменения, действующие с 04.08.2018, тем самым расширил понятие самовольной постройки, ввёл запрет на её использование, предусмотрел альтернативу сносу в виде приведения объекта в соответствие с установленными требованиями, распределил компетенцию между судом и органами местного самоуправления [4]. Однако, как показывает правоприменительная практика 2024–2026 годов, этих новелл оказалось недостаточно для достижения правовой определённости.

Конституционный Суд РФ в Определении от 29.05.2018 № 1174-О охарактеризовал самовольное строительство как правонарушение, состоящее в нарушении норм земельного или градостроительного законодательства. Вместе с тем в доктрине и практике утвердилось понимание того, что самовольное строительство не сводится к формальному нарушению разрешительного порядка — оно по своей сути представляет собой злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ), поскольку лицо, осознанно игнорируя установленный порядок, рассчитывает на последующую судебную легализацию [5]. Массовый характер этого явления, особенно в сфере жилой недвижимости, деформирует правосознание участников оборота и подрывает принцип правовой определённости.

В настоящее время Верховный суд Российской Федерации определил новые подходы к регулированию самовольных построек, анализ новейшей судебной практики Верховного суда Российской Федерации позволяет выделить шесть принципиальных подходов, требующих научного осмысления.

1. Принцип соразмерности как системообразующий критерий. Пленум ВС РФ № 44 (п. 29) ввёл дихотомию существенных и несущественных нарушений [1]. К существенным отнесены превышение предельного количества этажей или высоты, а также нарушения, влияющие на безопасность объекта и создающие угрозу жизни и здоровью. Несущественные нарушения получили статус «терпимых»: если устранение нарушения путём сноса несоразмерно его характеру, а интересы третьих лиц восстановимы иным способом (например, по статье 304 ГК РФ), постройка сохраняется [3]. В Определении от 29.07.2025 № 18-КГ25-274-К4 дело направлено на новое рассмотрение именно из-за недостаточной оценки судом устранимости нарушений противопожарных норм

[6].

2. Оценка добросовестности застройщика как самостоятельного юридически значимого обстоятельства. Согласно п. 43 Пленума № 44, признание права собственности на самовольную постройку — исключительный способ защиты, применимый при отсутствии признаков намеренной недобросовестности. Если лицо принимало надлежащие меры к получению разрешений, отсутствие разрешения перестаёт быть «фатальным пороком». Напротив, обращение за разрешением «для вида», сознательное строительство при заведомом знании о несоответствии ВРИ, схемы дробления проекта (многоэтажный дом под видом нескольких объектов ИЖС) квалифицируются как недобросовестность и влекут отказ в легализации со ссылкой на статью 10 ГК РФ [1]. В Определении от 27.02.2024 № 41-КГ23-70-К4 ВС РФ признал основанием для взыскания убытков с администрации её незаконные действия по выдаче разрешения — это подчёркивает двустороннюю направленность принципа добросовестности [7].

3. Обязательность строительно-технической экспертизы и государственная монополия на её проведение. С 31 октября 2023 года в силу Распоряжения Правительства РФ № 3041-р судебные строительно-технические экспертизы по делам о самовольных постройках проводятся исключительно государственными судебно-экспертными организациями [8]. Законность этого ограничения подтверждена Апелляционным определением Апелляционной коллегии ВС РФ от 05.06.2024 № АПЛ24-200. Обзор ВС РФ № 3 (2025) прямо закрепил, что суд не вправе делать вывод о характере строения без привлечения эксперта [9; 10]. В Определении от 17.06.2025 № 18-КГ25-195-К4 ВС РФ отменил решения нижестоящих судов, указав, что апелляция неправомерно отвергла заключение экспертизы и положила в основу решения только фотоматериалы [11].

4. Функциональная квалификация объектов и разграничение капитальных и некапитальных строений. В Определении от 18.03.2024 № 305-ЭС23-21208 ВС РФ указал, что объекты, выполняющие ту же функцию, что и основной объект капитального строительства, не могут быть отнесены к вспомогательным — для их возведения требовалось разрешение [12]. При этом устранение некоторых недостатков после выявления самовольности не отменяет других признаков: достаточно одного из них. В то же время в Тематическом обзоре № 13/2026 (п. 10) закреплено, что объект капитального строительства, возведённый в соответствии с ВРИ, но фактически используемый в иных целях, сам по себе самовольной постройкой не является [2].

5. Дифференциация правовых последствий в зависимости от вида объекта и сроков строительства. В Определении от 25.02.2025 № 18-КГ24-279-К4 ВС РФ отметил, что сам по себе факт возведения объекта ИЖС без разрешения не является основанием для признания его самовольной постройкой [13]. Упрощённый уведомительный порядок распространён на реконструкцию ИЖС до 1 марта 2031 года. В Определении от 12.05.2025 № 305-ЭС25-2717 подтверждено, что сособственник вправе заявить иск о сносе пристройки, возведённой без согласия всех собственников помещений в МКД [14]. В Определении от 03.02.2026 № 18-КГ25-396-К4 — что превышение допустимой этажности ИЖС достаточно для сноса [15]. В Определении от 22.08.2025 № 305-ЭС25-3877 — что смена собственника объекта с решением о сносе и проведение новой экспертизы не отменяют это решение [16].

6. Недопустимость сноса при наличии возможности приведения объекта в соответствие. В Определении от 29.04.2025 № 18-КГ24-419-К4 ВС РФ указал, что снос возможен только при доказанности существенности нарушений и реальной угрозы [17]. Тематический обзор № 13/2026 (п. 5) закрепил, что истечение срока аренды и неполучение разрешения на ввод в эксплуатацию объекта, возведённого с соблюдением норм, не являются основанием для признания его самовольной постройкой [2].

Несмотря на то, что по общему правилу статьи 222 ГК РФ лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности, возведение самовольных построек в России (особенно в сфере жилой недвижимости) и их легализация в судебном порядке приобрели массовый характер, что противоречит самой сущности права.

Таким образом анализируя вышеизложенное, мы приходим к выводу, что несмотря на трансформацию судебной практики сохраняются системные проблемы, требующие законодательного решения:

- отсутствие чётких законодательных критериев существенности нарушений —

этот вопрос делегирован судебному усмотрению, что порождает нестабильность практики;

• недостаточная регламентация ответственности уполномоченных органов за ненадлежащий контроль и несвоевременное выявление объектов самовольного строительства;

• пробелы в регулировании последствий самовольной реконструкции, особенно при изменении индивидуализирующих характеристик объекта (высоты, площади, этажности).

Представляется необходимым внесение в Гражданский кодекс Российской Федерации императивных норм, ограничивающих возможность узаконения самовольной постройки строго определёнными случаями: при доказанности незаконных действий (бездействия) административного органа при выдаче разрешительной документации и при одновременном соблюдении всех градостроительных, земельных и строительных норм. В иных случаях легализация должна быть исключена, а ответственность застройщиков — ужесточена независимо от этажности и социальной значимости объекта. Кроме того, необходимо ввести норму об ответственности уполномоченных органов за ненадлежащий контроль территорий, что создаст превентивный механизм и снизит количество судебных споров.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа эволюции правового режима самовольной постройки — от формально-репрессивной модели к пропорционально-дифференцированной — с учётом новейших разъяснений Верховного суда Российской Федерации, доктринального обоснования концепции самовольного строительства как злоупотребления правом и разработки конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Список литературы:

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 3.

[2] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 13/2026: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.07 // СПС «КонсультантПлюс». – 2026. – № 13/2026.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[4] О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32. – Ст. 5139.

[5] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Аминевой Н. Н., Васильевой Н. В. и других на нарушение их конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1174-О // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.07.2025 № 18-КГ25-274-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.02.2024 № 41-КГ23-70-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] О перечне видов судебных экспертиз, проводимых в федеральных государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: распоряжение Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 45. – Ст. 7892.

[9] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 05.06.2024 № АПЛ24-200 // СПС «КонсультантПлюс». – 2024.

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 8.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.2025 № 18-КГ25-195-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.03.2024 № 305-ЭС23-21208 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.02.2025 № 18-КГ24-279-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.05.2025 № 305-ЭС25-2717 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2026 № 18-КГ25-396-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2025 № 305-ЭС25-3877 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.04.2025 № 18-КГ24-419-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] On Certain Issues Arising in Judicial Practice Regarding the Application of Provisions on Unauthorized Construction: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44 dated December 12, 2023 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – No. 3.

[2] Thematic Review by the Supreme Court of the Russian Federation No. 13/2026: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 1 // ConsultantPlus Legal Reference System. – 2026. – No. 13/2026.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[4] On Amendments to Article 222 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 339-FZ dated August 3, 2018 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 32. – Art. 5139.

[5] On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizens N. N. Amineva, N. V. Vasilyeva, and Others Regarding the Violation of Their Constitutional Rights by Clauses 1 and 2 of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1174-O dated May 29, 2018 // ConsultantPlus Legal Reference System.
[6] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 29, 2025, No. 18-KG25-274-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[7] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 27, 2024, No. 41-KG23-70-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[8] On the List of Types of Forensic Expert Examinations Conducted in Federal State Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of Russia: Directive of the Government of the Russian Federation dated October 31, 2023, No. 3041-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 45. – Art. 7892.

[9] Appellate Ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 5, 2024, No. APL24-200 // ConsultantPlus Legal Reference System. – 2024.

[10] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 8.

[11] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 17, 2025, No. 18-KG25-195-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System. [12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 18, 2024, No. 305-ES23-21208 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[13] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 25, 2025, No. 18-KG24-279-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[14] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 12, 2025, No. 305-ES25-2717 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[15] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 3, 2026, No. 18-KG25-396-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[16] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 22, 2025, No. 305-ES25-3877 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[17] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2025, No. 18-KG24-419-K4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-53-58**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

КРУТСКИХ Елена Витальевна,
студент магистратуры 2 курса Дальневосточного института
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Хабаровск, Россия,
тел.: +79141575687,
e-mail: krutskiss@mail.ru

Научный руководитель:
КОВАЛЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,
Дальневосточного института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Хабаровск, Россия,
e-mail: kovalenko_pravo@mail.ru

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ РАСПОРЯЖЕНИЯ МАТЕРИНСКИМ КАПИТАЛОМ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ И БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *В статье исследуются правовые коллизии, возникающие при распоряжении средствами материнского (семейного) капитала в ситуациях раздела общего имущества супругов и банкротства одного из них с учётом сложившихся правоприменительных подходов. Анализируется трансформация правовой природы материнского капитала от личного неимущественного права к режиму общей долевой собственности детей и родителей после его направления на улучшение жилищных условий. Рассматриваются противоречия между семейным, гражданским, жилищным законодательством и законодательством о несостоятельности, а также конституционными принципами защиты детства. Особое внимание уделено проблемам исключения детских долей из конкурсной массы, оспаривания сделок по приобретению жилья с использованием материнского капитала, конфликту исполнительского иммунитета единственного жилья и прав залоговых кредиторов. Обосновывается необходимость дальнейшей гармонизации отраслевого регулирования на основе принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних. Цель статьи — системный анализ правовых коллизий при разделе имущества супругов и в банкротстве с учётом законодательства и позиций КС и ВС РФ. Актуальность обусловлена количественными и качественными факторами.*

Ключевые слова: *материнский (семейный) капитал, раздел имущества супругов, банкротство физических лиц, конкурсная масса, общая долевая собственность, права детей, исполнительский иммунитет, правовые коллизии, целевое использование, семейное законодательство, оспаривание сделок.*

KRUTSKIKH Elena Vitalyevna,
2nd-year master's student at the Far Eastern Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Khabarovsk, Russia

Academic supervisor:
KOVALENKO Elena Gennadievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Civil Law and Procedure,
Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
Khabarovsk, Russia

LEGAL CONFLICTS IN THE DISPOSITION OF MATERNITY CAPITAL IN THE DIVISION OF SPOUSES' PROPERTY AND IN BANKRUPTCY

Annotation. *The article examines legal conflicts arising from the disposition of maternity (family) capital funds in situations involving the division of spouses' common property and the bankruptcy of one of them, taking into account established law enforcement approaches. The transformation of the legal nature of maternity capital from a personal non-property right to the regime of common shared ownership of children and parents after its allocation for housing improvement is analyzed. Contradictions between family, civil, housing, and insolvency legislation, as well as constitutional principles of childhood protection, are considered. Special attention is paid to the problems of excluding children's shares from the bankruptcy estate, challenging transactions for the acquisition of housing using maternity capital, and the conflict between the execution immunity of the sole dwelling and the rights of secured creditors. The necessity of further harmonization of sectoral regulation based on the principle of priority protection of the rights of minors is substantiated. The purpose of the article is a systematic analysis of legal conflicts in the division of spouses' property and in bankruptcy, taking into account legislation and the positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. The relevance is due to quantitative and qualitative factors.*

Key words: *maternity (family) capital, division of spouses' property, bankruptcy of individuals, bankruptcy estate, common shared ownership, rights of children, execution immunity, legal conflicts, targeted use, family legislation, challenging transactions.*

Институт материнского (семейного) капитала, введённый Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее Закон № 256-ФЗ), продолжает оставаться одним из ключевых инструментов социальной политики Российской Федерации. За время действия программы произошла существенная эволюция данного правового механизма: расширен круг лиц, имеющих право на получение сертификата, увеличен размер выплаты, введены новые направления использования средств, включая возможность получения ежемесячных выплат и оплату образовательных услуг для детей. Вместе с тем, наиболее востребованным направлением остаётся улучшение жилищных условий, что неизбежно порождает сложные правовые конструкции при возникновении семейных конфликтов и имущественных споров, осложнённых несостоятельностью одного из супругов.

Законодательство о банкротстве, семейное и гражданское законодательство, несмотря на наличие отдельных разъяснений высших судов, до сих пор содержат нормы, вступающие в противоречие при определении судьбы жилого помещения, приобретённого с использованием средств материнского капитала. Целью настоящей статьи является системный анализ правовых коллизий, проявляющихся при разделе имущества супругов и в процедурах банкротства, с учётом действующих нормативных правовых актов и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Актуальность темы обусловлена как количественными, так и качественными факторами. К настоящему времени число семей, воспользовавшихся материнским капиталом для приобретения жилых помещений, исчисляется миллионами, при этом значительная часть таких объектов недвижимости потенциально вовлекается в имущественные споры при расторжении браков, число которых сохраняется на стабильно высоком уровне. Параллельно продолжается рост потребительского и ипотечного кредитования, что ведёт к увеличению количества дел о банкротстве физических лиц, включая дела, в которых единственное жильё должника приобретено с привлечением бюджетных средств. Особую остроту проблеме придают коллизии между требованиями кредиторов и публично-правовым обязательством родителей по наделению детей долями, а также недостаточная определённость в вопросах очерёдности выдела долей при реализации имущества должника. Таким образом, исследование указанных вопросов представляет как теоретическую, так и практическую значимость, направ-

ленную на обеспечение правовой определённости и защиту наиболее уязвимых участников правоотношений. [4]

Правовая природа материнского капитала на стадии до его использования характеризуется строго личным, неотчуждаемым и целевым характером. Согласно статье 2 Закона № 256-ФЗ, материнский капитал является средствами федерального бюджета, право на распоряжение которыми не входит в состав совместно нажитого имущества супругов и не подлежит разделу. Указанный подход многократно подтверждался судебной практикой, в том числе в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г. При этом денежные средства, не обналиченные и существующие исключительно в форме права требования к бюджету, не могут быть объектом гражданского оборота и, следовательно, не включаются в конкурсную массу при банкротстве гражданина. Момент направления средств на приобретение жилья трансформирует данное личное неимущественное право в особый правовой режим приобретаемого объекта недвижимости.

Пункт 4 статьи 10 Закона № 256-ФЗ устанавливает императивную обязанность лица, получившего сертификат, оформить жилое помещение в общую долевую собственность родителей и детей с определением размера долей по соглашению. Указанная норма порождает у детей законное ожидание приобретения права собственности, которое по своей юридической силе приближается к вещному обременению, существующему независимо от формальной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости. Данный вывод нашёл отражение в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее постановление ВС РФ № 48). Согласно указанному разъяснению, имущество, приобретённое с использованием средств материнского (семейного) капитала, не может быть включено в конкурсную массу в части, соответствующей доле в праве собственности, причитающейся детям.

При разделе имущества супругов в отсутствие банкротства правовая коллизия проявляется в столкновении общего принципа равенства долей, закреплённого в статьях 34 и 39 Семейного кодекса Российской Федерации, и обязанности по выделу долей детям. На практике распространены ситуации, когда жилое помещение оформлено исключительно на одного из супругов или в общую совместную собственность без указания детей. В таких случаях суды, руководствуясь статьёй 38 Семейного кодекса РФ и положениями Закона № 256-ФЗ, признают, что раздел должен производиться с первоочередным выделением долей, причитающихся несовершеннолетним, и лишь затем оставшаяся часть может быть разделена между супругами. Судебная практика выработала подход, согласно которому доли детей определяются пропорционально доле средств материнского капитала в общей стоимости жилья, а при невозможности точного расчёта — исходя из принципа равенства долей всех членов семьи в соответствующей части. Таким образом, принцип равенства супружеских долей отступает перед императивом защиты прав детей, что не рассматривается как нарушение, а является реализацией конституционных гарантий, предусмотренных статьёй 38 Конституции Российской Федерации.

Существенно более сложные правовые коллизии возникают при банкротстве одного из супругов, когда приобретённое с участием материнского капитала жильё является единственным и одновременно обременено ипотекой. Здесь пересекаются несколько фундаментальных правовых институтов: исполнительский иммунитет единственного жилья, право залогового кредитора на преимущественное удовлетворение, публично-правовая обязанность выделить доли детям и ограничения, установленные постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Постановление № 15-П). Конституционный Суд последовательно проводит линию на то, что исполнительский иммунитет не является абсолютным и может быть преодолён, если жильё по своим характеристикам значительно превышает нормативы, установленные для семьи должника. При этом

замещающее жильё должно предоставляться с учётом интересов всех членов семьи, включая детей, и не может быть произвольно уменьшено по площади ниже социальной нормы.

В отношении жилья, приобретённого с использованием материнского капитала, судебная практика выработала подход, согласно которому доли детей не могут быть обременены ипотекой и не подлежат реализации в счёт долгов родителей, поскольку дети не являются созаёмщиками и не участвовали в обеспечении кредитного обязательства. Суды всё чаще указывают, что в таких ситуациях обращение взыскания возможно исключительно на доли супругов, а реализация целого объекта допустима лишь при условии предварительного выдела детских долей в натуре либо их денежной компенсации, если выдел в натуре невозможен, что фактически блокирует продажу с торгов большинства квартир. [3]

Коллизия усугубляется несовершенством механизма оспаривания сделок в банкротстве. Нередки случаи, когда финансовый управляющий либо кредиторы ставят вопрос о признании недействительным соглашения об определении долей в жилом помещении, заключённого во исполнение Закона № 256-ФЗ, ссылаясь на то, что оно направлено на вывод активов из конкурсной массы. Однако судебная практика, поддерживаемая разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, исходит из того, что такое соглашение не может быть оспорено по правилам главы III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве), поскольку обязанность по выделу долей возникла в силу закона до возбуждения дела о банкротстве и её исполнение не является сделкой, причиняющей вред кредиторам. Тем не менее на практике сохраняется проблема, связанная с тем, что обязанность по выделу долей зачастую не исполняется вплоть до момента возникновения имущественного спора или возбуждения процедуры банкротства, что создаёт правовую неопределённость и требует от судов ретроспективного определения размера долей. А также, вследствие того, что законом не закреплен четкий алгоритм расчета детских долей, существуют случаи заведомо заранее составленных и зарегистрированных соглашений с определением равных долей всем членам семьи, с целью уменьшения доли будущего супруга, что может считаться злоупотреблением правом и приводить к очередным судебным спорам.

Другой аспект коллизионности проявляется при разделе имущества супругов в рамках дела о банкротстве. Согласно части 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве, общее имущество супругов подлежит реализации в процедуре банкротства целиком, а причитающаяся супругу должника часть выручки выплачивается после удовлетворения требований кредиторов. В отношении жилья с материнским капиталом возникает вопрос: в какой момент должны быть определены и выделены доли детей – до или после продажи? Если до продажи, то предметом реализации становится лишь доля, принадлежащая должнику и, возможно, его супругу, что затрудняет поиск покупателя и снижает цену. Если после, то возникает риск нарушения прав детей. Сложившаяся судебная практика ориентирует на приоритет предварительного выдела детских долей, обязывая финансового управляющего обращаться в суд общей юрисдикции с заявлением об определении долей всех членов семьи до выставления имущества на торги. Указанное правило синхронизирует банкротное производство с семейным законодательством, однако порождает дополнительные процессуальные сложности и может затягивать сроки конкурсного производства, что влечёт увеличение текущих расходов. [5]

Значительный теоретический и практический интерес представляет проблема «замещающего жилья» при реализации единственного жилья должника, обременённого правами детей. Конституционный Суд в Постановлении № 15-П допустил обращение взыскания на такое жильё при условии предоставления должнику и членам его семьи иного пригодного помещения. Применительно к материнскому капиталу возникает вопрос: должно ли замещающее жильё также оформляться в долевую собственность детей? Буквальное толкование Закона № 256-ФЗ позволяет утверждать, что первоначальная обязанность по выделению долей погашается однократным её исполнением, и в случае утраты жилья по независящим от родителей причинам повторное наделение детей долями не требуется. Однако судебная практика склоняется к тому, что если реализация жилья произведена в рамках

банкротства и вырученных средств недостаточно для приобретения равноценного жилья с сохранением долей детей, суд должен рассмотреть вопрос о компенсации детских долей из конкурсной массы в первоочередном порядке перед расчётами с кредиторами. Данный подход фактически признаёт за обязательством по выделу долей характер требования, имеющего приоритет перед реестровыми кредиторами, что является значимым отступлением от общих правил очерёдности удовлетворения требований кредиторов.

Таким образом, правовые коллизии в сфере распоряжения материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве прошли путь от полной неурегулированности к частичной гармонизации, однако сохраняются в части очерёдности удовлетворения требований детей и кредиторов, определения правовой природы детской доли как вещного обременения и механизмов замещения жилья. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути более чёткого закрепления принципа безусловного приоритета жилищных прав несовершеннолетних, а также совершенствования процессуальных механизмов, исключающих возможность обхода императивных требований о выделении долей. [2]

Проведённое исследование показало, что правовое регулирование отношений, связанных с распоряжением материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве, находится в стадии активного развития. Разъяснения высших судебных инстанций, прежде всего постановление ВС РФ № 48 и постановление № 15-П, позволили разрешить ряд фундаментальных коллизий: определено исключение детских долей из конкурсной массы, установлена обязанность предварительного выдела долей до реализации имущества, ограничена возможность оспаривания соглашений об определении долей как подозрительных сделок. Вместе с тем, сохраняется правовая неопределённость в вопросах, касающихся замещения единственного жилья с детскими долями, очерёдности компенсации стоимости долей при недостаточности вырученных средств и процессуального взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Анализ судебной практики и конституционных позиций подтверждает тенденцию к приоритетной защите прав несовершеннолетних, что соответствует основам конституционного строя Российской Федерации. Для полного устранения правовых коллизий целесообразна дальнейшая унификация норм, регулирующих статус долей детей, приобретённых за счёт публичных средств, в законодательстве о банкротстве и семейном законодательстве, а также разработка специального порядка реализации жилых помещений с детскими долями, обеспечивающего баланс интересов всех участников, а также, совершенствование действующего законодательства на предмет четкого определения алгоритма расчета долей в праве собственности на жилое помещение, принадлежащих несовершеннолетним членам семьи.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2021. № 4.

[3] Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

[4] Право социального обеспечения: учебник / под ред. М.Л. Захарова, Э.Г. Тучковой. 4-е изд. М.: Проспект, 2023. 720 с.

[5] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated December 25, 2018, «On Certain Issues Related to the Specifics of Forming and Distributing the Bankruptcy Estate in Cases Involving the Bankruptcy of Individuals» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.

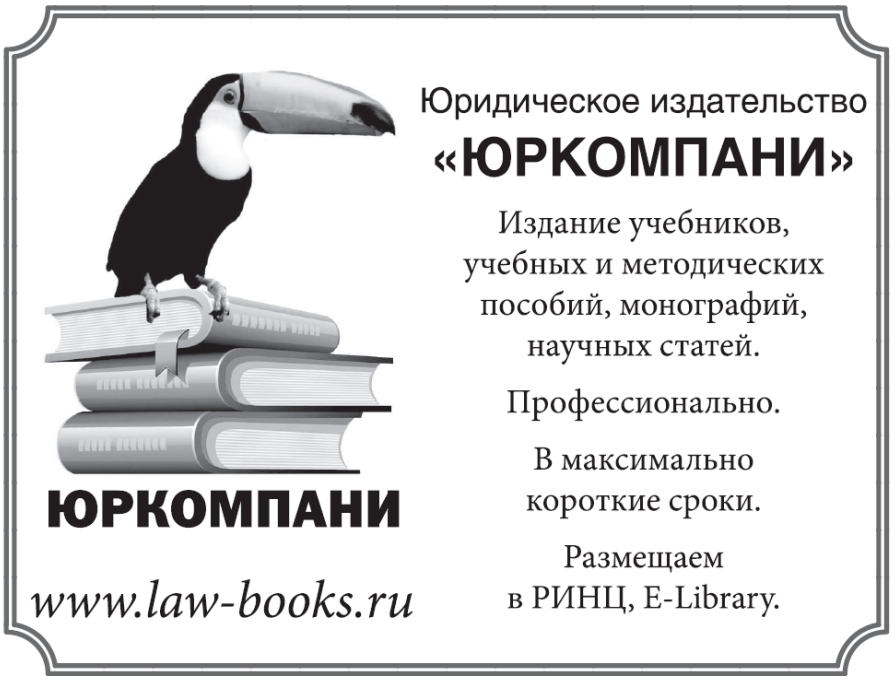
[2] Resolution of the Constitutional Court

of the Russian Federation No. 15-P dated April 26, 2021, «On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provisions of Paragraph 2, Part 1, Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Clause 3, Article 213.25 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2021. No. 4.

[3] Review of Judicial Practice in Cases Related to the Exercise of the Right to Maternity (Family) Capital (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 22, 2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 9.

[4] Social Security Law: Textbook / Ed. by M.L. Zakharov, E.G. Tuchkova. 4th ed. Moscow: Prospekt, 2023. 720 p.

[5] Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-59-68**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРОТОТИПЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ СУДЕБНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации, утвержденной приказом Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П, с целью выявления зарубежных нормативных моделей, обладающих наибольшим структурным, функциональным и методологическим сходством с российским документом. Обосновывается вывод о гибридной природе российской модели судебного искусственного интеллекта. Наиболее близким функциональным прототипом выступают Opinions of the Supreme People's Court of China on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields 2022 г.: совпадают сквозное применение ИИ на жизненном цикле дела, интеллектуальный поиск норм и сходных дел, анализ доказательств, подготовка проектов судебных актов, предупреждение об отклонении от сложившихся критериев и элементы прогнозной аналитики. Вместе с тем, система принципов, правовых гарантий и управления рисками российской Концепции существенно сближается с Европейской этической хартией CEPEJ 2018 г., Регламентом ЕС 2024/1689 (AI Act), Мнением CCJE № 26 (2023) и особенно Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts CEPEJ 2025 г.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; судебная власть; цифровое правосудие; приказ Верховного Суда РФ № 59-П; умный суд; Китай; CEPEJ; AI Act; алгоритмическое правосудие; судебное усмотрение; automation bias; сравнительное правоведение.*

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

FOREIGN NORMATIVE PROTOTYPES OF THE RUSSIAN MODEL OF JUDICIAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article conducts a comparative legal analysis of the Concept of introducing artificial intelligence technologies into the legal proceedings of the Russian Federation, approved by order of the Supreme Court of the Russian Federation of September 3, 2026 No. 59-P, in order to identify foreign regulatory models with the greatest structural, functional and methodological similarity to the Russian document. The conclusion about the hybrid nature of the Russian model of forensic artificial intelligence is justified. The closest functional prototype is Opinions of the Supreme People's Court of China on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields 2022: end-to-end application of AI in the life cycle of a case, intellectual search for norms and similar*

cases, analysis of evidence, preparation of draft judicial acts, warning of deviation from the established criteria and elements of predictive analytics. At the same time, the system of principles, legal guarantees and risk management of the Russian Concept is significantly closer to the European Ethical Charter CEPEJ 2018, EU Regulation 2024/1689 (AI Act), CCJE Opinion No. 26 (2023) and especially Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Co urts CEPEJ 2025.

Key words: *: artificial intelligence; judiciary; digital justice; Supreme Court of Russia; Smart Court; China; CEPEJ; EU AI Act; algorithmic justice; judicial discretion; automation bias; comparative law.*

Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации *(далее - Концепция, приказ № 59-П)*. Документ знаменует качественно иной этап цифровизации правосудия. Если предшествующий исторический период был связан с электронным документооборотом, дистанционным участием, автоматизированным распределением дел, публикацией судебных актов и цифровой коммуникацией, то Концепция переносит технологическое воздействие непосредственно в сферу интеллектуальной деятельности суда: анализ доводов и доказательств, поиск правовых норм и аналогичных дел, выявление противоречий, формирование проектов судебных актов, контроль единообразия практики и подготовка справочных рекомендаций. [1, разд. III]

Верховный Суд РФ формулирует цель внедрения искусственного интеллекта *(далее – ИИ)* как повышение потенциала судебной системы и эффективности работы судов «на основе лучших мировых практик» при сохранении ключевой роли судьи. [1, п. 4 разд. II] Эта оговорка делает сравнительно-правовой вопрос внутренне обусловленным самим содержанием Концепции: какие именно мировые практики обнаруживают наиболее близкое сходство с российской моделью и можно ли установить вероятные нормативные прототипы приказа № 59-П?

Российская научная литература уже накопила значительный материал о возможностях и рисках ИИ в правосудии, включая проблемы алгоритмической прозрачности, цифрового суверенитета, судебного усмотрения и информационной безопасности. [2, с. 120–126; 3, с. 4–28] В то же время появление приказа № 59-П требует перехода от абстрактной дискуссии о допустимости судебного ИИ к анализу конкретной нормативной архитектуры и ее генезиса. Новизна настоящего исследования заключается именно в реконструкции возможных зарубежных прототипов российского документа по системе признаков, а не по внешнему сходству отдельных деклараций.

Наиболее сильное институциональное и функциональное сходство, на наш взгляд, обнаруживается между приказом № 59-П и ***Opinions of the Supreme People's Court on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields,*** опубликованными Верховным народным судом КНР 8 декабря 2022 г. [4] Оба документа исходят от высшего судебного органа и задают общесистемную политику применения ИИ в судах, а не регулируют рынок ИИ в целом.

Китайский акт закрепляет принцип AI-assisted adjudication: ИИ не заменяет судью, результаты алгоритма имеют вспомогательное значение, судебное решение принимается компетентным судебным органом, а ответственность сохраняется за лицом, принимающим решение. Пользователь должен иметь возможность выбирать, использовать ли интеллектуальную помощь, и прекращать взаимодействие с системой. [4, Principle of Supporting Adjudication] Российская формула «вспомогательного характера» ИИ построена вокруг той же институциональной идеи: технология усиливает профессиональную деятельность, но не приобретает самостоятельной юрисдикционной компетенции.

Китайский документ предусматривает whole-process AI-assisted case handling: интеллектуальную проверку доказательств, автоматизированную рекомендацию законов и подзаконных актов, поиск сходных дел, помощь в рассмотрении, генерацию и проверку юридических документов, а также средства обеспечения единообразия судебной практики. В административно-процессуальной части названы классификация

электронных материалов, автоматическое заполнение данных, распределение дел по сложности, электронная подача и автоматическое формирование судебных записей. [4, provisions on whole-process AI-assisted case handling] Совпадение с российским перечнем не ограничивается общей идеей цифровой помощи; оно охватывает последовательность операций, составляющих информационно-аналитический цикл работы судьи.

Российская Концепция предусматривает анализ аргументов и доказательств, выявление противоречий, составление резюме и хронологии, поиск применимого регулирования и сходных дел. Аналогичные функции китайского «умного суда» описываются и в научной литературе как переход от сервисной цифровизации к «интеллектуальной поддержке» судебной деятельности, когда алгоритм обрабатывает фактический и правовой массив, но формально не приобретает полномочия суда. [5, с. 125–137; 6, с. 27–32] Такая архитектура принципиально отличается от более осторожных западноевропейских моделей, долгое время концентрировавшихся на этических ограничениях и административной цифровизации.

Наиболее специфичным совпадением является механизм контроля отклонений от судебной практики. В российском приказе ИИ должен предупреждать судью об отклонении проекта решения от складывающейся практики, сопоставляя проект с правовыми позициями Верховного Суда и аналогичными делами. [1, направление «Интеллектуальная поддержка единообразия судебной практики», разд. III] Китайский акт прямо предусматривает warning of deviation of adjudicative criteria — предупреждение об отклонении от судебных критериев. [4, warning of deviation of adjudicative criteria] Речь идет не просто о поиске прецедентов, а о встроенном алгоритмическом сигнале, воздействующем на момент формирования будущего судебного акта. Такая функция достаточно специфична, чтобы иметь повышенное доказательственное значение в сравнительном анализе.

Приказ № 59-П допускает предварительную оценку рисков и вероятного исхода по типовой категории спора, специально оговаривая, что это не является предсказанием решения по конкретному делу. Китайский документ использует категорию AI-assisted litigation prediction. [1, подп. 8.1 разд. III; 4, AI-assisted litigation prediction] Российская оговорка существенно сужает предиктивную функцию и тем самым демонстрирует попытку адаптировать технологический сценарий к процессуальным гарантиям, но само включение прогнозной аналитики в официальную концепцию судебного ИИ сближает российскую и китайскую модели.

Следующая группа совпадений относится к подготовке судебных документов. Российская Концепция допускает генерацию проектов судебных актов с последующей проверкой судьей и использование ИИ для совершенствования текста. Китайская модель ранее предусмотрела AI-assisted legal document generation and review. [1, разд. III, генерация проектов судебных актов; 4, AI-assisted legal document generation and review] Это важный момент: технология перестает быть только поисковой системой и становится *участником процесса формирования текста (выделено нами. Л.Г.),* который в дальнейшем способен получить юридическую силу после принятия судьей.

Российская Концепция содержит собственные, более детализированные или иные по акцентам решения. В частности, она прямо выделяет «интеллектуальную помощь в назначении наказания», включая анализ смягчающих и отягчающих обстоятельств, рецидива и статистики наказаний по аналогичным делам. [1, направление «Интеллектуальная помощь в назначении наказания», разд. III] В тексте китайских Opinions 2022 г. эта функция не формулируется столь же прямо как самостоятельное направление, хотя практическая инфраструктура китайских smart courts включает разнообразные инструменты поддержки уголовного правосудия. Поэтому корректнее говорить о китайском функциональном прототипе в целом, а не о буквальном воспроизведении перечня.

Российские исследования китайского опыта подтверждают, что система «умного суда» КНР строится как институционально-технологическая экосистема: единые платформы, электронные досье, большие массивы судебных данных, интеллектуальный поиск, распознавание, прогнозно-аналитические и документарные функции интегрируются в повседневный рабочий процесс суда. [6, с. 27–32; 7, Art. 4; 8, pp. 186–206] С этой точки зрения Приказ №

59-П структурно ближе именно к китайскому пониманию «интеллектуализации» правосудия, чем к модели, ограничивающей ИИ административными задачами.

Если китайская модель лучше объясняет, какие функции передаются судебному ИИ, то европейские документы значительно лучше объясняют, в каких правовых границах эти функции должны осуществляться. Отправной точкой выступает Европейская этическая хартия CEPEJ об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, принятая в декабре 2018 г. Она закрепила пять базовых принципов: уважение фундаментальных прав; недискриминацию; качество и безопасность; прозрачность, беспристрастность и справедливость, включая возможность внешнего аудита; контроль со стороны пользователя. [9]

Сопоставление с Приказом № 59-П показывает почти полное тематическое наложение: права и свободы человека, недискриминация, качество и достоверность данных, прозрачность, объяснимость, контролируемость и аудит, сохранение решающей роли человека. Однако доказательственная сила этого совпадения ограничена тем, что после 2018 г. указанные требования стали широко распространенным стандартом trustworthy AI. Поэтому Хартия CEPEJ скорее объясняет правовую генеалогию гарантийного слоя Концепции, чем выступает ее непосредственным уникальным прототипом.

Тем не менее, один аспект имеет особое значение. Принцип контроля пользователем в европейской традиции предполагает не только формальное наличие человека «в цепочке», но реальную способность лица, принимающего решение, не следовать алгоритмической рекомендации. Именно такой смысл позднее будет развит в AI Act и документах CCJE. Российская формула вспомогательного характера ИИ должна толковаться в том же содержательном ключе: судья не просто подписывает результат машинной обработки, а сохраняет юридическую автономию при установлении обстоятельств, толковании права и мотивировании решения.

CEPEJ еще в 2018 г. рассматривала «predictive justice» как отдельную чувствительную область. [10] Это важно при оценке российского допуска предварительного прогнозирования типовых исходов: наличие предупреждения, что прогноз не относится к конкретному делу, снижает риск предопределения, но не устраняет возможность якорного эффекта. Если судья получает алгоритмический прогноз до самостоятельной оценки доказательств, вероятностный вывод способен стать когнитивной рамкой для последующего анализа. Отсюда следует необходимость регулировать не только допустимость функции, но и момент ее предъявления судье.

Мнение № 26 (2023) Консультативного совета европейских судей «Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary» развивает принципиально важную для приказа № 59-П идею: цифровая технология должна оставаться вспомогательной и не может подменять судебное решение. CCJE подчеркивает, что принятие решений является исключительной компетенцией судей и не должно делегироваться технологии; судьи должны участвовать в проектировании, закупке, контроле и оценке используемых систем и получать соответствующее обучение. [11]

Особая ценность Мнения № 26 состоит в том, что оно описывает не только юридические, но и институциональные риски. Система поддержки принятия решений может формально не принимать решение, но фактически стать de facto decision-maker, если судья систематически воспринимает ее вывод как авторитетный или безопасный вариант. Кроме того, инструменты, ориентированные на воспроизводство сложившейся практики, способны создавать самоподкрепляющийся массив «нормы поведения»: чем чаще алгоритм рекомендует прежнюю линию, тем больше решений ее воспроизводят, после чего та же линия получает еще больший статистический вес. [11, положения о рисках для судебной независимости и самоподкрепляющемся воздействии decision-support system] Этот риск непосредственно относится к российскому механизму предупреждения об отклонении от практики. Его положительный эффект очевиден: снижение случайных расхождений, выявление игнорирования правовой позиции высшего суда, повышение предсказуемости. Но без четкого различения обязательной правовой позиции и просто статистически преобладающего решения система может технологически смешать юридическую обязательность и частотность. Тогда «единообразие»

рискует превратиться в алгоритмическую консервацию практики, затрудняющую ее аргументированное развитие.

Поэтому в российском регулировании желательно закрепить как минимум три фильтра. Во-первых, система должна явно маркировать нормативный статус найденного материала: закон, акт конституционного контроля, разъяснение пленума, правовая позиция высшей инстанции, иное судебное решение, статистический паттерн. Во-вторых, частотность не должна интерпретироваться как обязательность. В-третьих, интерфейс не должен визуально придавать «рекомендуемому» исходу преимущество перед альтернативой. Эти меры следуют не столько из технической, сколько из процессуальной природы независимости судьи.

Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте (AI Act) имеет иную нормативную природу: он является общим регуляторным актом, а не концепцией развития судебной системы. Однако для сравнения с приказом № 59-П принципиально важно, что судебные ИИ-системы, используемые для исследования и толкования фактов и права и применения права к конкретным обстоятельствам, отнесены европейским законодателем к категории high-risk. В преамбуле прямо указывается на воздействие таких систем на демократию, верховенство права, индивидуальные свободы, эффективное средство правовой защиты и справедливое судебное разбирательство; окончательное судебное решение должно оставаться human-driven. [12, recital 61, Annex III, para. 8(a)]

Риск-ориентированная логика AI Act отчетливо корреспондирует с российской матрицей рисков. Европейский режим требует управления рисками на протяжении жизненного цикла, надлежащего управления данными, документации и логирования, прозрачности, человеческого контроля, точности, устойчивости и кибербезопасности. [12, Arts. 9–15] Российский документ использует не идентичную юридическую конструкцию, но близкий набор управленческих элементов: аудит процесса, пилот, специальные метрики, постпилотный мониторинг, журналирование взаимодействия с ИИ, требования к источникам, стресс-тестирование и обновляемую матрицу рисков.

Особенно важно содержание Article 14 AI Act о human oversight. Лицо, осуществляющее контроль, должно понимать возможности и ограничения системы, учитывать риск automation bias и обладать реальной возможностью не учитывать, отменять, обращать или иным образом преодолевать выход ИИ. [12, Art. 14, Human oversight] Такой подход позволяет провести критическую проверку одного из наиболее спорных положений российского документа — требования обязательной мотивировки отклонения от рекомендации ИИ.

AI Act не должен механически переноситься в российское право: различаются правовые системы, институциональные цели и нормативная техника. Однако категория high-risk полезна как аналитический инструмент. Она позволяет разделить сервисный ИИ и сущностный ИИ. Автоматическое обезличивание, перевод, техническая проверка реквизитов или поиск документа не затрагивают судебное усмотрение в той же степени, что оценка доказательств, ранжирование правовых аргументов, прогноз результата, рекомендация наказания или генерация проекта решения. Следовательно, единый набор требований к этим классам систем недостаточен.

Для российского законодательства целесообразно установить усиленный режим для систем, способных воздействовать на содержание судебного акта: обязательную оценку воздействия на права и судебную независимость до пилота; документацию источников и версии модели; независимое тестирование ошибок и предвзятости; воспроизводимость ключевых операций; фиксацию факта использования в материалах внутреннего судебного производства; возможность последующего контроля в случае обжалования, когда вывод ИИ существенно повлиял на решение. Эти меры развивают уже заложенную в приказе № 59-П риск-ориентированную логику, не требуя копирования европейской модели.

Наиболее интересные и специфические совпадения обнаруживаются не с Хартией 2018 г., а с ***Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts,*** принятыми CEPEJ на 45-м пленарном заседании 4–5 декабря 2025 г. и опубликованными в окончательной редакции 19 декабря 2025 г. [13] По времени документ непосредственно предшествует российской Концепции менее чем на год и посвящен не общим принципам ИИ, а организационной модели

его внедрения именно в судах.

CEPEJ рекомендует поэтапное развертывание генеративного ИИ через пилотные проекты, предварительную оценку рисков, измеримые показатели эффективности, постоянный мониторинг и возможность отката. Российский приказ устанавливает почти ту же управленческую последовательность: аудит и декомпозиция процесса; поиск прикладного решения; пилотирование; оценка пилота по специально разработанным метрикам; постпилотный мониторинг; масштабирование; обучение пользователей. [13, phased implementation, pilots, metrics, monitoring and rollback; 1, п. 10 разд. IV]

Обновленное британское ***Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders от октября 2025 г.*** также демонстрирует ряд параллелей с российской матрицей рисков. Руководство акцентирует личную ответственность судьи за материал, создаваемый от его имени, предупреждает о галлюцинациях, предвзятости обучающих данных и рисках конфиденциальности и рекомендует не вводить закрытую или частную информацию в общедоступные ИИ-сервисы. [14] Эти положения практически совпадают по предмету с первыми строками российской матрицы рисков.

Однако британский документ не является наиболее вероятным прототипом приказа № 59-П. Во-первых, его назначение уже: это практическое руководство пользователю, а не программа построения национальной инфраструктуры судебного ИИ. Во-вторых, hallucination, bias и confidentiality к концу 2025 г. являются общеизвестными проблемами генеративного ИИ, поэтому совпадение легко объясняется независимой реакцией разных юрисдикций на одинаковые технологические риски. Британский источник полезнее как подтверждение формирования общего профессионального стандарта judicial AI literacy.

Аналогичную функцию выполняют Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals UNESCO, опубликованные 3 декабря 2025 г. Документ закрепляет пятнадцать универсальных принципов и рассматривает ИИ как вспомогательный, а не замещающий инструмент. [15]

Российская Концепция находится в общем русле этого подхода, но не содержит столь уникальных совпадений с UNESCO, которые позволяли бы выделить его как непосредственный образец. Скорее речь идет о глобальной нормативной конвергенции вокруг фундаментальной формулы: ИИ может усиливать суд, но не должен превращаться в носителя судебной власти.

Наиболее дискуссионным положением Приказа № 59-П, на наш взгляд, является *мера минимизации риска снижения независимости и инициативы судьи:* наряду с запретом «выбора по умолчанию» и признанием ИИ лишь помощником предусматривается «обязательная мотивировка отклонения ИИ-рекомендации». [1, Приложение № 3, риск снижения независимости и инициативы судьи] Именно эта конструкция, формально направленная на контролируемость использования технологии, способна произвести обратный эффект. Таким образом, возникает своеобразная презумпция корректности машинного вывода, хотя сама Концепция признает возможность «галлюцинаций» ИИ. С процессуальной точки зрения дополнительная обязанность мотивировать несогласие с ИИ также вызывает вопрос о предмете судебной мотивировки. Судебный акт должен обосновывать выводы суда фактами, доказательствами и правом, а не объяснять отношения судьи с программным продуктом. Если решение законно и мотивировано по процессуальному закону, самостоятельное оправдание отказа от машинной подсказки не добавляет юридической ценности. Напротив, оно может создавать материал для оценивания «лояльности» судьи алгоритмическим рекомендациям и тем самым косвенно стимулировать нежелательное профилирование.

Еще более чувствительна т.н. «интеллектуальная помощь в назначении наказания». Статистика по аналогичным делам может содействовать последовательности судебной практики, однако уголовное наказание является областью индивидуализированного судебного усмотрения. Риск состоит не только в ошибке алгоритма (в т.ч. «галлюцинаций» ИИ), но и в «нормализации» прошлой практики. Если статистическое распределение превращается в якорь, прошлое получает технологический механизм самовоспроизводства. В международной дискуссии именно системы, способные влиять на свободу и иные фундаментальные права, рассматриваются как требующие усиленного человеческого контроля. [12, recital 61, Annex III, para. 8(a); 15]

Для таких сценариев предлагается принцип «двухконтурной автономии». В первом контуре ИИ может структурировать информацию: перечислять обстоятельства, находить нормы, показывать диапазоны санкций, представлять статистику с указанием выборки и ограничений. Во втором контуре — оценка доказанности, квалификация, выбор вида и меры наказания — решение должно формироваться судьей без обязательной алгоритмической рекомендации «оптимального» исхода. Если система все же выдает справочный диапазон, интерфейс обязан демонстрировать не единственную величину, а распределение, неопределенность, основания отбора аналогов и возможные смещения данных.

При проектировании судебных систем необходимо учитывать, что объяснимость не равна истинности. Даже идеально объясненная рекомендация может основываться на нерепрезентативной выборке или неверной правовой классификации. Поэтому приказ № 59-П справедливо связывает качество ИИ с официальными источниками и человеческой верификацией, однако дальнейшее регулирование должно дополнить это требованием валидации на специально сформированных тестовых корпусах и публикацией методологии оценки качества без раскрытия защищаемой информации.

Участник российского судопроизводства имеет право знать об использовании ИИ и оспорить его выводы. [1, Приложение № 3, риск нарушения права на справедливое судебное разбирательство] Это положение имеет большое значение для формирования самостоятельной процессуальной гарантии, но пока требует своей детализации. Не любое использование ИИ одинаково значимо: например, автоматическая расшифровка аудиозаписи, орфографическая правка текста и формирование проекта мотивировки различаются по степени воздействия на результат.

Совпадение российской Концепции и CEPEJ Guidelines 2025 г. в вопросе декларирования генеративного ИИ заслуживает отдельной оценки. Проблема заключается в том, что генеративная модель может создавать фиктивные судебные акты, несуществующие цитаты, искаженные выдержки и синтетические приложения. Однако всеобщая обязанность указывать любое использование ИИ может оказаться чрезмерной, поскольку граница между интеллектуальным ассистентом, поисковой системой, редактором и обычным офисным программным обеспечением быстро размывается.

Процессуальная обязанность должна быть связана не с фактом любого технического содействия, а с видом риска. Декларированию подлежит использование генеративной системы для создания фактических утверждений, правовых ссылок, перевода доказательств, подготовки «экспертоподобных» выводов, воспринимаемых судом как самостоятельный источник информации.

Автоматическая проверка ссылок, предусмотренная приказом № 59-П, напротив, представляется перспективной мерой. Она может работать симметрично: проверять не «ИИ-происхождение» текста, которое технически трудно достоверно установить, а существование и корректность cited authorities - судебных актов, норм, DOI, официальных документов. Такой подход технологически реалистичнее и процессуально нейтральнее, поскольку оценивает проверяемость материала, а не способ его создания.

Приказ № 59-П предусматривает создание в Верховном Суде РФ Центра судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта в форме экспертной группы. [1, п. 12 разд. V] Этот элемент важен для будущего нормативного регулирования: сложность судебного ИИ делает недостаточной традиционную модель, в которой технические решения проектируются исключительно ИТ-подразделением, а юридическое сообщество получает готовый продукт.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П представляет собой не простое продолжение электронного правосудия, а переход к нормативному проектированию интеллектуальной инфраструктуры суда. Впервые на уровне общесистемной концепции ИИ включается в операции, непосредственно предшествующие формированию судебного решения: анализ фактов и доказательств, поиск релевантного права и судебной практики, контроль отклонений, прогнозная аналитика, подготовка проектов актов и справочные рекомендации по наказанию.

Сравнительный анализ не подтверждает существование единственного зарубежного «образца». Вместе с тем, наиболее близким функциональным прототипом являются по-

зиции Верховного Народного Суда КНР 2022 г.: совпадают институциональный уровень, сквозной подход к жизненному циклу дела, интеллектуальный анализ доказательств, поиск норм и сходных дел, генерация документов, предупреждение об отклонении судебных критериев и прогнозная аналитика. [4; 7, Art. 4]

В основном, российская модель судопроизводства находится в европейской традиции: CEPEJ 2018, CCJE 2023 и EU AI Act формируют систему координат «права человека - недискриминация - качество данных - прозрачность». Наиболее сильное методологическое сходство обнаруживается с CEPEJ Guidelines 2025 г., особенно в связке пилотирования и специальных метрик, A/B-тестирования, контроля инфраструктуры, противодействия галлюцинациям, декларирования использования генеративного ИИ сторонами и санкций за недекларирование. [13; 1, разд. IV и Приложение № 3]

Следовательно, российскую модель целесообразно характеризовать как гибридную: функционально она близка к китайской концепции Smart Court, нормативно - к европейскому риск-ориентированному подходу, а по методике внедрения генеративного ИИ демонстрирует значительную конвергенцию с CEPEJ 2025. Ее дальнейшее развитие должно не сводиться к наращиванию точности моделей, а обеспечивать институциональную независимость судьи и проверяемость технологического воздействия.

Ключевая граница проходит между «ИИ, который помогает судье увидеть больше», и «ИИ, который определяет, что судья должен увидеть и какое решение считать нормальным». Поэтому центральной задачей будущего процессуального регулирования в России становится не запрет ИИ и не его максимальная автоматизация, а конструирование такой сложноуправляемой архитектуры, при которой подконтрольные человеку алгоритмы усиливают судебное разбирательство, помогая судье в разбирательстве и принятии справедливого судебного решения.

Список литературы:

[1] Приказ Верховного Суда РФ от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации», разд. III // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_544417/ (дата обращения: 19.09.2026).

[2] Чудесенко А. В. Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 120–126.

[3] Заготовкин Д. Ф., Рыльский К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Т. 9, № 1. С. 4–28.

[4] Supreme People's Court of the People's Republic of China. Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. 8 Dec. 2022. (法发〔2022〕33号). URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed: 19.09.2026).

[5] Даньшин А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9, № 1. С. 125–137.

[6] Шестак В. А., Чайникова А. О. Институционально-технологическая модель системы «Умный суд» Китайской Народной Республики // Мировой судья. 2026. № 7. С. 27–32.

[7] Shi C., Sourdin T., Li B. The Smart Court — A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, No. 1. Art. 4. DOI: 10.36745/ijca.367.

[8] Wei F. et al. A full-process intelligent trial system for smart court // Frontiers of Information Technology & Electronic Engineering. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 186–206. DOI: 10.1631/FITEE.2100041.

[9] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment. Strasbourg, 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed: 19.09.2026).

[10] CEPEJ. Possible use of AI to support

the work of courts and legal professionals. The CEPEJ materials accompanying the 2018 Charter expressly discuss “predictive justice” tools anticipating possible outcomes, while requiring fundamental-rights safeguards. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/tools-for-courts-and-judicial-professionals-for-the-practical-implementation-of-ai (accessed: 19.09.2026).

[11] Consultative Council of European Judges (CCJE). Opinion No. 26 (2023) “Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary”. Strasbourg, 1 Dec. 2023. URL: https://rm.coe.int/ccje-opinion-no-26-2023-final/1680adade7 (accessed: 19.09.2026). См. также положения о рисках для судебной независимости, возможном превращении decision-support system в фактический источник решения и самоподкрепляющемся воздействии технологий, ориентированных на сложившиеся decisional norms.

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), recital 61, Annex III, para. 8(a) // OJ L, 12.7.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed: 19.09.2026). См. также Arts. 9–15: risk management, data and data governance, technical documentation, record-keeping, transparency, human oversight, accuracy, robustness and cybersecurity; Art. 14 — понимание возможностей и ограничений системы, учет automation bias и возможность не учитывать, отменять или иным образом преодолевать выход ИИ.

[13] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts. CEPEJ (2025)18Final. Strasbourg, 19 Dec. 2025. Adopted at the 45th plenary meeting (4–5 Dec. 2025). URL: https://rm.coe.int/cepej-2025-18final-en-draft-guidelines-on-the-use-of-generative-ai-for/48802a4ad1 (accessed: 19.09.2026).

[14] Courts and Tribunals Judiciary. Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders. Updated 31 Oct. 2025. URL: https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance-october-2025/ (accessed: 19.09.2026). Руководство выделяет hallucinations, bias in training data и confidentiality risks и подчеркивает личную ответственность judicial office holders.

[16] Gutiйrrez J. D. Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals. Paris: UNESCO, 2025. 44 p.

References:

[1] Order of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59-P dated September 3, 2026, “On Approving the Concept for Implementing Artificial Intelligence Technologies in the Judicial Proceedings of the Russian Federation,” Section III // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_544417/ (accessed: September 19, 2026).

[2] Chudesenko A. V. Use of Artificial Intelligence Technology in Judicial Proceedings: A Comparative Legal Analysis of Regulatory Issues in the Context of Ensuring Information Security in the Russian Federation // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53, No. 2. P. 120–126.

[3] Zagotovkin D. F., Rylsky K. Challenges of Integrating Artificial Intelligence into the Judicial System of the Russian Federation // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Vol. 9, No. 1. P. 4–28.

[4] Supreme People’s Court of the People’s Republic of China. Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. 8 Dec. 2022. (法发〔2022〕33号). URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed: September 19, 2026).

[5] Danshin A. V. Legal Regulation of the Application of Digital Technologies and Artificial Intelligence in Judicial Proceedings in the People’s Republic of China // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 9, No. 1. P. 125–137. [6] Shestak V. A., Chainikova A. O. Institutional-Technological Model of the “Smart Court” System in the People’s Republic of China // Mirovoy Sudya [Magistrate Judge]. 2026. No. 7. P. 27–32.

[7] Shi C., Sourdin T., Li B. The Smart Court — A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, No. 1. Art. 4. DOI: 10.36745/ijca.367.

[8] Wei F. et al. A full-process intelligent trial system for smart court // Frontiers of Information Technology & Electronic Engineering. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 186–206. DOI: 10.1631/FITEE.2100041.

[9] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment. Strasbourg, 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed: 19.09.2026).

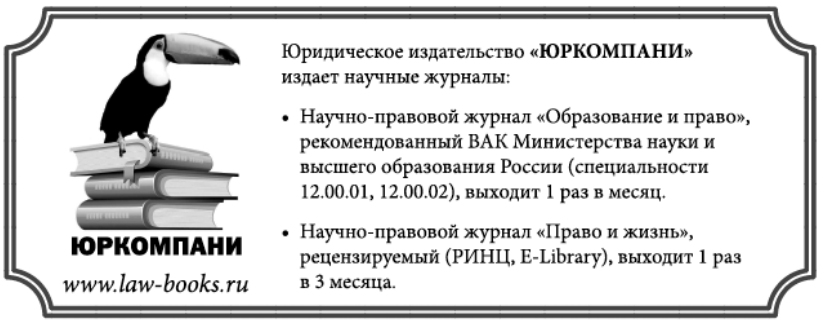
[10] CEPEJ. Possible use of AI to support the work of courts and legal professionals. The CEPEJ materials accompanying the 2018 Charter expressly discuss "predictive justice" tools anticipating possible outcomes, while requiring fundamental-rights safeguards. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/tools-for-courts-and-judicial-professionals-for-the-practical-implementation-of-ai (accessed: 19.09.2026). [11] Consultative Council of European Judges (CCJE). Opinion No. 26 (2023) "Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary". Strasbourg, 1 Dec. 2023. URL: https://rm.coe.int/ccje-opinion-no-26-2023-final/1680adade7 (accessed: 19.09.2026). See also provisions regarding risks to judicial independence, the potential transformation of a decision-support system into the actual source of a decision, and the self-reinforcing impact of technologies oriented towards established decisional norms.

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), recital 61, Annex III, para. 8(a) // OJ L, 12.7.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed: 19.09.2026). See also Arts. 9–15: risk management, data and data governance, technical documentation, record-keeping, transparency, human oversight, accuracy, robustness and cybersecurity; Art. 14 — understanding the system's capabilities and limitations, accounting for automation bias, and the ability to disregard, overrule, or otherwise override AI output.

[13] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts. CEPEJ (2025)18Final. Strasbourg, 19 Dec. 2025. Adopted at the 45th plenary meeting (4–5 Dec. 2025). URL: https://rm.coe.int/cepej-2025-18final-en-draft-guidelines-on-the-use-of-generative-ai-for/48802a4ad1 (accessed: 19.09.2026).

[14] Courts and Tribunals Judiciary. Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders. Updated 31 Oct. 2025. URL: https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance-october-2025/ (accessed: 19.09.2026). The guidance highlights hallucinations, bias in training data, and confidentiality risks, and emphasizes the personal responsibility of judicial office holders.

[16] Gutiйrrez J. D. Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals. Paris: UNESCO, 2025. 44 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-69-71**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЩЕРБАКОВА Дарья Владимировна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК ПРИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ ЗАВЕРШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ УНИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы распределения судебных издержек при альтернативных способах завершения арбитражного процесса – заключении мирового соглашения и одновременном обжаловании судебных актов обеими сторонами. Анализируются противоречия судебной практики, вызванные отсутствием прямого нормативного регулирования распределения невозвращаемой части государственной пошлины при утверждении мирового соглашения, а также дуализм подходов к распределению издержек при оставлении апелляционных (кассационных) жалоб обеих сторон без удовлетворения. На основе изученных источников формулируются предложения по внесению изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, направленные на унификацию правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *судебные издержки, мировое соглашение, прекращение производства по делу, апелляционное обжалование, распределение судебных расходов, государственная пошлина, превентивная функция.*

SHCHERBAKOVA Daria Vladimirovna,
Student of the Crimean branch of
Federal State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

DISTRIBUTION OF COURT COSTS IN ALTERNATIVE WAYS OF COMPLETING THE ARBITRATION PROCESS: GAPS IN LEGAL REGULATION AND WAYS OF UNIFICATION

Annotation. *The article examines the problems of distribution of court costs in alternative ways of completing the arbitration process – conclusion of a settlement agreement and simultaneous appeal of judicial acts by both parties. The contradictions of judicial practice caused by the lack of direct regulatory regulation of the distribution of the non-refundable part of the state fee upon approval of the settlement agreement, as well as the dualism of approaches to the distribution of costs when leaving appeals (cassation) complaints of both parties unsatisfied are analyzed. Based on the studied sources, proposals are formulated to amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1, aimed at unifying law enforcement practice.*

Key words: *court costs, settlement agreement, termination of proceedings, appeal, distribution of court costs, state fee, preventive function.*

Альтернативные способы завершения арбитражного процесса – заключение мирового соглашения, отказ от иска, прекращение производства по делу – традиционно рассматриваются как инструменты, способствующие разгрузке судебной системы и достижению баланса интересов сторон. Однако именно при таких способах разрешения спора наиболее остро проявляются пробелы правового регулирования распределения судебных издержек. Отсутствие единообразных подходов в судебной практике порож-

дает правовую неопределённость и создаёт риски для добросовестных участников процесса. Особого внимания заслуживают две проблемные ситуации: распределение государственной пошлины, не возвращаемой истцу при утверждении мирового соглашения, и распределение издержек, понесённых в связи с рассмотрением апелляционных (кассационных) жалоб, поданных обеими сторонами, когда в удовлетворении жалоб отказано.

Первая проблема связана с тем, что при утверждении мирового соглашения производство по делу прекращается, и истцу на основании подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса РФ возвращается 50% (или 70% на стадии апелляции, кассации) уплаченной государственной пошлины, а остальная часть остаётся в бюджете и не возвращается. Если стороны в мировом соглашении не урегулировали вопрос о распределении этой невозвращённой части пошлины, суды сталкиваются с необходимостью выбора между двумя противоположными подходами.

Сторонники первого подхода считают, что государственная пошлина в оставшейся части должна распределяться пропорционально размеру удовлетворённых ответчиком по условиям мирового соглашения требований, применяя по аналогии часть 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Другой подход основан на абзаце втором пункта 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»: «Заключение мирового соглашения, соглашения о примирении обусловлено взаимными уступками сторон, и прекращение производства по делу ввиду данного обстоятельства само по себе не свидетельствует о принятии судебного акта в пользу одной из сторон спора. Поэтому судебные издержки, понесённые сторонами в ходе рассмотрения дела до заключения ими мирового соглашения, соглашения о примирении, относятся на них и распределению не подлежат». Поскольку государственная пошлина является частью судебных расходов (статья 101 АПК РФ), логично распространить это правило и на невозвращённую часть пошлины, оставив её на истце.

Как отмечает М.П. Степанова, «особенность мирового соглашения заключается в том, что оно заключается на любом этапе арбитражного разбирательства и на этапе исполнения судебного акта», при этом «обязательным условием является включение информации о распределении судебных издержек между сторонами». Однако на практике стороны зачастую либо опускают это условие, либо делают отсылку к закону, что и порождает проблему.

Д.М. Жигулина и М.С. Кротов, анализируя данную проблему, приходят к выводу, что «поддерживая сторонников второго правового подхода, видится необходимым внесения поправок в Постановление №1, расширяющих своё действие и на государственную пошлину, как часть судебных расходов. До принятия соответствующих мер, действительным считается при прекращении производства по делу ввиду заключения мирового соглашения, в котором отсутствует условие о порядке распределения расходов по уплате государственной пошлины, оставлять спорную часть расходов на истце». С этим выводом следует согласиться, поскольку он основан на буквальном толковании пункта 27 Постановления № 1 и принципе невозможности определения «победителя» в мировом соглашении.

Вторая проблемная ситуация возникает при одновременном обжаловании судебного акта обеими сторонами в апелляционном или кассационном порядке, когда жалобы оставлены без удовлетворения. Пункт 30 Постановления № 1 устанавливает: «Лицо, подавшее апелляционную, кассационную или надзорную жалобу, а также иные лица, фактически участвовавшие в рассмотрении дела на соответствующей стадии процесса, но не подававшие жалобу, имеют право на возмещение судебных издержек, понесённых в связи с рассмотрением жалобы, в случае, если по результатам рассмотрения дела принят итоговый судебный акт в их пользу. В свою очередь, с лица, подавшего апелляционную, кассационную или надзорную жалобу, в удовлетворении которой отказано, могут быть взысканы издержки других участников процесса, связанные с рассмотрением жалобы».

Однако при оставлении жалоб обеих сторон без удовлетворения возникает вопрос: можно ли считать, что итоговый судебный акт принят в пользу каждой из сторон? Очевидно, нет. В судебной практике сформиро-

вались два подхода. Первый – распределение издержек по каждой жалобе отдельно: каждая сторона возмещает другой расходы на защиту от её жалобы. Второй – оставление издержек на стороне, которая их понесла, по аналогии с мировым соглашением.

Жигулина и Кротов отмечают, что «применяя буквальное толкование пункта 30 Постановления №1, стоит согласиться с консервативным подходом, в силу которого в случае одновременного отказа в удовлетворении апелляционных (кассационных) жалоб истца и ответчика судебные расходы не подлежат распределению в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 110 АПК РФ, и остаются на лицах, их понесших». Обоснование этого подхода – превентивная функция судебных расходов: если обе жалобы признаны необоснованными, то каждая сторона должна нести бремя своих процессуальных решений. Кроме того, отсутствие правовой определённости при первом подходе (как пропорционально делить издержки – по результатам рассмотрения в первой инстанции или поровну) создаёт риск злоупотреблений.

Специфика распределения издержек при альтернативных способах завершения процесса проявляется и в делах о банкротстве. Как указывает А.И. Шайдуллин, в пункте 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 предусмотрено, что требования оппонента должника (конкурсной массы) о взыскании судебных расходов в обособленном споре, если судебный акт принят в его пользу, подлежат удовлетворению в порядке пункта 3 статьи 137 Закона о банкротстве, то есть после погашения всех требований кредиторов, а не как текущие платежи. Шайдуллин справедливо критикует такой подход, отмечая, что «правила пункта 18 постановления № 35 о субординации требований о возмещении судебных расходов оппонентов должника (конкурсной массы) по обособленным спорам в деле о банкротстве не соответствуют принципу равенства, поскольку такое регулирование устанавливает ничем не обоснованное и дискриминационное регулирование для участников искового процесса в рамках обособленных споров в деле о банкротстве, выступающих против должника (конкурсной массы), лишая их возможности возместить свои судебные издержки, если судебный акт принят в их пользу». Хотя этот пример относится к специфике банкротства, он иллюстрирует более общую тенденцию: при альтернативных способах завершения процесса (прекращение производства в связи с отказом от иска, утверждением мирового соглашения, оставлением жалоб без удовлетворения) законодатель и высшие суды не всегда обеспечивают справедливый баланс интересов.

Для устранения выявленных пробелов и унификации практики представляется необходимым внести следующие изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1. Во-первых, дополнить пункт 27 указанием на то, что правило об оставлении судебных издержек на сторонах, их понесших, распространяется на все виды судебных расходов, включая государственную пошлину (за исключением части, подлежащей возврату из бюджета). Во-вторых, в пункте 30 прямо закрепить, что при оставлении апелляционных (кассационных) жалоб обеих сторон без удовлетворения судебные издержки, понесённые каждой стороной в связи с рассмотрением жалоб, не подлежат распределению и остаются на них, если иное не установлено соглашением сторон.

Таким образом, исследование показало, что действующее правовое регулирование распределения судебных издержек при альтернативных способах завершения арбитражного процесса страдает фрагментарностью и противоречивостью. Отсутствие чётких правил порождает дуализм судебной практики и ставит под угрозу принципы правовой определённости и равенства сторон. Предложенные изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 позволят унифицировать подходы, усилить превентивную функцию судебных расходов и обеспечить справедливый баланс интересов участников арбитражного судопроизводства.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-72-75**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

НЯНЧЕНКО Анна Григорьевна,
студент Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

РОЛЬ РОССИЙСКИХ СУДОВ В ЗАЩИТЕ ПРАВ РЕБЕНКА: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ И СТАНДАРТОВ

Аннотация. *В статье исследуется роль российских судов в защите прав ребенка с акцентом на практическое применение международных норм и стандартов. Анализируются ключевые международные документы, такие как Конвенция о правах ребенка, и их влияние на судебную практику в России. Рассматриваются примеры дел, в которых суды учитывают международные стандарты при вынесении решений, а также выявляются проблемы и недостатки в их применении. Статья подчеркивает важность интеграции международных норм в национальное законодательство для обеспечения эффективной защиты прав детей и предлагает рекомендации по улучшению судебной практики.*

Ключевые слова: *права ребенка, российские суды, международные нормы, судебная практика, Конвенция о правах ребенка, защита прав, правосудие.*

NIANCHENKO Anna Grigorievna,
Student of the Crimean branch of the
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Russian State
University of the V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

THE ROLE OF RUSSIAN COURTS IN PROTECTING CHILDREN'S RIGHTS: PRACTICE OF APPLYING INTERNATIONAL NORMS AND STANDARDS

Annotation. *The article examines the role of Russian courts in protecting children's rights with an emphasis on the practical application of international norms and standards. It analyzes key international documents, such as the Convention on the Rights of the Child, and their impact on judicial practice in Russia. It provides examples of cases in which courts have taken international standards into account when making decisions, and identifies problems and shortcomings in their application. The article emphasizes the importance of integrating international norms into national legislation to ensure effective protection of children's rights and offers recommendations for improving judicial practice.*

Key words: *children's rights, Russian courts, international norms, judicial practice, Convention on the Rights of the Child, protection of rights, justice.*

Защита прав ребенка является одной из ключевых задач современного общества и государства. В условиях глобализации и интеграции международных норм в национальное законодательство, российские суды играют важную роль в обеспечении соблюдения прав детей. В данной статье рассматривается, как международные нормы и стандарты, такие как Конвенция о правах ребенка, влияют на судебную практику в России, а также анализируются примеры дел, в которых суды учитывают эти нормы при вынесении решений.

Конвенция о правах ребенка (КПР) была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году [3] и стала основополагающим документом в области защиты прав детей. Она устанавливает широкий спектр прав, включая право на жизнь, развитие, защиту от насилия и эксплуатацию, право на образование и участие в культурной жизни. Россия ратифицировала КПР в 1990 году, что

обязывает ее соблюдать и внедрять положения Конвенции в национальное законодательство.

Помимо КПР, существуют и другие международные документы, такие как Европейская конвенция о защите прав человека и Протоколы к ней, а также рекомендации Комитета ООН по правам ребенка. Эти документы дополняют и уточняют права детей, предоставляя дополнительные механизмы для их защиты.

Проблема механизма защиты прав ребенка важна не только в контексте национального законодательства различных стран (например, статья 38 Конституции Российской Федерации [2] устанавливает обязанность государства по защите детей), но и на международном уровне (статья 25 «Всеобщей декларации прав человека» [1] предоставляет материнству и младенчеству право на особую заботу и поддержку).

В дополнение к защите прав детей на национальном уровне, существует возможность их охраны с использованием международных механизмов. Конституция Российской Федерации [2] (часть 3 статьи 46) гарантирует право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека в соответствии с международными договорами, если внутренние средства правовой защиты исчерпаны. Защита прав детей в России имеет значительное значение для сохранения и развития российской государственности, общества и института семьи.

В дополнение к многоцелевым декларациям и конвенциям, которые содержат положения о защите прав ребенка наряду с нормами, касающимися других институтов, существуют также специальные международные правовые документы.

Женевская декларация о правах, принятая 26 сентября 1924 года [4], может рассматриваться как первый международный акт, посвященный защите прав и интересов детей в современном обществе. Однако этот документ довольно прост по своему содержанию, так как включает лишь пять основных принципов, которые должны служить основой для деятельности по защите прав детей. Важно отметить, что эти принципы не содержат положений о равенстве детей, независимо от того, рождены ли они в браке или вне его, а также не упоминают о равенстве детей в отношении предоставления помощи без учета пола, расы или цвета кожи.

Кроме того, в 1959 году была принята Всеобщая декларация прав детей, которая не содержит специальных положений о защите детей [5]. В ней просто указано, что материнство и детство имеют право на особую помощь и поддержку, а дети, рожденные как в браке, так и вне его, должны получать одинаковую социальную защиту (п. 2 статьи 25). Декларация состоит из десяти принципов, которые должны стать основой для законодательных и других мер, принимаемых государственными органами и органами местного самоуправления для обеспечения детям счастливого детства и благополучия. То есть в ней не указаны конкретные средства или методы защиты прав детей. Тем не менее, важность этого международного акта заключается в том, что на основе Декларации прав ребенка была разработана Конвенция о правах ребенка 1989 года [3].

Российские суды начали активно применять международные нормы при рассмотрении дел, связанных с защитой прав ребенка. Например, в делах о лишении родительских прав суды часто ссылаются на положения КПР, подчеркивая необходимость учитывать интересы ребенка как первостепенные.

Например, дело защите прав ребенка в сфере миграционных отношений; определение возраста мигранта.

Дело «У.А. против Франции» (Сообщение N 132/2020) рассмотрено Комитетом ООН по правам ребенка 21 мая 2024 года. Автор утверждал, что его права были нарушены в ходе определения возраста и отсутствия защиты как несопровождаемого ребенка-мигранта. Комитет признал нарушение Конвенции.

Комитет подчеркнул важность правильного определения возраста для получения государственной защиты. Процедура должна быть надлежащей и обжалуемой, и до её завершения лицо должно рассматриваться как ребенок. Документы, удостоверяющие личность, должны считаться подлинными, если не доказано обратное.

При отсутствии документов государства должны проводить оценку возраста с помощью специалистов, учитывая индивидуальный подход и культурные особенности. Оценка должна основываться не только на физических данных, но и на психологической зрелости. Если есть сомнения, следует обращаться к лицу как к ребенку.

Также гарантируется право на обжалование решений в вышестоящем суде. Государства должны назначать квалифицированных законных представителей и переводчиков для несовершеннолетних мигрантов сразу после их прибытия, что является важной гарантией соблюдения их прав. Невыполнение этого требования нарушает статьи 3 и 12 Конвенции.

Комитет ООН по правам ребенка подчеркивает, что дата рождения является частью индивидуальности ребенка, и государства обязаны уважать это право (пункт 8.10). Он также отмечает, что государства должны защищать всех детей-мигрантов, лишенных семейного окружения, обеспечивая им доступ к социальным услугам, образованию и жилью. При определении возраста молодые мигранты должны рассматриваться как дети, а сомнения толковаться в их пользу. Дети не должны запрашивать временные меры защиты, это обязанность государств (пункт 8.12).

Комитет напоминает, что право на образование распространяется на всех детей до 18 лет (пункт 8.13). В случае автора, процедура определения возраста не обеспечила защиту его прав (пункт 8.9). Государство проигнорировало его право на индивидуальность, не оспорив действительность представленных документов (пункт 8.10). Автор находился в ситуации улицы и не получал защиту (пункт 8.11), что лишило его доступа к образованию и негативно сказалось на интеграции (пункт 8.13).

Комитет пришел к выводу о нарушении статей 3, 8, 12, 20, 28 и пункта «а» статьи 37 Конвенции по правам ребенка [6].

Также, существует ряд проблем, связанных с применением международных норм:

1. Недостаточная информированность судей. Многие судьи не обладают достаточными знаниями о международных стандартах, что приводит к их игнорированию.

2. Отсутствие прецедентного права. В России отсутствует система прецедентов, что затрудняет единообразное применение международных норм.

3. Конфликт норм. Иногда возникают конфликты между национальным законодательством и международными стандартами, что создает правовую неопределенность.

Кудрявцева Л.В. и Степурина Е.Д. в своей работе пишут, что: «В стране необходимо создать современную разветвленную и многоуровневую систему социальной защиты детей. Чтобы кардинально изменить ситуацию к лучшему, необходимо выявить наиболее уязвимые стороны жизни детей: провести исследования, собрать факты, характеризующие отношение к детям и условиям их существования. Важным вопросом остается организация и осуществление общественного контроля за соблюдением прав несовершеннолетних граждан в России. Необходимо создавать больше социально-образовательных центров, чтобы в государстве сформировался механизм мощного социального обслуживания. Необходимо разработать социально-правовой механизм, гарантирующий право ребенка на полноценную жизнь и развитие. Существуют определенные трудности, связанные с отсутствием стабильных отношений с городскими организациями, дороговизной времени на разработку и реализацию программ по защите прав детей, недостатком финансирования и т. д. Однако необходимы новые шаги для объединения усилий на решение действительно жизненно важных проблемы защиты прав детей» [7].

Рекомендации по улучшению судебной практики.

- Необходимо проводить регулярные тренинги и семинары для судей по вопросам применения международных норм и стандартов в области защиты прав ребенка.

- Создание методических рекомендаций для судов по применению международных норм при рассмотрении дел о защите прав ребенка может способствовать более эффективной реализации этих норм.

- Следует провести анализ действующего законодательства с целью выявления пробелов и противоречий с международными стандартами и внести необходимые изменения.

Российские суды играют важную роль в защите прав ребенка, однако для более эффективного применения международных норм необходимо преодолеть существующие проблемы. Интеграция международных стандартов в национальное законодательство и их активное использование в судебной практике могут значительно улучшить ситуацию с защитой прав детей в России. Важно продолжать работу по повышению осведомленности судей и устранению правовых пробелов для обеспечения комплексной защиты прав ребенка.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., включающая новые субъекты Российской Федерации - Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

[3] Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Сборнике международных договоров СССР, М., 1993 г., Выпуск XLVI

[4] Женевская декларация прав человека // [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru (дата обращения: 25.04.2025)

[5] Декларация прав ребенка, провозглашенная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15160 (дата обращения: 25.04.2025)

[6] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека N 3 (2025) (подготовлен Верховным Судом Российской Федерации, март 2025 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/34282/ (дата обращения: 25.04.2025)

[7] Кудрявцева Л.В., Степурина Е.Д. Международно-правовой механизм защиты прав детей // Право и государство: теория и практика. 2022. №2 (206). С.104-107.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; includes the new constituent entities of the Russian Federation—the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporozhye Region, and the Kherson Region; text aligned with the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), October 6, 2022, No. 0001202210060013)

[2] Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. December 10, 1998.

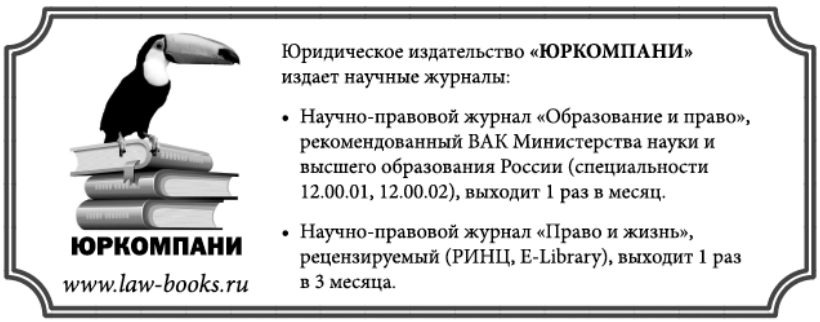
[3] Convention on the Rights of the Child (New York, November 20, 1989) // Collection of International Treaties of the USSR, Moscow, 1993, Issue XLVI

[4] Geneva Declaration of Human Rights // [Electronic resource]. URL: http://dic.academic.ru (accessed: April 25, 2025)

[5] Declaration of the Rights of the Child, proclaimed by UN General Assembly Resolution 1386 (XIV) of November 20, 1959 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15160 (accessed: April 25, 2025)

[6] Review of the Practice of Intergovernmental Bodies on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms No. 3 (2025) (prepared by the Supreme Court of the Russian Federation, March 2025) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/34282/ (accessed: 25.04.2025)

[7] Kudryavtseva L.V., Stepurina E.D. International Legal Mechanism for the Protection of Children's Rights // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). Pp. 104–107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-76-82**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ШЕВЧЕНКО Юлия Олеговна,
магистрант 3 курса,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», г. Рязань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛАРИНА Любовь Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
директор юридического института,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», г. Рязань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ ДЛЯ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ И НАРУШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются антикоррупционные ограничения и запреты для судей в Российской Федерации, а также механизмы контроля за их соблюдением. На примерах конкретных дел анализируется практика привлечения судей к ответственности за коррупционные правонарушения. Освещаются ключевые проблемы в сфере антикоррупционного регулирования, среди которых — сложность доказывания преступлений, недостаточный уровень общественного контроля, пробелы в законодательстве и низкая прозрачность процедур. Предлагаются меры по совершенствованию системы противодействия коррупции в судебной системе: внедрение цифровых инструментов мониторинга, усиление защиты информаторов и повышение прозрачности дисциплинарных процедур, что в совокупности может снизить коррупционные риски и укрепить доверие общества к правосудию.*

Ключевые слова: *антикоррупционные ограничения, судьи, коррупция, судебная система, контроль, квалификационные коллегии судей.*

SHEVCHENKO Yulia Olegovna,
3rd-year master's student at the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ryazan State University named after S. A. Yesenin", Ryazan, Russia

Academic supervisor:
LARINA Lyubov Yuryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Director of the Law Institute at the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ryazan State University named after S. A. Yesenin", Ryazan, Russia

ANTI-CORRUPTION RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS FOR JUDGES IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGISLATIVE REGULATION, CONTROL MECHANISMS, AND VIOLATIONS

Annotation. *The article examines the anti-corruption restrictions and prohibitions for judges in the Russian Federation, as well as the mechanisms for monitoring their compliance. The article analyzes the practice of bringing judges to justice for corruption-related offenses using specific cases. It highlights key issues in the field of anti-corruption regulation, including the difficulty of proving crimes, the lack of public control, gaps in legislation, and*

low transparency in procedures. Measures are proposed to improve the anti-corruption system in the judicial system: the introduction of digital monitoring tools, increased protection of informants, and increased transparency of disciplinary procedures, which together can reduce corruption risks and strengthen public trust in the justice system.

Key words: *anti-corruption restrictions, judges, corruption, judicial system, control, qualification boards of judges.*

Антикоррупционные ограничения и запреты для судей в Российской Федерации представляют собой комплекс правовых норм, нацеленных на обеспечение независимости судебной системы, предотвращение злоупотреблений полномочиями и поддержание общественного доверия к правосудию. Правовая основа противодействия коррупции в судебной сфере формируется не только национальными нормативными актами разного уровня, но и международными стандартами, определяющими общие принципы и механизмы антикоррупционной политики в отношении судей и работников аппарата суда. По мнению А. А. Арямова [11], именно такое сочетание национального и международного регулирования позволяет выстроить эффективную многоуровневую систему антикоррупционных мер, охватывающую как судейский корпус, так и работников аппарата суда.

Ключевую роль играет Федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [15], закрепляющий общие принципы и механизмы борьбы с коррупционными проявлениями. Не менее значим Закон РФ от 26 июня 1992 года №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [4], который детально регламентирует права, обязанности и ограничения судей, включая вопросы дисциплинарной ответственности за нарушения, в том числе подпункт 6.1 статьи 14 о запрете счетов в иностранных банках для судей и их семей. Принципы независимости судебной системы закреплены в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [16]. Эти нормы дополняются положениями Кодекса судейской этики, утверждённого VIII Всероссийским съездом судей [5] в 2012 году с изменениями 2016 года, который устанавливает этические стандарты поведения судей и предусматривает дисциплинарную ответственность за их нарушение. И также выделим Федеральный закон от 7 мая 2013 года №79-ФЗ [14], вводящий запрет на открытие счетов и хранение средств в иностранных банках, владение и пользование иностранными финансовыми инструментами.

П. А. Кабанов [8] (доктор юридических наук, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, член экспертного совета при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции) отмечает, что противодействие коррупции в России — сложный по содержанию и длительный по срокам непрекращающийся процесс сдерживания коррупции в рамках допустимых границ. По его мнению, без устранения глубинных причин и условий, порождающих коррупционное поведение, принципиально невозможно уменьшить её масштабы, и именно устранение причин должно быть приоритетным направлением антикоррупционной политики, а не борьба с уже совершёнными правонарушениями. А. Н. Бушкарев [2] в работе «Ограничения и запреты, связанные с осуществлением полномочий судьи» подчёркивает необходимость введения в Закон о статусе судей терминов «ограничения» и «запреты», общепринятых в антикоррупционном законодательстве.

Ограничения распространяются и на иные виды деятельности: судьям разрешается заниматься только преподавательской, научной и творческой работой при условии, что такая деятельность не препятствует исполнению судейских обязанностей. Важным элементом антикоррупционного регулирования выступает обязанность уведомлять о любых внепроцессуальных обращениях — письменных или устных, не предусмотренных процессуальным законодательством.

Кроме того, судьям запрещается получать подарки, услуги, награды и иные блага, если это связано с исполнением служебных обязанностей, а также действуют ограничения, связанные с родством: например, нельзя занимать должность в том же суде, если судья состоит в близком родстве или свойстве с председателем или заместителем председателя этого суда.

Контроль за соблюдением антикоррупционных норм осуществляется через многоуровневую систему. Квалификационные коллегии судей рассматривают материалы о нарушениях, проводят проверки и принимают решения о применении дисциплинарных взысканий — от замечания до досрочного прекращения полномочий. Важную роль играет взаимодействие с правоохранительными органами (СК РФ, ФСБ, МВД) при выявлении признаков уголовных преступлений, а также с Росфинмониторингом и ФНС, которые контролируют соответствие доходов и расходов и выявляют активы, не подтверждённые официальными доходами. Кроме того, определённую роль играет общественный контроль через СМИ и обращения граждан. Процедуры проверок включают плановые и внеплановые проверки деклараций о доходах и имуществе, мониторинг публикаций в СМИ и социальных сетях, рассмотрение жалоб граждан и организаций, а также взаимодействие с правоохранительными структурами при выявлении признаков преступлений. И. В. Краснов [7] (председатель Верховного суда РФ в 2025 году) подчёркивал, что любые попытки коррупционного поведения судей будут жёстко пресекаться, а реакция на коррупцию должна быть бескомпромиссной.

Анализ статистических данных подтверждает, что нарушения антикоррупционного законодательства в судейском корпусе продолжают иметь место. По данным на март 2026 года, Следственный комитет России за два года (2024–2025) инициировал уголовное преследование 36 судей, подозреваемых в коррупции, причём в 2025 году глава СК Александр Бастрыкин сообщал, что за этот год ведомство добилось возбуждения уголовных дел в отношении 23 судей [10; 12]. Наряду с ростом числа возбуждённых уголовных дел отмечается увеличение количества дисциплинарных взысканий за нарушения антикоррупционного законодательства и возврат в бюджет крупных сумм в результате конфискации незаконно приобретённого имущества.

Приведём несколько показательных примеров. В деле Елены Коблевой [9], бывшего председателя Советского районного суда Ростова-на-Дону, в 2022 году было установлено, что она получила взятку в размере 500 тысяч рублей через посредника за отмену постановления о конфискации имущества. Действия Коблевой были квалифицированы по пункту «в» части 5 статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации [13] (получение взятки должностным лицом через посредника за совершение незаконных действий, в крупном размере). В апреле 2024 года Высшая квалификационная коллегия судей (ВККС) разрешила возбудить уголовное дело, а 9 февраля 2026 года Коблева была приговорена к 10 годам лишения свободы в колонии общего режима, штрафу в размере 15 миллионов рублей (что составляет 30-кратную сумму взятки) и запрету занимать государственные должности на срок 10 лет.

Ещё один показательный пример — дело группы ростовских судей [17], среди которых фигурировали Елена Золотарева (экс-председатель Ростовского областного суда) и Татьяна Юрова (экс-заместитель председателя того же суда), которые получали взятки за вынесение нужных решений по уголовным и гражданским делам. Общая сумма взяток составила 18,4 миллиона рублей. Золотарева была признана виновной по частям 5 и 6 статьи 290 УК РФ (получение взяток в крупном и особо крупном размерах, семь эпизодов) и по совокупности преступлений приговорена к 15 годам лишения свободы, штрафу в размере 170 миллионов рублей и запрету занимать должности на государственной и муниципальной службе на 15 лет. Юрова осуждена по тем же частям 5 и 6 статьи 290 УК РФ (четыре эпизода получения взяток в крупном размере) и дополнительно по части 4 статьи 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, один эпизод), в результате чего получила 13 лет лишения свободы, штраф 120 миллионов рублей и запрет занимать определённые должности на государственной службе на 10 лет.

В деле Александра Чернова [1], экс-председателя Краснодарского краевого суда, имущество на 13 миллиардов рублей было конфисковано по антикоррупционному иску Генеральной прокуратуры РФ. Дело рассматривалось в порядке гражданского судопроизводства на основании статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (обращение в доход государства имущества, приобретённого с нарушением антикоррупционного законодательства). Хотя уголовное дело по статьям Уголовного кодекса в отношении Чернова на момент

фиксации данных не было возбуждено, основания для иска возникли в связи с подозрениями в совершении деяний, потенциально подпадающих под ряд статей УК РФ, в том числе: статью 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), статью 290 УК РФ (получение взятки) и статью 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём).

Приведённые примеры демонстрируют комплексное применение норм антикоррупционного регулирования — как уголовно-правовых (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), так и гражданско-правовых (ст. 169 ГК РФ) — для привлечения судей к ответственности за коррупционные правонарушения, что отражает многоуровневый подход российского законодательства к противодействию коррупции в судебной системе.

Несмотря на принимаемые меры, в сфере противодействия коррупции в судебной системе сохраняются существенные проблемы. Во-первых, сложность доказывания коррупционных преступлений остаётся одним из главных препятствий. Коррупционные схемы часто носят скрытый характер, а судьи, обладая профессиональными знаниями в области права, могут эффективно маскировать противоправные действия. Кроме того, доступ к доказательствам может быть ограничен из-за служебного положения фигурантов дел.

Во-вторых, недостаточен уровень общественного контроля. Хотя законодательство предусматривает механизмы взаимодействия с гражданами и СМИ, на практике доступ к информации о деятельности судей ограничен. Декларации о доходах и имуществе публикуются не в полном объёме, а процедуры рассмотрения жалоб непрозрачны.

В-третьих, существуют пробелы в законодательстве, позволяющие использовать правовые лазейки. Например, нечётко регламентированы некоторые виды внепроцессуального общения, что создаёт условия для неформальных контактов, потенциально ведущих к коррупции. Также недостаточно проработаны механизмы защиты информаторов, сообщающих о коррупционных нарушениях.

В-четвёртых, сохраняется недостаточная прозрачность процедур назначения и проверки судей. Отбор кандидатов и проведение квалификационных экзаменов зачастую происходят без должного общественного участия, что снижает уровень доверия к судебной системе.

Российское законодательство в целом соответствует положениям Конвенции ООН против коррупции 2003 года [6], в частности принципам прозрачности и подотчётности, требованиям о декларировании доходов и имущества, мерам по предотвращению конфликта интересов. Однако остаются расхождения в части механизмов общественного контроля и гарантий защиты информаторов о коррупционных нарушениях. В отличие от ряда зарубежных стран, в России не создана специализированная структура, отвечающая исключительно за антикоррупционный мониторинг в судебной сфере, а защита лиц, сообщающих о коррупции, носит фрагментарный характер.

Повышение эффективности противодействия коррупции в судебной системе требует комплексного подхода. Необходимо усилить прозрачность деятельности судей — в частности, через публичное раскрытие сведений об их доходах и имуществе. Внедрение цифровых систем мониторинга финансовых операций поможет оперативно выявлять расхождения между доходами и расходами.

Важно обеспечить надёжную защиту информаторов: гарантии анонимности и продуманные стимулы побудят граждан сообщать о нарушениях. Прозрачность дисциплинарных процедур — публикация решений квалификационных коллегий с обоснованием санкций — повысит доверие общества и дисциплинирует судей.

Законодательное уточнение норм о внепроцессуальном общении и расширение полномочий квалификационных коллегий (в т.ч. право на внеплановые проверки) снизят риски злоупотреблений. Обращение к международному опыту и адаптация проверенных практик дополнят систему мер, способствуя минимизации коррупционных рисков и укреплению доверия к правосудию.

Таким образом, проблема коррупции и нарушений в судейском корпусе остаётся актуальной, хотя и подвергается активному противодействию со стороны правоохранительных органов и квалификационных коллегий. Приведённые примеры привлечения судей к ответственности (дела Коблевой, Золотаревой, Юровой, Чернова) демонстрируют, что механизмы контроля работают, но

их эффективность можно повысить. Усиление контроля, совершенствование механизмов проверки и повышение прозрачности деятельности судей могут способствовать дальнейшему снижению уровня коррупционных рисков и укреплению доверия общества к судебной системе как гаранту законности и справедливости. Реализация предложенных мер позволит создать более устойчивую систему антикоррупционной защиты судебной власти, соответствующую современным вызовам и международным стандартам.

Список литературы:

[1] Антикоррупционный иск к экс-председателю Краснодарского краевого суда: имущество на 13 млрд рублей обращено в доход государства // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7974035 (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Бушкарев А. Н. Ограничения и запреты, связанные с осуществлением полномочий судьи // Журнал российского права. — 2020. — № 5. — С. 45–52.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 09.04.2026) «О статусе судей в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065 (дата обращения: 15.09.2026).

[5] Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации garant.ru — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/ (дата обращения: 15.09.2026).

[6] Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=201035447#I0 (дата обращения: 15.09.2026).

[7] Краснов И. В. Интервью о мерах противодействия коррупции в судебной системе // Российская газета. — URL: https://rg.ru/2025/11/05/chest-i-zakon.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 15.09.2026).

[8] Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой категории в российском региональном антикоррупционном законодательстве // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 9. — С. 878–884.

[9] Новости Прокуратуры Краснодарского края // Генеральная прокуратура Российской Федерации. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_23/mass-media/news/regional/e8379282/ (дата обращения: 15.09.2026).

[10] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях // Официальный интернет-портал правовой информации garant.ru — URL: https://base.garant.ru/412452100/?ysclid=mu2s4bwc8081724491 (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Организация противодействия коррупции на государственной гражданской службе в суде Российской Федерации : научно-практическое пособие для работников аппарата судов / под общ. ред. А. А. Арямова. — М. : РГУП, 2022. — 284 с. — (Библиотека российского судьи).

[12] Статистический отчёт СК РФ «О результатах работы по противодействию коррупции в судебной системе» (2024–2025) // Следственный комитет Российской Федерации. — URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1951309/ (дата обращения: 15.09.2026).

[13] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 15.09.2026).

[14] Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные де-

нежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102165163 (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657 (дата обращения: 15.09.2026).

[16] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098 (дата обращения: 15.09.2026).

[17] Экс-председателя Ростовского облсуда Золотареву за взятки приговорили к 15 годам // Российская газета. — URL: https://rg.ru/2025/12/22/reg-ufo/eks-predsedatelia-rostovskogo-oblsuda-zolotarevu-za-vziatki-prigovorili-k-15-godam.html (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Anti-corruption lawsuit against the former chairman of the Krasnodar Regional Court: assets worth 13 billion rubles forfeited to the state // Kommersant. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7974035 (accessed: 15.09.2026).

[2] Bushkarev A. N. Restrictions and prohibitions associated with the exercise of judicial powers // Journal of Russian Law. — 2020. — No. 5. — P. 45–52.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025; with amendments dated March 25, 2026) (with amendments and additions effective from August 1, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (accessed: 15.09.2026).

[4] Law of the Russian Federation dated June 26, 1992, No. 3132-1 (as amended on April 9, 2026) «On the Status of Judges in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065 (accessed: 15.09.2026). [5] Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012) (as amended on December 1, 2022) // Official Internet Portal of Legal Information garant.ru — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/ (accessed: September 15, 2026).

[6] United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003, by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=201035447#I0 (accessed: September 15, 2026).

[7] Krasnov I. V. Interview on measures to combat corruption in the judicial system // Rossiyskaya Gazeta. — URL: https://rg.ru/2025/11/05/chest-i-zakon.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (accessed: September 15, 2026).

[8] Kabanov P. A. The concept and content of anti-corruption advocacy as a legal category in Russian regional anti-corruption legislation // Administrative and Municipal Law. — 2013. — No. 9. — P. 878–884. [9] News from the Krasnodar Krai Prosecutor's Office // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_23/mass-media/news/regional/e8379282/ (accessed: 15.09.2026).

[10] Overview of statistical data on the adjudication of administrative, civil, and criminal cases, cases involving the resolution of economic disputes, and cases concerning administrative offenses by the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025 // Official legal information portal garant.ru — URL: https://base.garant.ru/412452100/?ysclid=mu2s4bwc8081724491 (accessed: 15.09.2026).

[11] Organization of Anti-Corruption Measures in the State Civil Service within the Russian Judiciary: A Scientific and Practical Guide for Court Staff / Ed. by A. A. Aryamov. — Moscow: RGUP, 2022. — 284 p. — (Russian Judge's Library).

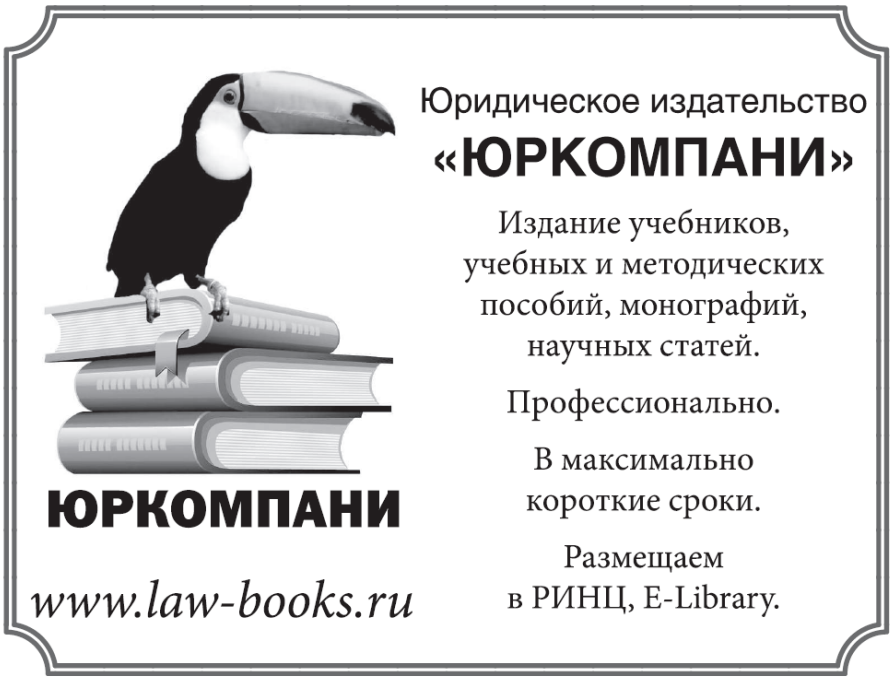
[12] Statistical Report of the Investigative

Committee of the Russian Federation: «Results of Anti-Corruption Efforts in the Judicial System» (2024–2025) // Investigative Committee of the Russian Federation. — URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1951309/ (accessed: 15.09.2026). [13] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on April 9, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (accessed: September 15, 2026).

[14] Federal Law No. 79-FZ dated May 7, 2013 (as amended on December 28, 2025) «On Prohibiting Certain Categories of Persons from Opening and Holding Accounts (Deposits), Storing Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, and Owning and/or Using Foreign Financial Instruments» // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102165163 (accessed: September 15, 2026).

[15] Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on December 28, 2025) «On Combating Corruption» // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657 (accessed: September 15, 2026). [16] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996 (as amended on December 29, 2025) «On the Judicial System of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information pravo.gov.ru. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098 (accessed: September 15, 2026).

[17] Former Rostov Regional Court Chair Zolotareva sentenced to 15 years for bribery // Rossiyskaya Gazeta. — URL: https://rg.ru/2025/12/22/reg-ufo/eks-predsedatelia-rostovskogo-oblsuda-zolotarevu-za-vziatki-prigovorili-k-15-godam.html (accessed: September 15, 2026).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-83-86**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

КАДЫРОВА Л.А.,
преподаватель кафедры отделения профессиональных дисциплин факультета непрерывного образования Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного у чреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7-962-689-76-33,
e-mail: Lenara245140@yandex.ru

ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ДТП ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И МЕХАНИЗМ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН

Аннотация. *В статье рассматриваются административно-правовые риски, возникающие при оставлении водителем места дорожно-транспортного происшествия (ДТП) при исполнении трудовых обязанностей. На основе анализа норм КоАП РФ, ГК РФ и судебной практики исследуется механизм примирения сторон как способ смягчения административной ответственности. Особое внимание уделяется ситуации, когда водитель коммерческого транспорта повреждает припаркованное транспортное средство и покидает место происшествия, не обнаружив владельца. Автор анализирует типичные психологические установки водителей, приводит практический кейс и формулирует рекомендации для адвокатов и водителей. Обосновывается вывод о том, что своевременное возмещение вреда и отсутствие претензий потерпевшего являются ключевыми факторами, влияющими на назначение наказания, не связанного с лишением права управления.*

Ключевые слова: *оставление места ДТП, административная ответственность, ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, примирение сторон, возмещение вреда, лишение права управления, работодатель, регрессное требование.*

KADYROVA Lenara A.,
Lecturer of the Department of Professional Disciplines of the Faculty of Continuing Education of the North-Western Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», St. Petersburg, Russia

LEAVING THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT WHILE PERFORMING WORK DUTIES: ADMINISTRATIVE-LEGAL RISKS AND THE MECHANISM FOR RECONCILING THE PARTIES

Annotation. *The article examines the administrative and legal risks arising when a driver leaves the scene of a road traffic accident (RTA) while performing labor duties. Based on the analysis of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation and judicial practice, the mechanism of reconciliation of the parties as a way to mitigate administrative liability is explored. Special attention is paid to the situation when a commercial transport driver damages a parked vehicle and leaves the scene without finding the owner. The author analyzes typical psychological attitudes of drivers, provides a practical case study and formulates recommendations for lawyers and drivers. The conclusion is substantiated that timely compensation for harm and*

the absence of claims from the victim are key factors influencing the imposition of a penalty not related to deprivation of the right to drive.

Key words: *leaving the scene of an accident, administrative liability, part 2 of article 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, reconciliation of the parties, compensation for harm, deprivation of the right to drive, employer, recourse claim.*

В условиях высокой интенсивности дорожного движения и дефицита парковочного пространства в мегаполисах ДТП на дворовых территориях приобрели характер рядового, но юридически сложного явления. Особую остроту данная проблема представляет для водителей коммерческого транспорта, для которых управление автомобилем является не просто правом, а источником дохода. Ситуация, при которой водитель, повредив припаркованное транспортное средство и не обнаружив владельца, принимает решение покинуть место происшествия, является распространенной, однако сопряжена с крайне высокими административно-правовыми рисками.

С формально-юридической точки зрения, оставление водителем места ДТП, участником которого он являлся, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. [1] Санкция данной нормы является альтернативной и предусматривает назначение либо лишения права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет, либо административного ареста на срок до пятнадцати суток.

Важно отметить, что данное правонарушение относится к категории дел, рассматриваемых исключительно в судебном порядке. При этом протокол об административном правонарушении уполномочены составлять должностные лица органов внутренних дел, а окончательное решение о мере наказания принимает судья.

Как справедливо отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) [2], административное наказание должно назначаться с учетом характера совершенного правонарушения, личности виновного, его имущественного положения, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. При этом административный арест, будучи более строгим видом наказания (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ) [3], назначается лишь в исключительных случаях, когда применение иных мер не обеспечит реализации задач административной ответственности (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5) [4].

Водитель-экспедитор, управляя служебным автомобилем, при маневрировании во дворе жилого дома допустил наезд на припаркованное транспортное средство, причинив незначительные механические повреждения (царапины на заднем бампере). Оценив повреждения как несущественные и не обнаружив рядом владельца пострадавшего автомобиля, водитель принял решение покинуть место происшествия, продолжив выполнение трудового задания по доставке грузов.

Собственник поврежденного автомобиля, обнаружив утром повреждения, незамедлительно обращается в органы внутренних дел. Сотрудниками ГИБДД проводятся мероприятия по установлению скрывшегося транспортного средства, включая изучение записей с камер видеонаблюдения, опрос возможных свидетелей, проверку прилегающих парковок.

По данным автоматизированных учетов и записям камер устанавливается государственный регистрационный знак транспортного средства, принадлежащего конкретному юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю. Требование о явке направляется работодателю, который, в свою очередь, обеспечивает явку водителя в правоохранительный орган. На данном этапе водитель и работодатель сталкиваются с необходимостью правовой оценки произошедшего и выработки стратегии поведения.

На момент дачи объяснений водитель находится в состоянии правовой неопределенности. Для него лишение права управления фактически означает утрату источника дохода, что является чрезмерно суровым экономическим последствием, особенно если водитель является единственным кормильцем в семье.

Анализ подобных ситуаций позволяет выделить несколько типичных психологических установок водителей, покидающих место ДТП: минимизация последствий (по-

вреждение незначительное, никто не заметит), страх перед правоохранительными органами (лучше уехать, чем потом объяснять), производственная необходимость (срыв графика доставки грозит увольнением), правовая неграмотность (я же не скрывался, просто уехал, так как хозяина не было).

Каждая из этих установок ошибочна и влечет за собой повышенные риски, однако понимание мотивации необходимо для выстраивания эффективной линии защиты. В рассматриваемом кейсе негативный сценарий был предотвращен благодаря своевременной реализации механизма примирения. Несмотря на то, что состав правонарушения является формальным, позиция потерпевшего играет существенную роль при назначении наказания.

Адвокату или доверителю необходимо предпринять активные действия по установлению контакта с владельцем поврежденного транспортного средства. Способы розыска могут включать: обращение к участковому уполномоченному полиции, размещение объявлений на месте ДТП с контактными данными, мониторинг баз данных ДТП и обращений в ГИБДД, использование информации с камер видеонаблюдения (при наличии доступа).

Стороны достигают соглашения о способе и размере возмещения вреда. Факт возмещения должен быть документально зафиксирован (расписка о получении денежных средств, соглашение о возмещении ущерба, платежное поручение, кассовый чек).

Потерпевший, не имеющий материальных претензий, обращается в орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, с ходатайством о назначении минимального наказания. Важно, чтобы в заявлении было четко указано, что ущерб возмещен полностью, претензий к нарушителю не имеется, и потерпевший не настаивает на строгом наказании.

Адвокату на стадии рассмотрения дела необходимо последовательно указывать на смягчающие вину обстоятельства, предусмотренные ст. 4.2 КоАП РФ. В их числе: раскаяние лица, добровольное возмещение ущерба, совершение правонарушения впервые, а также наличие на иждивении несовершеннолетних детей.

В суде при выяснении обстоятельств дела следует также обратить внимание, что повреждения были незначительными, то есть малозначительными. При осмотре места ДТП водитель сделал вывод, что эти повреждения могли образоваться в результате других аварий, что свидетельствует об отсутствии умысла. Данное обстоятельство, безусловно, не исключает ответственности водителя, однако может повлиять на меру назначаемого наказания.

Кроме того, адвокату необходимо мотивированно обосновать, что оптимальным вариантом наказания будет иная мера, не связанная с лишением водительских прав. Поскольку статус виновного водителя непосредственно связан с его профессиональной деятельностью, лишение прав лишит его единственного источника дохода. Высшие судебные инстанции неоднократно обращали внимание на необходимость индивидуализации наказания.

В упомянутом Обзоре судебной практики № 4 (2025) подчеркивается, что административный арест назначается лишь в исключительных случаях. Применительно к ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ это означает, что при наличии совокупности смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих, назначение лишения права управления не является единственно возможным вариантом.

Полное возмещение ущерба и примирение с потерпевшим являются весомыми аргументами в пользу назначения более мягкого наказания. В ряде случаев суды прекращают производство по делу в связи с малозначительностью (ст. 2.9 КоАП РФ) [5], однако данный подход применяется ограниченно, поскольку состав правонарушения посягает на безопасность дорожного движения. Суды, как правило, указывают, что оставление места ДТП существенно затрудняет установление обстоятельств происшествия и привлечение виновного к ответственности.

Важным аспектом рассматриваемой проблемы является ответственность работодателя — юридического лица или индивидуального предпринимателя, которому принадлежит транспортное средство.

В силу ст. 1068 ГК РФ, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Следовательно, если водитель скрылся, но установлен, именно работодатель будет нести ответственность за причи-

ненный имущественный вред перед потерпевшим (если ущерб не покрывается ОСАГО или если водитель не вписан в полис).

После возмещения ущерба потерпевшему работодатель имеет право предъявить регрессное требование к водителю в размере выплаченного возмещения (ст. 1081 ГК РФ), если докажет, что ущерб возник по вине работника.

Работодатель вправе привлечь водителя к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения за совершение проступка, который привел к причинению ущерба имуществу работодателя или третьих лиц.

Анализ рассмотренного кейса позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие практическое значение для адвокатов и водителей:

1. Никогда не покидайте место ДТП, даже при незначительных повреждениях и отсутствии второго участника. Ожидание в течение 30–40 минут или вызов полиции через дежурную часть значительно снижают риски.

2. Оформляйте ДТП по правилам: если ущерб незначителен и нет разногласий с другим участником (если он появится), можно оформить европротокол. Если второй участник отсутствует — обязательно вызывайте сотрудников полиции.

3. При оставлении места — максимально быстро примите меры к розыску потерпевшего и возмещению вреда.

Подводя итоги, можно сказать: если преступление совершено и водитель оставил место ДТП, но стремится сохранить возможность смягчить негативные последствия, главным фактором становится возмещение вреда потерпевшему. Однако нужно отметить, что КоАП РФ не предусматривает института примирения по данной категории дел. Тем не менее отсутствие претензий со стороны потерпевшего и документальное подтверждение возмещения вреда будут учитываться судом при назначении наказания как смягчающие обстоятельства.

Также адвокату нужно учитывать, что стоимость восстановительного ремонта часто несопоставима с потенциальными потерями от лишения прав, особенно когда работа водителя является единственным источником дохода для всей семьи. И нужно донести эту информацию до своего доверителя.

Адвокату также следует активно формировать доказательную базу уже на стадии расследования дела: заявлять ходатайства, приобщать документы, подтверждающие факт возмещения вреда и доказывать отсутствие прямого умысла у своего доверителя.

Подводя итоги, можно сказать, что своевременные и грамотные действия после оставления места ДТП позволяют снизить административно-правовые риски и избежать наиболее тяжких последствий.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.09.2026).

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.09.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.09.2026).

References:

[1] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on July 26, 2026) (with amendments and additions entering into force on September 1, 2026) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed: September 14, 2026).

[2] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 22, 2025) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed: September 14, 2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 dated March 24, 2005 (as amended on December 9, 2025) «On Certain Issues Arising for Courts in the Application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses» // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru (accessed: September 14, 2026).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-87-92**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЕРМОЛАЕВА Валерия Александровна,
слушатель, младший лейтенант полиции, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема влияния фундаментальных и прикладных криминалистических знаний на результативность расследования преступлений в органах внутренних дел. На основе анализа ключевых трудов отечественных ученых (Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, Ю.В. Гаврилина, Н.Г. Шурухнова, А.М. Зинина, А.А. Максурова и др.) выявлены основные направления криминалистического обеспечения: теоретическое, организационное, методическое, информационное и коммуникативное. Обосновывается, что глубина освоения криминалистических рекомендаций определяет качество выдвижения версий, планирования следственных действий и взаимодействия с оперативными подразделениями. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с цифровизацией и внедрением искусственного интеллекта, которые требуют переосмысления традиционных подходов. Делается вывод о необходимости системной интеграции научных знаний в повседневную следственную практику.*

Ключевые слова: *криминалистическое знание, методика расследования, криминалистические учеты, взаимодействие следователя и оперативных подразделений, искусственный интеллект, следственная ситуация, криминалистическое обеспечение.*

ERMOLAEVA Valeriya Aleksandrovna,
Trainee, Junior Police Lieutenant, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

THE IMPACT OF FORENSIC KNOWLEDGE ON THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL INVESTIGATIONS WITHIN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Annotation. *The article examines the impact of fundamental and applied forensic knowledge on the effectiveness of criminal investigations conducted by internal affairs agencies. Based on an analysis of key works by Russian scholars (R.S. Belkin, A.F. Volynsky, Yu.V. Gavrilin, N.G. Shurukhnov, A.M. Zinin, A.A. Maksurov, et al.), the main areas of forensic support are identified: theoretical, organizational, methodological, informational, and communicative. It is argued that the depth of understanding regarding forensic recommendations determines the quality of hypothesis formulation, the planning of investigative actions, and the interaction with operational units. Particular attention is paid to modern challenges associated with digitalization and the implementation of artificial intelligence, which necessitate a rethinking of traditional approaches. The article concludes by emphasizing the need for the systemic integration of scientific knowledge into day-to-day investigative practice.*

Key words: *forensic knowledge, investigation methodology, forensic records, interaction between investigators and operational units, artificial intelligence, investigative situation, forensic support.*

Современная практика раскрытия и расследования преступлений в органах внутренних дел сталкивается с беспрецедентной сложностью криминальной среды. Появление новых способов совершения противоправных деяний, использование преступниками цифровых коммуникаций, криптовалют и анонимных платформ, рост транснациональной организованной преступности - все это требует от сотрудников правоохранительных органов не только процессуальной грамотности, но и глубокого владения арсеналом криминалистических средств, приёмов и методик. Криминалистика как наука аккумулирует знание о закономерностях возникновения, собирания, исследования и использования доказательственной информации, однако практическая реализация этого потенциала остается проблемной зоной. Анализ специальной литературы, посвященной различным аспектам криминалистического обеспечения, позволяет выделить ключевые компоненты этого знания и оценить их реальное влияние на эффективность расследования. В настоящей статье на основе трудов ведущих ученых последовательно рассматриваются теоретические, организационные, методические, информационные и коммуникативные составляющие криминалистической компетенции сотрудника органов внутренних дел.

Фундаментальной основой криминалистической компетенции является общая теория, всесторонне разработанная в трехтомном «Курсе криминалистики» Р.С. Белкина. Этот труд представляет собой не просто сводку практических рекомендаций, а стройную систему, включающую методологию, криминалистическую технику, тактику и методику. В первом томе, посвященном общей теории, автор определяет криминалистику как науку о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств [1, с. 12]. Именно методологический уровень, по мнению Р.С. Белкина, позволяет следователю выйти за рамки эмпирического опыта и осмысливать следственные ситуации в их системной взаимосвязи [1, с. 15]. Во втором томе, посвященном криминалистической технике, детально рассматриваются возможности судебных экспертиз, работа с материальными следами, использование специальных знаний [2, с. 34–56]. Однако, как подчеркивает сам автор, техника бесполезна без тактического мышления, которое формируется на основе понимания психологических и коммуникативных аспектов следственных действий. Третий том содержит учение о криминалистической тактике и методике расследования, где ученый вводит понятие «криминалистическая характеристика преступления» как систему типичных данных о способе, обстановке, субъекте и других элементах преступной деятельности [3, с. 102]. Без овладения этим базовым слоем знаний сотрудник ОВД рискует действовать методом проб и ошибок, что в условиях ограниченных процессуальных сроков недопустимо. Однако, как показывает практика, многие следователи ограничиваются поверхностным знакомством с теоретическими конструкциями, что приводит к шаблонному мышлению и неспособности адаптироваться к нестандартным ситуациям. Белкин Р.С. неоднократно предупреждал, что криминалистика - это не догма, а развивающаяся система, требующая постоянного обновления знаний [3, с. 118].

Организационный аспект криминалистического знания наиболее полно раскрыт в работах А.Ф. Волынского, который акцентирует внимание на криминалистическом обеспечении как на системе организационных мер, направленных на создание условий для эффективного расследования. В своем учебном пособии он определяет криминалистическое обеспечение как деятельность по созданию и поддержанию условий для применения криминалистических средств и методов в целях раскрытия и расследования преступлений [4, с. 8]. По его мнению, основная задача этого обеспечения заключается в содействии правоохранительным органам в борьбе с преступностью, но при этом любая деятельность, в том числе и следственная, предполагает организацию [4, с. 24]. Волынский А.Ф. выделяет несколько уровней организации: планирование расследования, координация действий участников следственно-оперативной группы, информационное обеспечение, материально-техническое оснащение. Он подчеркивает, что организация - это не просто распределение поручений, а создание такой системы взаимодействия, при которой каждый участник действует в едином информационном поле

[4, с. 45]. Критически важным является то, что автор вводит понятие «криминалистическая организация» как самостоятельное направление, которое требует специальных знаний о структуре следственного аппарата, типичных ошибках в распределении обязанностей и способах их предотвращения [4, с. 51]. Однако на практике организационные вопросы часто решаются ситуативно, без опоры на научно обоснованные модели, что снижает согласованность действий и ведет к потере времени. Вместе с тем, именно организационная составляющая криминалистического знания позволяет трансформировать индивидуальные усилия в коллективный результат, что особенно важно при расследовании сложных многоэпизодных дел, где задействовано большое количество сотрудников.

Методический раздел криминалистики, представленный в курсе лекций Ю.В. Гаврилина и Н.Г. Шурухнова, дает следователю конкретные алгоритмы действий при расследовании отдельных видов преступлений. Авторы исходят из того, что каждая категория преступлений обладает своей криминалистической характеристикой, определяющей типичные следственные ситуации и соответствующие им программы расследования [5, с. 18]. В первой части курса рассматриваются общие положения методики, включая понятие следственной версии, планирование, взаимодействие с экспертами, использование оперативно-розыскной информации [5, с. 25–40]. Затем подробно анализируются частные методики расследования убийств, изнасилований, краж, разбойных нападений, экономических преступлений, должностных злоупотреблений, экологических преступлений и др. Авторы подчеркивают, что каждая методика имеет свои особенности, связанные с механизмом следообразования, типичными источниками доказательств и субъектами преступного посягательства [5, с. 76]. Так, при расследовании убийств важнейшее значение имеет осмотр места происшествия и работа с трупом, тогда как при экономических преступлениях на первый план выходят документальные ревизии и анализ финансовых потоков [5, с. 134–150]. Знание этих частных методик позволяет следователю уже на начальном этапе выбрать верное направление поиска, определить первоочередные следственные действия и назначить необходимые экспертизы. Однако авторы предупреждают, что ни одна методика не может быть универсальной - она всегда должна корректироваться с учетом конкретной обстановки [5, с. 102]. Это требует от следователя не механического заучивания алгоритмов, а глубокого понимания их логики и условий применимости. К сожалению, в повседневной деятельности часто наблюдается упрощенное отношение к методическим рекомендациям, когда они воспринимаются как догма, а не как ориентир для творческого поиска. Гаврилин Ю.В. и Шурухнов Н.Г. настаивают на том, что методика должна быть гибкой и допускать импровизацию, но только на прочном фундаменте криминалистических знаний [5, с. 115].

Важным элементом практической реализации криминалистического знания является использование криминалистических учетов. В учебно-практическом пособии под редакцией А.М. Зинина подчеркивается, что криминалистические учеты представляют собой информационные массивы, в которых сосредоточивается криминалистически значимая информация об объектах регистрации, предназначенные для информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений [6, с. 8]. Эти учеты охватывают дактилоскопическую информацию, коллекции пуль и гильз, поддельных документов, а также учеты лиц, пропавших без вести, и неопознанных трупов. Авторы пособия детально описывают структуру каждого учета, порядок постановки на учет и снятия с него, а также тактику использования полученных данных в процессе расследования [6, с. 21–30]. Умение следователя грамотно сформулировать запрос к учету, правильно интерпретировать полученные данные и интегрировать их в доказывание - это непосредственное проявление криминалистической грамотности. Зинин А.М. отмечает, что многие преступления остаются нераскрытыми именно потому, что имеющаяся в учетах информация не была своевременно востребована или была использована некорректно [6, с. 34]. Он приводит примеры, когда своевременная проверка по дактилоучету позволяла установить личность преступника в течение нескольких часов, тогда как её отсутствие затягивало расследование на недели [6, с. 41]. Это свидетельствует о недостаточном уровне осведомлённости практических ра-

ботников о возможностях учетных систем, что связано с пробелами в их подготовке. Вместе с тем, в условиях роста объемов данных, учеты становятся все более ценным ресурсом, и их эффективное применение требует от следователя не только технических навыков, но и аналитического мышления, основанного на криминалистических принципах идентификации и диагностики. В пособии также рассматриваются перспективы автоматизации учетов и создания интегрированных банков данных, что еще раз подтверждает необходимость постоянного повышения квалификации [6, с. 58].

Ни одно серьезное расследование в современных условиях не может обойтись без взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями. В монографии А.А. Максурова это взаимодействие рассматривается как сложный организационно-правовой институт, требующий четкой координации на всех этапах раскрытия и расследования преступлений. Автор анализирует вопросы нормативного регулирования, организации, стратегии и тактики, исследует формы, основные направления и психологические основы взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [8, с. 10–15]. Максуров А.А. справедливо отмечает, что взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений не должно сводиться к формальному обмену документами - оно предполагает совместное планирование, оперативное информирование и согласованное применение тактических приемов [8, с. 42]. Особый интерес представляет предложенный автором алгоритм оценки эффективности и качества межведомственного взаимодействия на различных этапах расследования преступлений [8, с. 78–85]. Ученый подчеркивает, что успех взаимодействия во многом зависит от того, насколько его участники владеют единым понятийным аппаратом и понимают возможности друг друга [8, с. 56]. Криминалистические знания выступают здесь как тот общий язык, который позволяет следователю грамотно ставить задачи перед оперативными работниками, а последним - правильно интерпретировать результаты оперативно-розыскной деятельности и представлять их в форме, пригодной для использования в доказывании. В монографии также рассматривается зарубежный опыт взаимодействия следователя и полиции, что позволяет выявить как общие закономерности, так и национальные особенности этой деятельности [8, с. 112–130]. Без четкого понимания криминалистических основ такое взаимодействие превращается в хаос, что ведет к потере улик и срыву оперативных мероприятий.

Современный этап развития криминалистики неразрывно связан с цифровизацией и внедрением искусственного интеллекта (далее - ИИ). Как отмечает В.А. Макаров, применение различных методов и технологий ИИ - машинного обучения, анализа больших данных и компьютерного зрения - способно улучшить процессы уголовного расследования, выявления преступлений и прогнозирования преступной деятельности [7, с. 324]. Автор обсуждает потенциальные преимущества и риски внедрения ИИ в криминалистику и предлагает рекомендации для эффективного использования этих технологий в работе правоохранительных органов [7, с. 325–326]. Аналогичной позиции придерживается и А.Н. Сретенцев, который анализирует опыт применения технологий машинного обучения для решения теоретических и прикладных задач в различных отраслях науки и приходит к выводу, что использование нейросетей в криминалистике требует разработки четких алгоритмов и систем поддержки принятия решений [9, с. 264–265]. Оба исследователя предупреждают о риске подмены аналитического мышления механическим доверием к выводам ИИ, что противоречит принципам криминалистической тактики. Следовательно, внедрение новых технологий не снижает, а, напротив, повышает требования к уровню фундаментальной подготовки сотрудников. Без глубокого понимания криминалистических закономерностей работа с цифровыми инструментами становится не только бесполезной, но и опасной, поскольку может привести к ложным выводам. Исследователи призывают к разработке единых стандартов использования ИИ в криминалистике и к обязательной сертификации таких систем.

Обобщая анализ рассмотренной литературы, можно выделить несколько устойчивых проблем, связанных с реализацией криминалистического знания в практической деятельности органов внутренних дел. Прежде всего, это разрыв между теоретическими построениями и их прикладным исполь-

зованием - многие рекомендации остаются невостребованными из-за недостаточной методической проработки или отсутствия адаптированных алгоритмов для конкретных подразделений. Вторая проблема - криминалистические учеты и методики обновляются медленнее, чем меняются способы совершения преступлений, особенно в сфере высоких технологий. Присутствует также недостаточный уровень межведомственного взаимодействия, когда оперативные и следственные подразделения работают параллельно, не обмениваясь результатами в режиме реального времени. В сфере кадровой подготовки учебные программы по криминалистике часто оторваны от современной практики, а курсы повышения квалификации носят формальный характер. Эти проблемы усугубляются высокой нагрузкой на следователей, что оставляет мало времени для углубленного изучения новых научных публикаций и повышения квалификации. Анализ показывает, что даже при наличии богатого теоретического наследия и актуальных разработок, их внедрение в повседневную работу сталкивается с организационными, психологическими и техническими барьерами.

В качестве вывода следует отметить, что эффективность расследования напрямую зависит от того, насколько органично криминалистическое знание интегрировано в повседневную деятельность сотрудника. Речь идет не просто о запоминании тактических схем, а о формировании криминалистического мышления - способности видеть информационные связи, выдвигать обоснованные версии, оценивать доказательства в их системе.

В качестве подведения итогов, можно отметить, что криминалистическое обеспечение должно быть непрерывным процессом, охватывающим все этапы - от получения сообщения о преступлении до передачи дела в суд. При этом особое внимание следует уделять внедрению цифровых инструментов, но лишь при условии сохранения приоритета человеческого анализа и критической оценки. Только такое сочетание фундаментальной теории, гибкой методики и современных технологий способно обеспечить должный уровень раскрытия и расследования преступлений в органах внутренних дел. Необходимо также совершенствовать систему послевузовского обучения, создавать постоянно действующие семинары по обмену опытом, разрабатывать электронные базы типовых следственных ситуаций с вариантами их разрешения. Криминалистика как наука должна активно реагировать на вызовы времени, а ее достижения должны становиться достоянием каждого практического работника. Только тогда знание превратится в действенный инструмент борьбы с преступностью.

Список литературы:

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – 408 с.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – 463 с.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.

[4] Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – 152 с.

[5] Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. – М.: Книжный мир, 2021. – 400 с.

[6] Криминалистические учеты и их использование в раскрытии и расследовании преступлений: учебно-практическое пособие / под ред. А.М. Зинина. – М.: ЭКЦ МВД России, 2019. – 96 с.

[7] Макаров В.А. Вопросы внедрения искусственного интеллекта в разделы криминалистики // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (496). – С. 324–326.

[8] Максуров А.А. Координация и взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: монография. – М.: Проспект, 2024. – 320 с.

[9] Сретенцев А.Н. К вопросу о возможностях искусственного интеллекта в решении задач криминалистической науки // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 264–266.

References:

[1] Belkin R.S. *Course in Criminalistics*: In 3 vols. Vol. 1: General Theory of Criminalistics. – Moscow: Yurist, 1997. – 408 p.

[2] Belkin R.S. *Course in Criminalistics*: In 3 vols. Vol. 2: Specific Criminalistic Theories. – Moscow: Yurist, 1997. – 463 p.

[3] Belkin R.S. *Course in Criminalistics*: In 3 vols. Vol. 3: Criminalistic Means, Techniques, and Recommendations. – Moscow: Yurist, 1997. – 480 p.

[4] Volynsky A.F. *Criminalistic Support for the Solving and Investigation of Crimes*: Study Guide. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – 152 p.

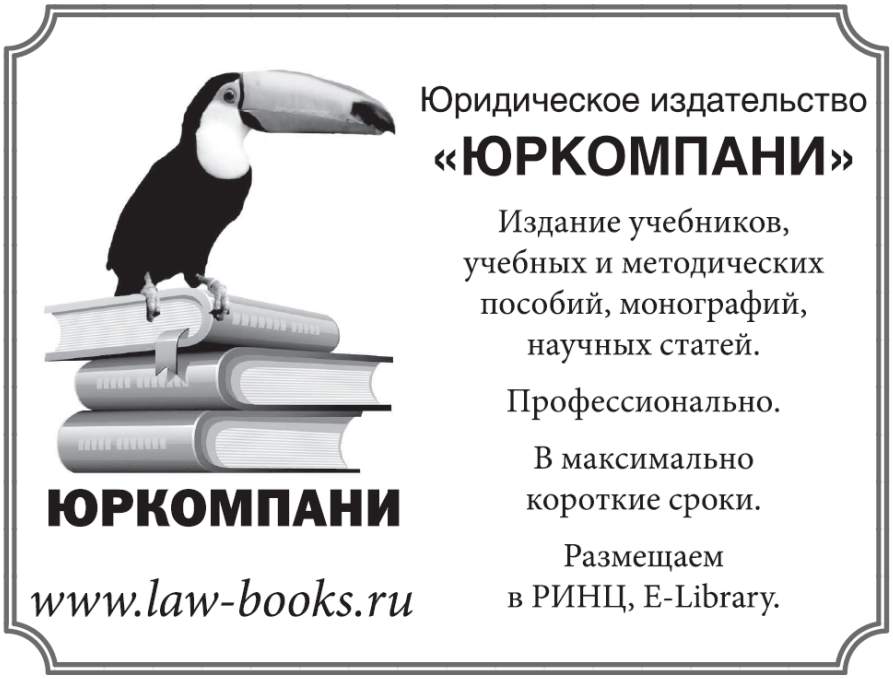
[5] Gavrilin Yu.V., Shurukhnov N.G. *Criminalistics: Methodology for Investigating Specific Types of Crimes*: Lecture Course. – Moscow: Knizhny Mir, 2021. – 400 p.

[6] *Criminalistic Records and Their Use in Solving and Investigating Crimes*: Educational and Practical Guide / Ed. by A.M. Zinin. – Moscow: Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 96 p.

[7] Makarov V.A. Issues of Implementing Artificial Intelligence into Branches of Criminalistics // *Young Scientist*. – 2023. – No. 49 (496). – P. 324–326.

[8] Maksurov A.A. Coordination and Interaction Between the Investigator and Agencies Conducting Operational-Investigative Activities: A Monograph. – Moscow: Prospekt, 2024. – 320 p.

[9] Sretentsev A.N. On the Potential of Artificial Intelligence in Addressing Challenges in Forensic Science // Public Service and Personnel. – 2023. – No. 4. – P. 264–266.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.08.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-93-98**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЩЕРБАКОВА Елена Константиновна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и уголовного права,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: scherbakovael@gmail.com

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ФАКТОРЫ И СТРУКТУРА

Аннотация. *В статье исследуется проблема определения пределов уголовно-правового воздействия как границ властного вмешательства государства в социальные отношения. Автор доказывает, что данное воздействие представляет собой непрерывный процесс, начинающийся на этапе криминализации деяний и формирования правосознания и продолжающийся после отбытия наказания через институты судимости и постпенитенциарного контроля. На основе диалектического метода и системного подхода выделены ключевые факторы установления этих границ: сфера регулируемых отношений (экономическая, духовная), соотношение объективных закономерностей преступности и субъективной свободы воли субъекта. В структуре работы разграничиваются пространственные пределы и структурные пределы уголовно-правового воздействия. Подчеркивается влияние международного права и цифровизации на трансформацию национальных границ уголовного воздействия.*

Ключевые слова: *уголовно-правовое воздействие, правовое воздействие, пределы действия уголовного закона, соразмерность наказания, структура правового принуждения.*

SHCHERBAKOVA Elena Konstantinovna,
Candidate of Law,
Docent of the Administrative and Criminal Law Department,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

THE LIMITS OF CRIMINAL LAW IMPACT: CONCEPT, FACTORS, AND STRUCTURE

Annotation. *The article examines the problem of defining the limits of criminal law impact as the boundaries of state intervention in social relations. The author argues that this impact is a continuous process beginning at the stage of criminalization of acts and formation of legal consciousness, and continuing after the serving of a sentence through institutions of prior convictions (criminal records) and post-penitentiary control. Based on the dialectical method and systemic approach, key factors for establishing these boundaries are identified: the sphere of regulated relations (economic, spiritual), and the correlation between objective patterns of crime and the subjective free will of the agent. Within the structure of the work, spatial limits (distinguishing criminal law from administrative and civil law) and structural limits of criminal law impact are delineated. The influence of international law and digitalization on the transformation of national boundaries of criminal enforcement is emphasized.*

Key words: *criminal law impact, legal impact, limits of criminal law application, proportionality of punishment, structure of legal coercion.*

Пределы уголовно-правового воздействия — это границы властного вмешательства государства в систему социальных отношений посредством применения мер уголовного принуждения [1, с. 15]. Проблема определения этих пределов имеет особую актуальность в части разрешения вопроса о возможностях уголовной репрессии юридически оформлять, изменять или иным образом влиять на существующие отношения, а также вопроса отграничения сферы действия уголовного закона от иных правовых отраслей (административного, гражданского права) и прочих социальных регуляторов. На практике установить такие границы достаточно проблематично ввиду их динамичности и зависимости от политического режима, уровня экономического развития и культурных кодов конкретного социума. Если при формальном регулировании можно отталкиваться от непосредственного юридического закрепления составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса, то с самим феноменом уголовно-правового воздействия ситуация сложнее. Оно начинается задолго до совершения деяния (на этапе криминализации деяний и формирования общественного правосознания), не заканчивается вынесением обвинительного приговора и продолжается после утраты самой нормой юридической силы (через институты судимости, рецидива и постпенитенциарного контроля).

Целью исследования является теоретическое определение сущности, структуры и границ уголовно-правового воздействия как формы государственного принуждения.

Для анализа динамичности пределов уголовно-правового воздействия, выявления внутренних противоречий между необходимостью защиты общественных интересов и ограничением вмешательства государства в социальные отношения использовался диалектический метод. Системный подход применялся для рассмотрения уголовно-правового воздействия не как разрозненного набора санкций, а как целостной системы властного влияния на общественные отношения, выходящей за рамки формального применения санкции. Метод правовой герменевтики использовался для толкования смыслового доктринальных положений в контексте заявленной проблемы.

В отечественной правовой традиции проблема пределов всегда рассматривалась через призму гуманизма и экономии уголовной репрессии. Еще основоположник российской науки уголовного права Н.С. Таганцев подчеркивал, что «уголовный закон должен быть последним доводом государства» [2, с. 245], применяемым лишь тогда, когда иные средства социального контроля исчерпаны. Современное понимание этой проблемы требует синтеза классического догматического подхода с данными криминологии, психологии и экономики.

Можно рассмотреть несколько ключевых факторов, влияющих на установление границ уголовно-правового воздействия.

1. Сфера подпадающих под воздействие общественных отношений. Уголовное право традиционно охватывает наиболее общественно опасные деяния против личности, собственности, общественной безопасности и основ конституционного строя [3, с. 17–18]. Однако современная социальная реальность размывает эти классические контуры. Существуют зоны, где уголовное воздействие затруднено или неэффективно по своей природе. Например, экономическая сфера легче подвергается регулированию диспозитивным гражданским правом, основанным на равенстве сторон, но значительно сложнее - прямому императивному уголовному воздействию без сопутствующих административных механизмов финансового мониторинга. Попытки тотальной криминализации экономических проступков часто приводят к параличу деловой активности. Духовная же сфера практически недоступна для прямого карательного влияния: невозможно наказать за ересь или атеизм в светском государстве, не разрушив базовые принципы свободы совести, хотя косвенное воздействие через составы экстремизма остается предметом острых правовых дискуссий. С развитием технологий возникают новые объекты охраны - биометрические данные, геном человека, виртуальные активы. Расширение границ здесь должно строго соотноситься с принципом материальной вредоносности деяния, чтобы избежать превращения уголовного права в инструмент решения политических или корпоративных конфликтов.

2. Соотношение объективного (закономерностей преступности) и субъективного (воли человека). Поскольку уголовное право способно оказывать эффективное превентивное воздействие прежде всего на волевое

поведение лица через угрозу наказания, критически важно учитывать уровень свободы выбора субъекта [4, с. 45]. Степень и глубина уголовно-правового воздействия зависят от того, насколько осознанно субъект выбирает вариант противоправного поведения и способен ли он руководить им в полной мере.

Здесь пролегает граница между умыслом и неосторожностью, а также между вменяемостью и ограниченной вменяемостью. Кроме того, необходимо учитывать социально-психологический фактор виктимности. Уголовное право защищает не абстрактные нормы, а конкретных людей. Превышение пределов воздействия наступает там, где государство начинает защищать потенциальную жертву способами, которые сами по себе нарушают ее автономию (например, введение комендантского часа для защиты женщин от насилия вызывает дискуссии о балансе личной свободы и коллективной безопасности).

3. Заинтересованность субъектов воздействия. Для государства далеко не каждые общественные отношения могут рассматриваться в контексте оказания на них именно уголовно-правового воздействия. Фокусной группой являются только те взаимодействия, которые посягают на наиболее значимые ценности (жизнь, здоровье, свобода, достоинство личности, безопасность общества и государства). Иные конфликты интересов государство оставляет другим социальным регуляторам - религии, морали, традициям делового оборота или гражданско-правовому суду [5, с. 89].

Однако этот фактор подвержен политической изменчивости. В периоды социальной нестабильности наблюдается тенденция к усилению роли уголовного права. Государство пытается компенсировать слабость иных институтов (социальной поддержки, образования) ужесточением санкций. Это явление известно в сравнительном правоведении как «популистская криминализация» [6, с. 16-17]. История отечественного законодательства знает примеры, когда экономические неудачи пытались «лечить» введением смертной казни за хищения (например, кампания борьбы с хищениями социалистической собственности в СССР), что приводило лишь к росту латентной преступности. Истинный предел здесь определяется способностью государства доказать обществу исключительную опасность деяния, оправдывающую применение самого сурового вида принуждения.

4. Целесообразность уголовно-правового воздействия. Необходимо учитывать потребности общества в оказании жесткого принудительного воздействия на те или иные социальные отношения, сопоставляя социальный вред деяния с затратами государства на его преследование. Существуют деяния, которые эффективнее подвергаются саморегулированию обществом (неформальными санкциями, остракизмом), либо те, которые находятся в стадии становления.

5. Возможности права к осуществлению результативного воздействия. Нужно понимать, что далеко не на каждое социальное взаимодействие уголовный закон может оказать реальное влияние. Речь идет не столько о формальном наличии статьи в кодексе, сколько о действительном, эффективном воздействии. Наглядным примером служат личные эмоциональные связи: ревность или ненависть невозможно искоренить исключительно угрозой лишения свободы, так как они иррациональны по своей природе. Здесь требуются иные механизмы превенции - психологическая помощь, ограничение доступа к оружию, запретительные судебные приказы (restraining orders) [7, с. 81-82]. Предел уголовно-правового воздействия также ограничен порогом насыщения пенитенциарной системы: если тюрьмы и колонии переполнены, а сроки чрезмерны, исправительное воздействие замещается криминальной профессионализацией осужденных. Пределы определяются также материальными возможностями пенитенциарной системы, организационными ресурсами правоохранительных органов и интеллектуально-психологическими особенностями лиц, совершивших преступление.

Перечисленные факторы увязывают пределы уголовно-правового воздействия с той областью социального пространства, на которую карающее правосудие способно оказать преобразующее воздействие на человеческую жизнь, не разрушая ее окончательно. Поэтому превышение допустимых пределов (избыточная криминализация малозначительных проступков или несоразмерно суровые санкции) может привести не только к нарушениям прав и законных интересов граждан в рамках конкретного дела, но и к эрозии доверия к государству

и нарушению стабильности всей правовой системы.

На основе выделения описанного выше объективного и субъективного составляющих в праве можно выделить пространственные и структурные пределы уголовно-правового воздействия.

1. Пространственные пределы выделяют сферу уголовно-правового воздействия в рамках общей системы государственного принуждения. Пространственные пределы выделяют сферу уголовно-правового воздействия в рамках общей системы государственного принуждения. При помощи определения внешних пределов устанавливается область осуществления уголовного преследования, которая отграничена от граничащих с ней областей административного пресечения, дисциплинарных взысканий и гражданско-правовой ответственности [1, с. 42]. Эта область включает наиболее значимые, ценные для каждой социальной группы общественные отношения (конституционный строй, государственная безопасность, основы жизни и здоровья населения). Соответственно, выделяются и те сферы, которые уже не будут так результативно регулироваться уголовным законом (естественно-природные события, чистая нравственность, религиозные догмы, внутренние корпоративные споры акционеров).

2. Структурные пределы можно трактовать как границы внутри самой уголовно-правовой материи, очерчивающие круг возможного арсенала средств, способов и методов уголовно-правового принуждения в зависимости от этапа и обстоятельств конкретной жизненной ситуации. Предполагается выделение нескольких уровней такого воздействия.

1) Стадия установления запрета: предел законодательной власти. Он жестко ограничен Конституцией РФ (принцип *nullum crimen sine lege,* запрет аналогии закона, требования правовой определенности). Закон должен быть сформулирован так, чтобы гражданин мог предвидеть последствия своих действий. Размытые формулировки без четких критериев состава постоянно тестируются Конституционным Судом РФ на предмет выхода за пределы дозволенного ограничения прав.

2) Стадия привлечения к ответственности: предел усмотрения следственных и судебных органов. Этот предел задается презумпцией невиновности и правилом толкования всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*). Выход за этот предел означает переход от правосудия к инквизиционному процессу. Сюда же относятся границы мер пресечения: заключение под стражу должно быть исключительной, а не стандартной мерой.

3) Стадия исполнения наказания: предел интенсивности карательного содержания. Он регулируется Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [8], национальным законодательством и надзором прокуратуры. Недопущение пыток, унижающего достоинство обращения, обеспечение медицинской помощи и соразмерность режима тяжести содеянного - это жесткие структурные барьеры. Нарушение этих пределов влечет международно-правовую ответственность государства.

В современном мире национальные пределы уголовно-правового воздействия не могут рассматриваться в вакууме. Они опосредованы международным правом. Российская Федерация, будучи участницей многочисленных международных организаций, вынуждена соотносить свое законодательство с практикой международных судов.

Принцип соразмерности, выработанный международной практикой, стал внутренним фильтром для законодателя: любое вмешательство государства в права человека должно быть предусмотрено законом, преследовать законную цель и быть необходимым в демократическом обществе.

Определение того, нужно ли вводить новый уголовно-правовой запрет, сегодня опирается на научный метод. Криминологическое прогнозирование использует статистические модели, опросы экспертов (Дельфийский метод) и анализ виктимизации [9, с. 111-112]. Прежде чем криминализировать новое явление (например, дипфейки или использование криптовалют в теневом секторе), проводится оценка ожидаемого эффекта.

Если прогноз показывает, что норма будет «спящей» или приведет к массовому необоснованному привлечению к ответственности законопослушных граждан, предел считается достигнутым еще на стадии законопроекта. Примером служит многолетняя дискуссия о декриминализации домашних побоев в России: столкновение традици-

онного понимания семьи и требований абсолютной неприкосновенности личности создало сложную зону поиска баланса, где предел воздействия постоянно корректируется судебной практикой.

Границы уголовно-правового воздействия во многом определяются тем, как наказание воспринимается адресатом. Согласно теории рационального выбора, человек совершает преступление, если ожидаемая выгода превышает воспринимаемый риск. Однако эмпирические исследования показывают, что большинство бытовых преступлений совершаются импульсивно, в состоянии аффекта или алкогольного опьянения.

Следовательно, существует когнитивный предел эффективности угрозы: если субъект не осознает риска (например, из-за отсутствия базового правового просвещения), усиление санкции никак не изменит его поведение. Это выводит нас к выводу о том, что предел жесткой репрессии находится там, где начинаются девиации психики и социальные патологии, требующие не тюремного заключения, а институционализированной психиатрической и социальной помощи.

Цифровизация создала беспрецедентный вызов для понятия пределов. Виртуальное пространство анонимно и трансгранично. Традиционные инструменты территориальной юрисдикции здесь работают неэффективно. Возникает феномен «цифровой избыточной криминализации», когда одно действие (репост, комментарий) одновременно квалифицируется как клевета, оскорбление, возбуждение ненависти и нарушение авторских прав. Предел здесь видится в необходимости консолидации составов и приоритете ненасильственных способов разрешения информационных споров (модерация платформ, удаление контента).

Выводы. Система уголовно-правового воздействия представляет собой динамичную совокупность определенных средств, способов и методов государственной репрессии, нацеленную на достижение социально полезных результатов: восстановление справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Эта система устанавливает субординационные связи между государством и личностью, нарушившей уголовно-правовой запрет, но сама эта связь должна находиться в равновесии.

Определение места и роли уголовно-правового воздействия необходимо для понимания его карательной сущности, обозначения его границ и уяснения его связи с прочими направлениями правового принуждения. Констатируется, что эффективное уголовно-правовое воздействие может быть осуществлено лишь тогда, когда угроза наказания дополняется иными мерами — научно обоснованной профилактикой, воспитанием, социальной адаптацией и экономическим стимулированием правомерного поведения, формируя тем самым комплексное сдерживание преступности.

Выход за установленные пространственные, временные и структурные пределы неизбежно приводит к перерождению права в произвол. Здоровье правовой системы измеряется не количеством заключенных и не суровостью максимальных сроков, а точностью попадания уголовной репрессии в ту узкую зону, где она действительно необходима и способна принести больше пользы, чем вреда общественному организму. Дальнейшее развитие учения о пределах связано с необходимостью адаптации классических принципов виновности и соразмерности к реалиям искусственного интеллекта, биотехнологий и глобальной экономической взаимозависимости.

Список литературы:

[1] Щербакова Е.К., Кулапов В.Л. Механизм правового воздействия в системе социального воздействия: монография. — М.: Проспект, 2023. — 184 с.

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 частях. Ч. 1. — М.: Юрайт, 2025. — 414 с.

[3] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982. — 287 с.

[4] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. — М.: Юрайт, 2026. — 291 с.

[5] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. — М.: Юристъ, 2003. — 250 с.

[6] Кузнецов А.П. Криминализация - декриминализация, пенализация - депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16-18.

[7] Брусницын Л.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1. С.

81-88.

[8] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/175 от 17 декабря 2015 г. // Гарант. URL: https://base.garant.ru/1305346 (дата обращения: 13.07.2026).

[9] Моськин А.М. Методы криминологического прогнозирования преступности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 3. С. 109-112.

References:

[1] Shcherbakova E.K., Kulapov V.L. The Mechanism of Legal Influence within the System of Social Influence: A Monograph. — Moscow: Prospekt, 2023. — 184 p.

[2] Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. In 2 parts. Part 1. — Moscow: Yurayt, 2025. — 414 p.

[3] Kudryavtsev V.N. Legal Behavior: Norm and Pathology. — Moscow: Nauka, 1982. — 287 p.

[4] Luneev V.V. A Course on World and Russian Criminology: In 2 vols. Vol. 1. — Moscow: Yurayt, 2026. — 291 p.

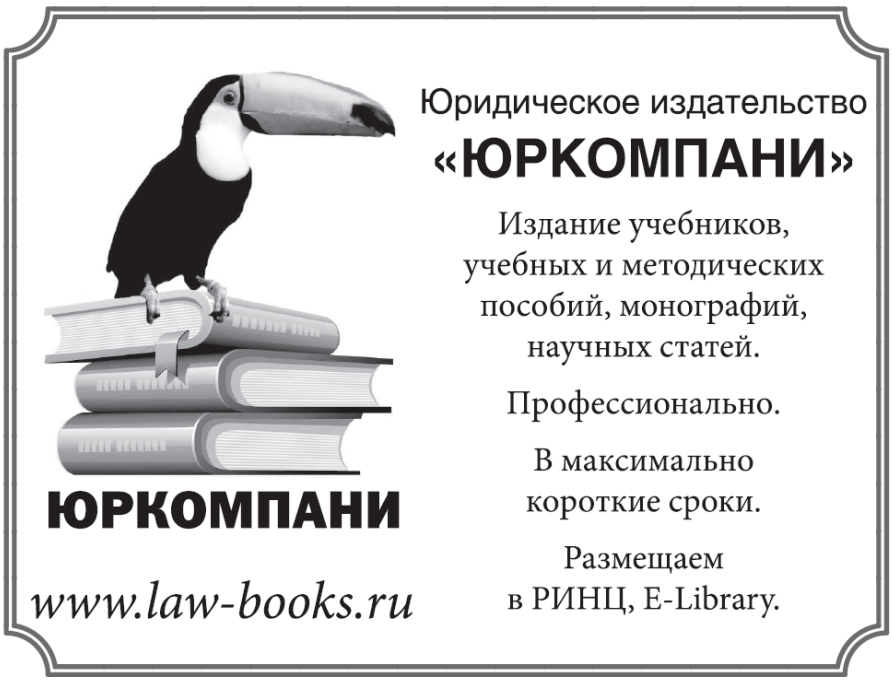
[5] Malko A.V. Incentives and Restrictions in Law. — Moscow: Yurist, 2003. — 250 p.

[6] Kuznetsov A.P. Criminalization–Decriminalization and Penalization–Depenalization as Components of Criminal Policy // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (35). P. 16–18.

[7] Brusnitsyn L.V. Prohibition of Certain Actions Within and Outside the System of Pre-trial Restrictive Measures // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 81–88.

[8] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules): adopted by UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 of December 17, 2015 // Garant. URL: https://base.garant.ru/1305346 (accessed: 13.07.2026).

[9] Moskin A.M. Methods of criminological forecasting of crime // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3. P. 109–112.

НАЛОГОВОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-99-105**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СХЕМ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Цель исследования состоит в определении правового значения алгоритмического анализа при выявлении дробления бизнеса. Формально-юридический, системный и функциональный методы позволили разграничить алгоритмический сигнал, проверочную версию, доказательство и квалификацию нарушения статьи 54.1 НК РФ. Установлено, что вероятностный результат может направлять налоговый контроль, но не заменяет проверку данных, оценку самостоятельности участников и налоговую реконструкцию, а для его допустимости предложены четыре критерия: законность получения информации, качество данных, прослеживаемость вывода и обязательная проверка должностным лицом.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, дробление бизнеса, налоговый контроль, статья 54.1 НК РФ, налоговый риск, доказательства, объяснимость алгоритма.*

IVANOVA Tatiana Anatolyevna,
Degree Applicant, Faculty of Law,
Kazan Federal University

LIMITS ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DETECTING BUSINESS SPLITTING SCHEMES UNDER ARTICLE 54.1 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The study determines the legal significance of algorithmic analysis used to detect business splitting. Formal legal, systemic and functional methods distinguish an algorithmic signal, an investigative hypothesis, evidence and the qualification of a violation of Article 54.1 of the Tax Code. A probabilistic result may guide tax control but cannot replace data verification, assessment of the participants' independence or reconstruction of the actual tax liability; four admissibility criteria are proposed: lawful data acquisition, data quality, traceability and mandatory human review.*

Key words: *artificial intelligence, business splitting, tax control, Article 54.1 of the Tax Code, tax risk, evidence, algorithmic explainability.*

Введение

Цифровая трансформация налогового администрирования расширяет возможности сопоставления сведений о денежных потоках, персонале, имуществе, договорах и кассовых операциях, а автоматизированный анализ выявляет группы формально самостоятельных лиц с признаками единой деятельности. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ определяет дробление бизнеса как разделение единой деятельности между подконтрольными лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение налогов посредством специальных режимов [15], однако группа компаний, общий бренд или цен-

трализованное управление сами по себе нарушения не образуют, поскольку значение имеют самостоятельность участников, экономические причины структуры и ее влияние на налоговую обязанность.

Вместе с тем технологическое расширение контроля обостряет проблему разграничения налогового риска и доказанного нарушения, поскольку статистическое сходство связей может служить основанием для проверки, но не подтверждает искажение фактов хозяйственной жизни. И. Р. Пайзулаев справедливо отмечает: «Для правильной организации налогового контроля очень важно сформулировать принципы, на которых он будет основываться. Поскольку налоговый контроль в той или иной степени затрагивает всех хозяйствующих субъектов, считаем, что отсутствие в законодательстве четко сформулированных принципов налогового контроля затрудняет решение практических задач по его осуществлению и создает предпосылки для нарушения прав и законных интересов налогоплательщиков» [1, с. 26], а применительно к алгоритмическим системам требования законности, мотивированности и проверяемости приобретают дополнительное значение.

Степень научной разработанности темы образуют несколько направлений: Е. С. Ефремова и К. А. Пономарева исследуют разграничение правомерного структурирования и противоправного дробления [5; 6], Е. В. Овчарова раскрывает процессуальную природу налогового контроля [7], К. А. Тасалов анализирует проблемы риск-ориентированного отбора [9], а Э. В. Талапина и А. Р. Атабеков обосновывают требования к прозрачности алгоритмов [11; 12]. Вместе с тем процессуальное значение алгоритмического результата при применении статьи 54.1 НК РФ комплексно не раскрыто, поскольку исследования дробления сосредоточены на искусственности структуры и налоговой реконструкции, но не предлагают специальной модели использования такого результата в доказывании.

Объектом исследования выступают отношения, возникающие при использовании автоматизированной аналитики для выявления дробления бизнеса, а предмет охватывает статьи 54.1, 82, 100 и 101 НК РФ, судебные позиции и научные подходы. Цель состоит в определении правового значения алгоритмического результата, задачи включают разграничение пунктов 1 и 2 статьи 54.1 НК РФ и установление места сигнала на стадиях отбора, проверки и принятия решения, тогда как новизна выражается в разделении сигнала, проверочной версии и доказательства, а также в обосновании четырех критериев допустимости.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормы НК РФ, Федеральный закон № 176-ФЗ [15], Обзор Верховного Суда РФ от 13 декабря 2023 г. [16] и разъяснения ФНС России [17; 18], а формально-юридический, системный и функциональный методы, анализ судебной практики и правовое моделирование позволили разграничить основания применения пунктов 1 и 2 статьи 54.1 НК РФ, определить место алгоритмического результата в налоговой процедуре и сформулировать предложения по ее совершенствованию.

Результаты и обсуждение

Исходным условием разграничения алгоритмического сигнала и доказательства выступает различие между дроблением бизнеса и фиктивной организацией, поскольку при дроблении деятельность обычно осуществляется реально, но ее доходы, ресурсы и функции распределяются между подконтрольными лицами (выручка зачисляется на счета разных организаций, работники формально трудоустраиваются к нескольким субъектам, а имущество и операции распределяются без фактической самостоятельности). М. К. Аристархова и М. С. Зуева определяют организацию с признаками фиктивности как «коммерческую организацию, не имеющую собственного обособленного имущества, не намеревающуюся осуществлять предпринимательскую деятельность, часто отражающую нулевые или отрицательные показатели финансово-хозяйственной деятельности с целью освобождения от уплаты налогов, получения кредитов или вычетов по НДС» [2, с. 100], тогда как участники дробления могут иметь работников, имущество, клиентов и договоры, поэтому отсутствие отдельного ресурса либо общая инфраструктура сами по себе нарушения не подтверждают.

Развивая указанное разграничение, необходимо определить роль технических организаций, признаки которых могут свидетельствовать об искусственном характере

отдельных операций, но не должны автоматически распространяться на всю группу. И. Н. Соловьёв характеризует фиктивную организацию как «созданную формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц организацию, используемую в качестве средства для совершения и (или) сокрытия следов правонарушений и преступлений и обладающую признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к её учреждению и руководству финансово-хозяйственной деятельностью и бухгалтерским учётом» [3, с. 58], а Н. Ю. Чернусь и А. С. Ворожевич связывают ее с непредставлением отчетности, минимизацией налогов и обналичиванием средств [4, с. 91], тогда как дробление касается распределения единого результата между реально действующими субъектами (имеющими персонал, контрагентов, имущество и исполняемые обязательства). Поэтому модель должна устанавливать связи между контролем, функциями, доходами и налоговым последствием, но не формировать профиль неблагонадежности только по совпадению адресов, учредителей, представителей или средств доступа к счетам.

При этом правовая квалификация выявленных связей предполагает разграничение пунктов 1 и 2 статьи 54.1 НК РФ, поскольку их недифференцированное применение размывает предмет доказывания. Пункт 1 запрещает уменьшение налоговой обязанности вследствие искажения сведений о фактах хозяйственной жизни или объектах налогообложения (размере выручки, численности работников, принадлежности имущества, фактическом исполнителе операций или налоговом режиме), тогда как пункт 2 при отсутствии такого искажения предполагает оценку цели операции и надлежащего исполнителя, поэтому при дроблении необходимо установить, какие сведения были изменены формальным разделением деятельности и как это повлияло на налоговую обязанность. Пункт 5 статьи 82 НК РФ возлагает доказывание на налоговый орган, а письмо ФНС России № БВ-4-7/3060@ ориентирует его на установление фактического содержания операций [17], вследствие чего аналитический отчет может определять направление проверки и круг устанавливаемых обстоятельств, но не заменяет мероприятия налогового контроля и доказывание соответствующих обстоятельств.

В свою очередь, критерии дробления конкретизированы в Обзоре Верховного Суда РФ от 13 декабря 2023 г., который требует отделять налоговую направленность разделения деятельности от хозяйственной организации, обусловленной экономическими, управленческими или производственными причинами [16]. Пункт 11 требует установить, направлено ли разделение на неправомерное сохранение специального режима или имеет самостоятельное экономическое обоснование, причем взаимозависимость, единый бренд, централизованная бухгалтерия, реклама и общая инфраструктура сами по себе не подтверждают нарушения, тогда как о правомерности структуры могут свидетельствовать собственные функции участников, экономический интерес и предпринимательский риск. Пункты 13 и 14 предусматривают учет уплаченных участниками налогов и выделение НДС из консолидированной выручки, поэтому алгоритм может выявлять предполагаемый состав группы (общих руководителей, работников, контрагентов, помещения, кассовую инфраструктуру и банковские устройства), однако установление организатора, налоговая реконструкция и расчет доначислений требуют оценки проверенных доказательств. Следовательно, применение пункта 1 статьи 54.1 НК РФ предполагает установление конкретного искажения сведений о хозяйственной деятельности или объектах налогообложения, а не подсчет совпадающих признаков.

Выявление перечисленных обстоятельств может осуществляться посредством автоматизированного анализа, однако обнаружение связей образует лишь информационный сигнал и не заменяет правовой оценки, причем системы с заранее установленными правилами, статистический скоринг и обучаемые модели различаются способом формирования результата, поскольку последний может зависеть от обучающих данных, веса признаков, пороговых значений и версии модели. Н. Р. Суслов отмечает: «Цифровизация систем учета и контроля пронизывает все отрасли, в том числе и в сферу налогообложения и налогового администрирования и контроля» [8, с. 290], а на стадии риск-ориентированного отбора такая система может сопоставлять приближение

выручки к установленным ограничениям, даты создания организаций, перемещение работников, совпадение контрагентов, общие помещения, кассовую инфраструктуру и средства доступа к банковским счетам. Вместе с тем каждый показатель допускает противоправное или экономически обоснованное объяснение, а К. А. Тасалов связывает неопределенность риск-ориентированного подхода с латентными критериями и отсутствием соразмерности между риском и интенсивностью контроля [9, с. 55–61], поэтому совокупность индикаторов может служить основанием для проверки гипотезы, но не должна признаваться доказанным нарушением. Вследствие этого налогоплательщику необходимо сообщать не только категорию риска, но и подтвержденные обстоятельства, их источники и правовое значение.

Наряду с повышением эффективности отбора цифровые технологии способны ограничивать произвольное усмотрение должностных лиц, однако не устраняют риск ошибки и не освобождают инспектора от ответственности за правовую квалификацию. А. М. Цирин и Е. А. Артеменко отмечают: «цифровые технологии и искусственный интеллект становятся средствами профилактики проявлений коррупции в контрольной деятельности» [10, с. 129], но такой эффект достигается при документировании источников, единообразном применении критериев и последующей проверке действий должностного лица, тогда как непрозрачная модель переносит усмотрение на скрытый этап выбора признаков, их веса и порогов. Поэтому результат системы должен рассматриваться как проверочная версия, а доказательственное значение приобретают факты, подтвержденные документами, пояснениями, допросами, осмотрами и иными материалами, полученными в порядке, предусмотренном НК РФ.

Продолжением требования о человеческой проверке выступает процессуальная объяснимость результата, которая не предполагает опубликования программного кода, но требует возможности восстановить связь между исходными сведениями, индикатором, проверенным фактом и правовым выводом. Э. В. Талапина указывает: «право движется по пути установления правил разработки и применения алгоритмов ИИ, обеспечивающих прозрачность и понятность, поскольку это позволяет обнаружить ошибки и отклонения, обжаловать и исправить их» [11, с. 6], а А. Р. Атабеков подчеркивает: «необходимы требования к объяснимости и прослеживаемости решений, иначе возрастает риск “эффекта чёрного ящика”» [12, с. 115]. Поэтому в акте проверки целесообразно отражать категории и даты данных, выявленные связи, значение индикаторов и мероприятия по их проверке, а налогоплательщику предоставлять возможность объяснить совпадения либо указать на ошибку, тогда как суду или эксперту при необходимости может передаваться документация о версии модели, используемых признаках, валидации и известных ограничениях. Программный код, сведения об информационной безопасности и данные третьих лиц могут иметь ограниченный доступ, однако конфиденциальность не должна препятствовать проверке последовательности «данные – индикатор – проверенный факт – правовая квалификация» и оспариванию сформированного вывода.

Объяснимость алгоритмического результата связана с качеством исходных данных, поскольку ошибка в идентификаторе налогоплательщика, проверяемом периоде, принадлежности банковского счета, трудовых отношениях или имущественной связи способна создать ложную картину единой деятельности. И. А. Покровский писал: «индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят» [13, с. 91], а применительно к цифровому контролю это означает, что налогоплательщику должны быть известны конкретные факты претензии и правила придания им правового значения. Сведения из иных периодов могут использоваться для установления динамики отношений (создания организаций, перемещения персонала или изменения распределения выручки), однако они должны относиться к предмету проверки и не могут самостоятельно определять налоговую обязанность за период, не охваченный проверкой, тогда как существенная ошибка должна влечь исправление данных и повторную оценку результата. Требование к качеству данных должно дополняться индивидуализацией роли каждого участника, поскольку общий центр управления не тождествен установле-

нию лица, организовавшего искусственное распределение деятельности, а совпадение электронной подписи, банковского устройства, представителя или адреса не раскрывает распределения полномочий. Для правовой квалификации необходимо установить, кто определял условия сделок, распределял выручку, распоряжался средствами, формировал кадровую и ценовую политику, нес предпринимательский риск и получал налоговый результат, причем вывод о единой деятельности должен учитывать самостоятельность каждого субъекта [5; 6; 14]. Поэтому отнесение операций группы к одному налогоплательщику без доказательств его организующей роли противоречит обязанности налогового органа установить обстоятельства нарушения.

Самостоятельная проблема возникает при использовании автоматизированного анализа для оценки условий налоговой амнистии по статье 6 Федерального закона № 176-ФЗ, поскольку устойчивые связи участников в предшествующих периодах не подтверждают продолжение дробления после 1 января 2025 г. [15]. Рекомендации ФНС России предусматривают прекращение обязанности по налогам, пеням и штрафам за 2022–2024 гг. при соблюдении условий закона, а если отказ от дробления происходит после назначения проверки за 2025 или 2026 г., механизм распространяется на 2022 и 2023 гг. при уточнении обязательств за 2024 г. [18]. Следовательно, проверке должны подлежать фактические изменения деятельности, режимов, распределения доходов, персонала и функций, а акт налоговой проверки и принятое по её результатам решение должны содержать мотивированный вывод.

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости нормативного закрепления вспомогательного значения автоматизированного анализа, в связи с чем пункт 5 статьи 82 НК РФ предлагается дополнить абзацем следующего содержания: «Результаты автоматизированного анализа данных, включая результаты применения систем искусственного интеллекта, используются для определения направлений налогового контроля и сами по себе не подтверждают обстоятельства, предусмотренные пунктом 1 статьи 54.1 настоящего Кодекса, либо факт несоблюдения условий, предусмотренных пунктом 2 указанной статьи». Одновременно пункт 3 статьи 100 НК РФ целесообразно дополнить обязанностью отражать в акте категории и источники данных, период их получения, выявленные связи и способы проверки, а в статье 101 НК РФ предусмотреть повторный анализ при существенном исправлении данных и запрет использования результата, связь которого с установленными фактами не подтверждена. Эти изменения конкретизируют обязанность налогового органа доказать обстоятельства, предусмотренные статьей 54.1 НК РФ, причем минимальные гарантии должны закрепляться в Кодексе, поскольку алгоритмический результат влияет на объем контроля, содержание акта и основания решения, тогда как ведомственные акты могут определять техническую эксплуатацию, документирование и валидацию системы, но не изменять предмет доказывания или ограничивать права налогоплательщика.

На основе проведенного исследования предлагается система четырех взаимосвязанных критериев допустимого использования алгоритмического результата, каждому из которых соответствует самостоятельное процессуальное последствие. Первый критерий охватывает наличие компетенции налогового органа, законной цели обработки и допустимого способа получения информации, а его несоблюдение должно исключать соответствующий результат из обоснования решения; второй критерий предполагает относимость, достоверность и актуальность исходных данных, поэтому выявление существенной ошибки должно влечь их исправление и повторный расчет; третий критерий состоит в прослеживаемости связи между данными, индикатором риска, подтвержденным фактом и правовой квалификацией, а отсутствие такой связи должно препятствовать включению результата в мотивировку; четвертый критерий предусматривает содержательную проверку результата должностным лицом и реальную возможность представить возражения, вследствие чего непроверенная алгоритмическая оценка не может выступать единственным или определяющим основанием неблагоприятного правового последствия. Такая модель сохраняет установленный статьями 54.1 и 82 НК РФ стандарт доказывания, допускает применение вероятностных методов на стадии отбора и формирования проверочной версии, но исключает их авто-

матическое использование при окончательной квалификации нарушения и определении размера налоговой обязанности.

Заключение

Переход налогового администрирования к алгоритмической обработке данных изменяет не только технические способы выявления нарушений, но и требования к обоснованию государственного вмешательства, поскольку увеличение аналитических возможностей налоговых органов должно сопровождаться более высоким уровнем процессуальной ответственности. Цифровой инструмент приобретает правовую ценность лишь тогда, когда он способствует установлению действительных обстоятельств деятельности, а не подменяет их вероятностной оценкой, основанной на формальном сходстве хозяйственных связей. В связи с этим дальнейшее развитие налогового контроля должно основываться на таком распределении полномочий, при котором технология расширяет познавательные возможности должностного лица, но не принимает вместо него юридически значимое решение и не ограничивает возможность налогоплательщика защищать избранную модель организации бизнеса.

Список литературы:

[1] Пайзулаев И. Р. Становление и развитие системы налогового администрирования в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. 46 с.

[2] Аристархова М. К., Зуева М. С. Формирование механизма предупредительного выявления «юридических лиц с признаками фиктивности» // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 3. С. 98–103.

[3] Соловьёв И. Н. Опасные финансовые схемы: юридические лица с признаками фиктивности. М.: Проспект, 2012. 88 с.

[4] Чернусь Н. Ю., Ворожевич А. С. Несуществующие юридические лица и юридические лица с признаками фиктивности: налогово-правовой и цивилистический аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2010. Т. 6, № 2. С. 91–94.

[5] Ефремова Е. С. Дробление бизнеса и статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 6. С. 1103–1111.

[6] Пономарева К. А. Дробление бизнеса: о соблюдении принципа определенности налогообложения в правоприменительной практике // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 2. С. 41–48.

[7] Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 2. С. 137–158.

[8] Суслов Н. Р. Налоговый контроль в условиях цифровизации // Правовые аспекты жизни человека и общества. 2023. № 2. С. 290–291.

[9] Тасалов К. А. Правовые проблемы российской концепции риск-ориентированного подхода в налоговой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 55–61.

[10] Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 126–142.

[11] Талапина Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 3. С. 4–27.

[12] Атабеков А. Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 486 с.

[13] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 351 с.

[14] Соловьев А. А., Попенко А. В. Дробление бизнеса: правовые основы и основания привлечения предпринимателей к налоговой ответственности // Налоги. 2026. № 2. С. 33–35.

[15] Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.

[16] Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с

оценкой обоснованности налоговой выгоды: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г. // СПС КонсультантПлюс.

[17] Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.

[18] Письмо ФНС России от 18 октября 2024 г. № СД-4-2/11836@ «О направлении рекомендаций по применению налоговой амнистии дробления бизнеса в форме вопросов и ответов». // СПС КонсультантПлюс.

References:

[1] Paizulaev I. R. Formation and Development of the Tax Administration System in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Doctoral Dissertation (Economics). Moscow, 2012. 46 p.

[2] Aristarkhova M. K., Zueva M. S. Developing a Mechanism for the Proactive Identification of «Legal Entities with Signs of Fictitiousness» // Economics. Taxes. Law. 2014. No. 3. P. 98–103.

[3] Solovyev I. N. Dangerous Financial Schemes: Legal Entities with Signs of Fictitiousness. Moscow: Prospekt, 2012. 88 p.

[4] Chernus N. Yu., Vorozhevich A. S. Non-existent Legal Entities and Legal Entities with Signs of Fictitiousness: Tax-Law and Civil-Law Aspects // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law. 2010. Vol. 6, No. 2. P. 91–94.

[5] Efremova E. S. Business Fragmentation and Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. Vol. 17, No. 6. P. 1103–1111.

[6] Ponomareva K. A. Business Fragmentation: Compliance with the Principle of Tax Certainty in Law Enforcement Practice // Law Enforcement Review. 2020. Vol. 4, No. 2. P. 41–48. [7] Ovcharova E. V. Administrative Procedure of Tax Control within the Mechanism of Legal Regulation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14, No. 2. P. 137–158.

[8] Suslov N. R. Tax Control in the Context of Digitalization // Legal Aspects of the Life of the Individual and Society. 2023. No. 2. P. 290–291.

[9] Tasalov K. A. Legal Issues Regarding the Russian Concept of a Risk-Based Approach in the Tax Sphere // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 4 (101). P. 55–61.

[10] Tsirin A. M., Artemenko E. A. Digital Technologies and Artificial Intelligence as Means of Preventing Corruption in Control (Supervisory) Activities: Domestic and Foreign Experience // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27, No. 3. P. 126–142.

[11] Talapina E. V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18, No. 3. P. 4–27.

[12] Atabekov A. R. Conceptual Approaches and Practice of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Public Sphere: A Comparative Legal Study: Doctoral Thesis (Law). Moscow, 2024. 486 p.

[13] Pokrovsky I. A. Fundamental Problems of Civil Law. Moscow: Statut, 2013. 351 p. [14] Solovyev A. A., Popenko A. V. Business fragmentation: legal foundations and grounds for holding entrepreneurs liable for tax violations // Taxes. 2026. No. 2. P. 33–35.

[15] Federal Law No. 176-FZ of July 12, 2024, «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on Repealing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus Legal Reference System.

[16] Review of the practice of arbitration courts regarding the application of tax and fee legislation provisions concerning the assessment of the validity of tax benefits: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 13, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[17] Letter of the Federal Tax Service of Russia No. BV-4-7/3060@ dated March 10, 2021, «On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus Legal Reference System.

[18] Letter of the Federal Tax Service of Russia No. SD-4-2/11836@ dated October 18, 2024, «On forwarding recommendations regarding the application of the tax amnesty for business fragmentation in a Q&A format» // ConsultantPlus Legal Reference System.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-106-116**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

БЫСТРИЦКИЙ Артем Ильич,
аспирант Российского университета транспорта (МИИТ),
научная специальность 5.1.3,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется изменение гражданско-правового механизма пассажирских перевозок при использовании цифровых платформ. Основное внимание уделено заказу легкового такси: субъектному составу, электронной форме договора, информационным обязанностям и распределению ответственности между перевозчиком и агрегатором. Каршеринг и аренда средств индивидуальной мобильности рассматриваются как сравнительный материал, поскольку образуют не перевозочные, а преимущественно арендные отношения. Предложено различать инфраструктурную, организационно-посредническую и цифровую арендную модели. Обосновано, что фактические функции платформы имеют значение для квалификации отношений, но сами по себе не влекут за собой солидарную или деликтную ответственность без предусмотренного законом либо договором основания. Сформулированы предложения по фиксации условий цифрового заказа, раскрытию статуса исполнителя и согласованию общего регулирования экономики цифровых платформ со специальными транспортными нормами.*

Ключевые слова: *цифровизация пассажирских перевозок; цифровая платформа; служба заказа легкового такси; перевозчик; электронный договор; каршеринг; средства индивидуальной мобильности; гражданско-правовая ответственность.*

BYSTRITSKY Artem Ilyich,
Postgraduate student at the Russian University of Transport (MIIT),
Research specialization 5.1.3

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW REGULATION OF PASSENGER TRANSPORTATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. *The article examines changes in the civil-law framework of passenger transportation caused by digital platforms. Its main focus is app-based taxi ordering: the parties to the relationship, electronic contracting, information duties, and the allocation of liability between the carrier and the taxi ordering service. Car sharing and personal mobility device rental are used for comparison because they normally constitute rental rather than passenger carriage. The article distinguishes three models: infrastructure support, organizational intermediation, and digital rental. It argues that a platform's actual functions matter for legal classification but do not create joint or tort liability without a statutory or contractual basis. Proposals are made concerning the recording of digital orders, disclosure of the service provider, and coordination between general platform-economy regulation and special transport rules.*

Key words: *digitalization of passenger transport; digital platform; passenger taxi ordering service; carrier; electronic contract; car sharing; personal mobility devices; civil liability.*

Введение

Цифровой сервис объединяет действия, которые в классической модели совершались разными субъектами гражданско-правового отношения: информирование пассажира, прием заказа, выбор исполнителя, расчет цены и прием платежа. Для квалификации имеет значение не наличие приложения, а то, от чьего имени совершаются эти действия и какие обязанности приняло конкретное лицо. От этого зависят субъектный состав обязательства, надлежащий ответчик, пределы ответственности и распределение рисков.

Основным специальным актом для заказа легкового такси через цифровой сервис является Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ [8]. Он закрепил статус службы заказа легкового такси, ее информационные обязанности и специальные основания ответственности. С 1 сентября 2026 г. применяются Правила перевозок, утвержденные приказом Минтранса России от 14.04.2026 № 161 [9]. Каршеринг и аренда электросамокатов указанным законом не регулируются: эти отношения квалифицируются по нормам об аренде, защите прав потребителей и возмещении вреда.

Цифровые технологии применяются также в железнодорожных и воздушных перевозках, в том числе при продаже билетов и расчете тарифа [3; 4]. В этих случаях перевозчик, как правило, остается непосредственным контрагентом пассажира, а цифровой сервис обслуживает заключение и исполнение договора. Указанные виды перевозок используются в статье только для сравнения.

В сфере такси к связи «перевозчик — пассажир» добавилась служба заказа легкового такси. Каршеринг и кикшеринг образуют самостоятельные отношения по предоставлению имущества в пользование, но сопоставимы с перевозкой по цифровому способу заключения договора, контролю доступа и характеру риска. Такое сравнение допустимо лишь при сохранении различий между перевозкой и арендой.

Научная разработанность темы неоднородна. Договорная модель агрегатора и пределы его ответственности исследованы в работах Т.В. Дерюгиной, С.Г. Долгова, А.А. Маркеловой, А.А. Ивановой, Т.А. Тухватуллиной и У.А. Скварко [12–17]. Правовая природа каршеринга рассмотрена С.А. Муратовой, О.В. Гридневой, А.Т. Суфиевой и С.Р. Дерюгиной [18–20; 24], а договорные и деликтные проблемы СИМ — О. В. Карпеевым, С. Г. Яшновой, Н.В. Половниковой и другими авторами [21–23]. Вопросы цифрового посредничества, статуса агрегатора и пределов ответственности платформ рассматриваются В.А. Беловым, Л.А. Чеговадзе и К.К. Краулиным [27–29]. Недостаточно разработан вопрос о том, как общее регулирование платформенной экономики должно сочетаться со специальными нормами о перевозке легковым такси.

Цель статьи состоит в определении основных направлений трансформации гражданско-правового регулирования пассажирских перевозок под воздействием цифровых платформ и в разграничении этой трансформации со смежными арендными сервисами мобильности.

Для достижения цели определены следующие задачи: определить правовое положение платформы в структуре перевозочного обязательства; исследовать заключение и исполнение договора в цифровой среде; разграничить основания ответственности перевозчика и службы заказа; сопоставить перевозку с каршерингом и арендой СИМ; сформулировать предложения по согласованию транспортного и платформенного регулирования.

Научная новизна состоит в разграничении трех моделей цифровизации пассажирской мобильности: инфраструктурной, организационно-посреднической и цифровой арендной. Для каждой модели выявляется различное влияние платформы на договор, субъектный состав и распределение риска.

Методологическую основу составили формально-юридический и системный методы, сопоставление договорных конструкций и анализ судебных актов. Объект исследования — гражданско-правовые отношения, возникающие при цифровом оформлении перевозки и смежных сервисов мобильности; предмет — нормы о договоре, информации, ответственности и фактическом контроле над транспортным средством.

Научные подходы к определению правовой природы цифровых платформ в сфере пассажирских перевозок

В цивилистической литературе конкурируют два подхода к роли платформы. Первый ограничивает ее функцию информационным посредничеством; второй учитывает

фактическое участие в формировании и исполнении сделки [12–17]. После принятия Закона № 580-ФЗ спор не сводится к выбору одного определения. Закон выделил службу заказа как самостоятельного участника, не признав ее перевозчиком, но возложив на нее конкретные обязанности.

Информационная модель объясняет разграничение перевозчика, оказывающего транспортную услугу, и платформы, обеспечивающей поиск исполнителя и передачу заказа. Ее предел обнаруживается там, где сервис не только передает сведения, но также определяет обязательные для исполнителя правила, принимает платеж, формирует уведомление о перевозчике и контролирует допуск к заказам. Эти обстоятельства подлежат оценке как доказательства договорного статуса и исполнения самостоятельных обязанностей платформы.

Функциональный подход связывает ответственность агрегатора со степенью его участия в отношениях и с представлением, которое сервис формирует у потребителя [13–17]. Однако влияние на тариф или алгоритм выбора исполнителя нельзя превращать в самостоятельное основание взыскания. Солидарная, полная либо субсидиарная ответственность допустима при наличии соответствующего состава закона; договорная ответственность — при принятии обязательства; деликтная — при доказанности предусмотренных главой 59 ГК РФ условий.

Для каршеринга научная дискуссия строится вокруг арендной, прокатной и смешанной квалификаций [18–20; 24]. Оператор сохраняет цифровой контроль над доступом, тарифом и зоной эксплуатации, но пользователь самостоятельно управляет автомобилем. Поэтому каршеринг не изменяет субъектный состав договора перевозки; он образует отдельную модель цифровой аренды, в которой требуется распределить риск технической неисправности и эксплуатации источника повышенной опасности.

Договор аренды СИМ также заключается через приложение и сочетает предоставление вещи с цифровым контролем сессии [21–23]. Закрепление понятия СИМ в Правилах дорожного движения [10] не решает вопроса о гражданско-правовом статусе конкретного устройства и владельце источника повышенной опасности. Эти вопросы разрешаются с учетом характеристик СИМ, фактической передачи контроля и общих норм о возмещении вреда.

Для целей настоящего исследования предлагается различать три модели. В инфраструктурной модели электронный сервис обеспечивает заключение договора с известным перевозчиком; в организационно-посреднической модели служба заказа включена в распределение заказа и несет специальные обязанности; в цифровой арендной модели оператор предоставляет пользователю доступ к транспортному средству. Такое разграничение показывает, какой элемент отношения изменен цифровизацией: форма сделки, субъектный состав либо распределение эксплуатационного риска.

Цифровизация как фактор трансформации субъектного состава обязательства перевозки пассажира

Договор перевозки пассажира, предусмотренный главой 40 ГК РФ и Федеральным законом от 08.11.2007 № 259-ФЗ, связывает пассажира с лицом, принявшим обязанность доставить его в пункт назначения [1; 5]. Цифровой способ оформления заказа не меняет перевозчика автоматически, но усложняет его идентификацию для пассажира.

Цифровизация не создала единую новую сторону договора, но законодательно оформила роль службы заказа легкового такси [8]. Такая служба не признается перевозчиком или фрахтовщиком только вследствие передачи заказа, хотя ее действия влияют на возникновение договорной связи.

В отношениях по перевозке легковым такси участвуют пассажир (фрахтователь), перевозчик (фрахтовщик), служба заказа и водитель. Водитель не во всех случаях является отдельным субъектом обязательства: он может совпадать с перевозчиком — физическим лицом либо действовать как работник или привлеченное перевозчиком лицо. Надлежащий ответчик определяется с учетом этого статуса, а не по одному факту управления автомобилем.

Отсутствие у службы заказа статуса перевозчика не освобождает ее от обязанностей, прямо предусмотренных законом или принятых по договору. Подлежит установлению, кто принял и передал заказ, сообщил сведения о перевозчике, получил платеж и установил обязательные условия. Эти факты не заменяют правовое основание ответственности, но позволяют правильно

квалифицировать роль платформы.

В каршеринге оператор является арендодателем и обеспечивает цифровой доступ к автомобилю. Договор обычно сочетает аренду транспортного средства без экипажа, присоединение к заранее установленным условиям и сервисные обязанности оператора. Эта конструкция используется в статье для сравнения, а не как разновидность перевозочного обязательства.

При аренде СИМ оператор предоставляет устройство во временное пользование и сохраняет технический контроль над учетной записью, зоной эксплуатации и программными ограничениями. Пользователь, получивший доступ, осуществляет непосредственное управление. Распределение ответственности зависит от момента передачи контроля, исправности устройства и причинной связи между нарушением каждого участника и вредом.

При цифровом заказе могут возникнуть несколько связанных отношений: пассажира с перевозчиком, пользователя с платформой и платформы с перевозчиком. Каждое из них квалифицируется отдельно. Для суда это имеет значение при определении надлежащего ответчика, предмета доказывания и пределов взыскания.

Правовая неопределенность возникает из несовпадения внешне единого интерфейса с несколькими материальными правоотношениями. Именно это несовпадение создает риск предъявления требования к ненадлежащему ответчику.

Особенности заключения и исполнения договора перевозки пассажира в цифровой среде

Статья 786 ГК РФ определяет основную обязанность перевозчика, а статья 20 Устава автомобильного транспорта предусматривает удостоверение заключения договора перевозки билетом. Перевозка легковым такси осуществляется на основании публичного договора фрахтования. При цифровом заказе момент возникновения отдельных обязательств устанавливается по закону, действующим правилам перевозок, оферте, действиям пользователя и сообщению о принятии заказа [1; 5; 9]. Классическая конструкция договора перевозки при этом сохраняет значение независимо от цифрового способа его заключения [25].

Согласно статье 31 Устава автомобильного транспорта договор фрахтования легкового такси может быть заключен посредством принятия фрахтовщиком заказа к выполнению [5]. Поэтому сообщение «водитель найден» или иное уведомление в приложении не всегда имеет одинаковое правовое значение: оно может подтверждать принятие заказа службой заказа, заключение договора с фрахтовщиком либо только начало поиска исполнителя. Конкретный вывод зависит от содержания оферты и фактической модели сервиса.

Отношения пользователя с платформой обычно оформляются договором присоединения. Тариф, отмена заказа, изменение маршрута и списание средств определяются заранее. Такие условия проверяются по Закону РФ «О защите прав потребителей» и пункту 2 статьи 428 ГК РФ, если они исключают обычно предоставляемые права или содержат явно обременительные положения [1; 2]. Электронная форма не снижает требования к доступности и однозначности сообщаемой информации [7].

Безналичная оплата и фиксация статуса поездки в информационной системе образуют доказательства исполнения, но не заменяют фактическое исполнение. Отметка водителя о завершении заказа либо закрытие арендной сессии должны сопоставляться с маршрутом, платежом, телематическими данными и обращениями пользователя. Программная запись не может сама по себе прекращать неисполненное обязательство.

В каршеринге и аренде СИМ оператор может ограничить доступ, изменить тариф в предусмотренных договором пределах, установить зону эксплуатации и заблокировать объект. Для квалификации эти функции важны как содержание арендного и сервисного обязательства, а не как признаки договора перевозки.

Использование приложения не образует единого нового договора. В зависимости от модели возникают отношения перевозки, фрахтования, аренды, оказания информационных услуг и присоединения к правилам платформы. Практический результат квалификации — определение обязанного лица, основания требования и применимого режима ответственности.

Проблемы ответственности участников цифровых пассажирских перевозок

Наиболее сложные вопросы связаны с ответственностью. Нормы о перевозке и причинении вреда применяются одновременно

со специальными обязанностями службы заказа и правилами об информации для потребителя. Смешение этих оснований приводит либо к необоснованному освобождению платформы, либо к возложению на нее чужого обязательства. Разграничение основания и объема договорной ответственности сохраняет самостоятельное значение и при использовании цифрового сервиса [26].

Часть 1 статьи 29 Закона № 580-ФЗ сохраняет основное правило: вред жизни, здоровью и имуществу пассажира при перевозке возмещает перевозчик [8]. Для службы заказа предусмотрены самостоятельные случаи ответственности. Поэтому ее нельзя признавать солидарным должником по любому спору только на основании контроля тарифа или передачи заказа.

Служба заказа отвечает солидарно с лицом, которому заказ передан при отсутствии, приостановлении или аннулировании разрешения; несет полную ответственность при ненадлежащем уведомлении о перевозчике либо при отсутствии предусмотренных законом реестровых сведений об автомобиле или праве его использования; субсидиарно отвечает с перевозчиком — физическим лицом в части реального ущерба, не покрытого обязательным страхованием [8]. «Полная» ответственность характеризует объем возмещения, солидарная — положение нескольких должников, субсидиарная — дополнительный характер обязанности. Эти режимы не являются взаимозаменяемыми.

При нарушении права пассажира на информацию дополнительно подлежит оценке статья 12 Закона РФ «О защите прав потребителей». Агрегатор отвечает за убытки, возникшие вследствие недостоверной или неполной информации о товаре либо услуге, в пределах установленного этой нормой состава; за исполнение договора с потребителем отвечает исполнитель. Поэтому прием платежа через приложение или единый бренд сервиса не образуют безусловной ответственности службы заказа за любое нарушение перевозчика [2].

В каршеринге вред третьим лицам при эксплуатации переданного без экипажа автомобиля по общему правилу возмещает арендатор с учетом статей 648 и 1079 ГК РФ [1]. Оператор может отвечать за собственное нарушение, в частности за передачу неисправного автомобиля или сбой цифрового доступа, если доказана причинная связь. Повреждение самого автомобиля пользователем оценивается по договору и правилам об аренде; условия о штрафах и рисках подлежат контролю по законодательству о защите прав потребителей.

В сфере СИМ специальные гражданско-правовые правила отсутствуют. Применяются статьи 1064 и 1079 ГК РФ, но признание устройства источником повышенной опасности не должно быть автоматическим. Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 требует учитывать свойства объекта и возможность полного контроля над деятельностью [38]. Надлежащий ответчик устанавливается по характеристикам СИМ, фактическому владению и механизму причинения вреда.

Обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика перед пассажиром распространяется на легковое такси с 1 сентября 2024 г. [6]. Для каршеринга и аренды СИМ отсутствует сопоставимый специальный режим ответственности оператора перед всеми потерпевшими. Наличие ОСАГО либо добровольного страхования не освобождает суд от определения причинителя вреда, владельца источника повышенной опасности и непокрытой части ущерба.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ, который вступит в силу 1 октября 2026 г., предусматривает общую рамку регулирования платформенной экономики [11]. На дату подготовки статьи его положения не подлежат применению к возникшим правоотношениям. После вступления закона в силу предусмотренный им статус оператора посреднической цифровой платформы сам по себе не будет означать приобретения статуса перевозчика и не заменит специальные основания ответственности, установленные Законом № 580-ФЗ. Потребуется согласование общего платформенного режима с транспортным и потребительским законодательством.

Актуальные тенденции судебной практики по спорам, связанным с цифровыми пассажирскими перевозками

Судебные акты не образуют единой модели ответственности платформы. Суды исследуют оферту, сведения об исполнителе, прием заказа и оплаты, фактического перевозчика и причинную связь. При этом решения судов первой инстанции показывают направление аргументации, но не подтверждают устойчивость практики без проверки

их обжалования.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 № 5-КГ17-220 по делу о гибели пассажира нижестоящие суды ограничились указанием на информационный статус диспетчерской службы. Верховный Суд потребовал установить, от чьего имени она действовала, и оценить рекламу, сообщение о назначении автомобиля и расчет стоимости [30]. Этот способ анализа позднее закреплен в пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26: значение имеет также представление о стороне договора, которое могло сложиться у добросовестного гражданина [37].

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.07.2023 № 305-ЭС22-29622 по делу № А40-37711/2022 принято при проверке административной ответственности по части 2 статьи 14.7 КоАП РФ [31]. Оно непосредственно не разрешает вопрос о гражданско-правовой ответственности агрегатора перед пассажиром. Акт имеет смежное значение: он показывает необходимость исследования фактической информационной и организационной роли сервиса, но не устанавливает гражданско-правовой состав ответственности.

В отдельном споре суд первой инстанции исходил из иной совокупности фактических обстоятельств. Согласно доступному тексту решения Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 05.03.2024 по делу № 2-84/2024, во взыскании с ООО «Яндекс. Такси» расходов на лечение и компенсации морального вреда было отказано, поскольку сведения о фактическом перевозчике были доведены до пассажира, а самостоятельное причинение вреда платформой не установлено [32].

Различие результатов связано с предметом и доказательствами. Если сервис не раскрывает исполнителя или формирует представление о заключении договора непосредственно с ним, посредническая оговорка не завершает анализ. Если перевозчик идентифицирован до поездки, а платформа не приняла обязанность перевезти пассажира и не нарушила собственную обязанность, основное требование, вытекающее из ненадлежащего исполнения перевозки, по общему правилу предъявляется к перевозчику, если отсутствуют специальные или самостоятельные основания ответственности службы заказа. Неоднородность практики состоит не в свободном выборе ответчика, а в различной оценке этих обстоятельств.

Согласно доступному тексту решения Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 21.01.2025 по делу № 2-552/2025 (2-4759/2024), суд исходил из присоединения пользователя к условиям краткосрочной аренды в электронной форме [33]. Спор касался договорных платежей за грубое нарушение правил использования автомобиля и не разрешал вопрос о распределении деликтной ответственности между пользователем и оператором. До проверки вступления решения в законную силу и результатов обжалования оно используется только как иллюстрация аргументации суда первой инстанции.

Согласно доступному тексту решения Солнечногорского городского суда Московской области от 03.02.2025 по делу № 2-450/2025, суд взыскал ущерб автомобилю с пользователя, управлявшего им в период арендной сессии [34]. Акт иллюстрирует значение фактической передачи автомобиля и условий аренды, но применим только к обстоятельствам конкретного спора и не исключает иной квалификации при доказанной предшествующей неисправности или собственном нарушении оператора.

Согласно доступному тексту решения Устиновского районного суда г. Ижевска от 28.04.2025 по делу № 2-1692/2025, суд исследовал характеристики конкретного электросамоката, которым был поврежден автомобиль, и применил нормы о возмещении вреда к управлявшему лицу [35]. Поскольку спор не был связан с предоставлением СИМ цифровым сервисом, акт не раскрывает пределы ответственности оператора кикшеринга и не позволяет считать любое СИМ источником повышенной опасности.

Согласно доступному тексту заочного решения Советского районного суда г. Омска от 27.06.2024 по делу № 2-1492/2024, вред здоровью был причинен несовершеннолетней, использовавшей арендованный электросамокат через учетную запись взрослого [36]. Суд не установил самостоятельного основания ответственности оператора и возложил ее на физических лиц.

Рассмотренные судебные акты позволяют выделить отдельные критерии, применяемые судами: для такси имеют значение

договорный статус перевозчика и специальные обязанности службы заказа; для каршеринга — передача автомобиля, содержание аренды и техническое состояние; для СИМ — состав деликта и фактический контроль над устройством. Эти акты не подтверждают формирования единообразной практики, а единичное решение не должно использоваться как основание для универсального правила.

Предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования

Предложения по изменению регулирования должны устранять конкретные доказательственные и квалификационные затруднения, не создавая единого режима для разных договоров.

Во-первых, для цифрового заказа перевозки требуется обязательная фиксация момента передачи заказа перевозчику, его принятия и уведомления пассажира. Закон не должен связывать заключение договора с любой технической отметкой приложения. Юридическое значение сообщения определяется его содержанием и тем, от чьего имени оно направлено.

Во-вторых, с учетом принятия Закона № 289-ФЗ, вступающего в силу 1 октября 2026 г., нет необходимости создавать конкурирующее общее понятие цифровой платформы пассажирской мобильности. Целесообразнее закрепить в транспортном законодательстве соотношение оператора посреднической цифровой платформы, службы заказа легкового такси и перевозчика, сохранив специальный характер обязанностей каждого.

В-третьих, функции платформы — выбор исполнителя, расчет тарифа, прием платежа, раскрытие информации и контроль цифрового доступа — должны использоваться как критерии квалификации ее фактической роли. Они не могут автоматически порождать солидарную ответственность без прямого указания закона, договора или совместного причинения вреда.

В-четвертых, для каршеринга и аренды СИМ целесообразно установить минимальные требования к страховой защите пользователя и третьих лиц, отдельно определив покрытие вреда из-за технического дефекта и вреда при эксплуатации пользователем. Такая модель должна учитывать существующее ОСАГО и не подменять установление ответственного лица страховой выплатой.

Пользователь до совершения юридически значимого действия должен видеть сторону договора, существенные ограничения, порядок изменения цены, последствия отмены и основания списания средств. Версия оферты и уведомления, действовавшие в момент заказа, должны сохраняться оператором в форме, позволяющей представить их суду. Это сократит количество споров о содержании интерфейса и распределении бремени доказывания.

Заключение

Цифровизация изменила не содержание основной обязанности перевозчика, а способ заключения договора, структуру связей и доказательства исполнения. Предложенное разграничение трех моделей показывает разные последствия: электронный сервис может обслуживать договор с известным перевозчиком, служба заказа — участвовать в организации перевозки на основании специального закона, а оператор каршеринга или СИМ — передавать пользователю транспортное средство по арендной модели.

Ответственность определяется по конкретному основанию. Перевозчик отвечает за исполнение перевозки и транспортный вред; служба заказа — в случаях статьи 29 Закона № 580-ФЗ и за собственное информационное нарушение; пользователь каршеринга или СИМ — за эксплуатацию переданного ему исправного объекта; оператор аренды — за доказанное нарушение собственной обязанности. Влияние платформы на тариф, платеж и выбор исполнителя имеет доказательственное значение, но не заменяет юридический состав ответственности.

При подготовке правоприменения к вступлению в силу Закона № 289-ФЗ необходимо обеспечить согласование предусмотренного им общего платформенного режима со специальными транспортными нормами, достоверную идентификацию исполнителя и сохранение цифровых доказательств. Для правоприменения это важнее, чем введение универсального статуса платформы. Такой подход позволяет определить надлежащего ответчика и пределы взыскания без смешения перевозки, посредничества и аренды.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О

защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[3] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

[4] Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

[5] Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.

[6] Федеральный закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257.

[7] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[8] Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

[9] Приказ Минтранса России от 14.04.2026 № 161 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» (зарегистрирован Минюстом России 02.06.2026, № 86843). URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606020068 (дата обращения: 14.09.2026).

[10] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (ред. от 28.08.2026) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

[11] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643 (вступает в силу с 1 октября 2026 г.).

[12] Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 3–6.

[13] Долгов С. Г. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси // Гражданское право. 2021. № 1. С. 3–7.

[14] Маркелова А. А. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов такси: между договорным и деликтным правом // Цифровое право. 2021. Т. 2, № 4. С. 8–19.

[15] Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145–156.

[16] Тухватуллин Т. А. Правовое регулирование в сфере таксомоторных перевозок: новеллы и перспективы развития // Транспортное право. 2024. № 4. С. 18–21.

[17] Скварко У. А. Правовая природа правоотношений службы заказа легкового такси с перевозчиком легковым такси // Право и экономика. 2024. № 6. С. 51–55.

[18] Муратова С. А. Правовая природа договора каршеринга и перспективы его развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 194–205.

[19] Гриднева О. В. Правовая природа договора каршеринга // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 29–33.

[20] Суфиева А. Т. Правовое регулирование каршеринга в России: проблемы и перспективы развития // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-4. С. 113–115.

[21] Половникова Н. В. О некоторых аспектах правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере транспортной мобильности населения // Транспортное право и безопасность. 2025. № 1 (53). С. 43–50.

[22] Бородина Ж. В., Кузнецов П. Н., Федоров С. В. Актуальные проблемы повышения безопасности микромобильности несовершеннолетних // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 10. С. 5667–5686.

[23] Карпеев О. В., Яшнова С. Г. Правовая природа договора о передаче во временное владение и пользование средств индивидуальной мобильности (на примере электросамоката) // Юрист. 2022. № 1. С. 44–48.

[24] Дерюгина С. Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 20–23.

[25] Брагинский М. И., Витрянский В.

В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М.: Статут, 2003. 910 с.

[26] Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1582 с.

[27] Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 8. С. 68–82.

[28] Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1. С. 12–19.

[29] Краулин К. К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // Цифровое право. 2022. Т. 3, № 3. С. 20–42.

[30] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 № 5-КГ17-220. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012018-n-5-kg17-220/ (дата обращения: 14.09.2026).

[31] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.07.2023 № 305-ЭС22-29622 по делу № А40-37711/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/77519ca5-26f0-4f04-bddc-013947eca291 (дата обращения: 14.09.2026).

[32] Решение Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 05.03.2024 по делу № 2-84/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EcdNWLZws1xQ/ (дата обращения: 14.09.2026).

[33] Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 21.01.2025 по делу № 2-552/2025 (2-4759/2024). URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ft1775llgUdC/ (дата обращения: 14.09.2026).

[34] Решение Солнечногорского городского суда Московской области от 03.02.2025 по делу № 2-450/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0BKBPZzqsXQl/ (дата обращения: 14.09.2026).

[35] Решение Устиновского районного суда г. Ижевска от 28.04.2025 по делу № 2-1692/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wENhCjhOGnJn/ (дата обращения: 14.09.2026).

[36] Решение Советского районного суда г. Омска от 27.06.2024 по делу № 2-1492/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VmyxJWhRQIYe/ (дата обращения: 14.09.2026).

[37] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции». URL: https://www.vsrf.ru/files/26964/ (дата обращения: 14.09.2026).

[38] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 14.09.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

[2] Law of the Russian Federation dated February 7, 1992, No. 2300-1 «On Protection of Consumer Rights» // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 15. Art. 766.

[3] Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997, No. 60-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 12. Art. 1383.

[4] Federal Law dated January 10, 2003, No. 18-FZ «Charter of Railway Transport of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 2. Art. 170.

[5] Federal Law dated November 8, 2007, No. 259-FZ «Charter of Road Transport and Urban Ground-Based Electric Transport» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 46. Art. 5555.

[6] Federal Law dated June 14, 2012, No. 67-FZ «On Compulsory Insurance of Carrier Civil Liability for Harm Caused to the Life, Health, or Property of Passengers and on the Procedure for Compensation for Such Harm Caused During Passenger Transportation by

Metro» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 25. Art. 3257.

[7] Federal Law dated July 27, 2006, No. 149-FZ «On Information, Information Technologies, and Information Protection» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006, No. 31 (Part 1), Art. 3448.

[8] Federal Law No. 580-FZ of December 29, 2022, «On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on the Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2023, No. 1 (Part 1), Art. 7.

[9] Order of the Ministry of Transport of Russia No. 161 of April 14, 2026, «On Approval of the Rules for the Transportation of Passengers and Baggage by Road Transport and Urban Surface Electric Transport» (registered by the Ministry of Justice of Russia on June 2, 2026, No. 86843). URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606020068 (accessed: September 14, 2026).

[10] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1090 of October 23, 1993, «On Traffic Rules» (as amended on August 28, 2026) // *Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation*. 1993, No. 47, Art. 4531.

[11] Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, «On Certain Issues Regarding the Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2025, No. 31, Art. 4643 (enters into force on October 1, 2026). [12] Deryugina T. V. Legal nature of the contract facilitating the emergence of legal relations involving an aggregator // Civil Law. 2018. No. 6. P. 3–6.

[13] Dolgov S. G. Civil liability of taxi aggregators // Civil Law. 2021. No. 1. P. 3–7.

[14] Markelova A. A. Civil liability of taxi aggregators: between contract law and tort law // Digital Law. 2021. Vol. 2, No. 4. P. 8–19.

[15] Ivanov A. A. Business aggregators and the law // Zakon. 2017. No. 5. P. 145–156.

[16] Tukhvatullin T. A. Legal regulation in the sphere of taxi transportation: new developments and prospects // Transport Law. 2024. No. 4. P. 18–21.

[17] Skvarko U. A. Legal nature of legal relations between a passenger taxi booking service and a passenger taxi carrier // Law and Economics. 2024. No. 6. P. 51–55.

[18] Muratova S. A. Legal nature of the car-sharing contract and prospects for its development // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 11 (87). P. 194–205.

[19] Gridneva O. V. Legal nature of the car-sharing contract // Legal Science. 2020. No. 8. P. 29–33.

[20] Sufieva A. T. Legal regulation of car-sharing in Russia: problems and development prospects // Trends in the Development of Science and Education. 2023. No. 98-4. P. 113–115.

[21] Polovnikova N. V. On certain aspects of the legal regulation of entrepreneurial activity in the sphere of public transport mobility // Transport Law and Safety. 2025. No. 1 (53). P. 43–50.

[22] Borodina Zh. V., Kuznetsov P. N., Fedorov S. V. Current issues in enhancing the safety of micromobility for minors // Economics, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14, No. 10. P. 5667–5686.

[23] Karpeev O. V., Yashnova S. G. The legal nature of the agreement on the transfer of personal mobility devices for temporary possession and use (using the electric scooter as an example) // Yurist. 2022. No. 1. P. 44–48.

[24] Deryugina S. R. Car-sharing and ride-sharing: on the issue of the legal nature of the agreements // Civil Law. 2019. No. 4. P. 20–23.

[25] Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Book Four: Contracts for Carriage, Towing, Freight Forwarding, and Other Services in the Transport Sector. Moscow: Statut, 2003. 910 p. [26] Change of Parties to an Obligation and Liability for Breach of Obligation: Commentary on Articles 330–333, 380–381, and 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Version 2.0] / Ed. by A. G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2022. 1582 p.

[27] Belov V. A. Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Liability // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 8. P. 68–82.

[28] Chegovadze L. A. Aggregators as Objects of Civil Rights and the Liability of

Their Owners for Obligations // Tsivilist. 2022. No. 1. P. 12–19.

[29] Kraulin K. K. Limits of Civil Liability of Marketplace Owners to Consumers in the Russian Federation and the USA // Digital Law. 2022. Vol. 3, No. 3. Pp. 20–42.

[30] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 9, 2018, No. 5-KG17-220. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012018-n-5-kg17-220/ (accessed: September 14, 2026).

[31] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 13, 2023, No. 305-ES22-29622 in Case No. A40-37711/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/77519ca5-26f0-4f04-bddc-013947eca291 (accessed: September 14, 2026).

[32] Decision of the Leninsky District Court of St. Petersburg dated March 5, 2024, in Case No. 2-84/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EcdNWLZws1xQ/ (accessed: September 14, 2026).

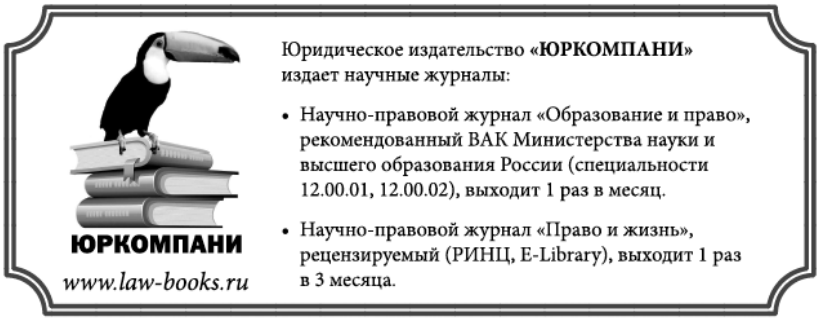
[33] Decision of the Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk dated January 21, 2025, in Case No. 2-552/2025 (2-4759/2024). URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ft1775llgUdC/ (accessed: September 14, 2026). [34] Decision of the Solnechnogorsk City Court of the Moscow Region dated February 3, 2025, in Case No. 2-450/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0BKBPZzqsXQl/ (accessed: September 14, 2026).

[35] Decision of the Ustinovsky District Court of Izhevsk dated April 28, 2025, in Case No. 2-1692/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wENhCjhOGnJn/ (accessed: September 14, 2026).

[36] Decision of the Sovetsky District Court of Omsk dated June 27, 2024, in Case No. 2-1492/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VmyxJWhRQIYe/ (accessed: September 14, 2026).

[37] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 26 dated June 26, 2018, «On Certain Issues Regarding the Application of Legislation on Contracts for the Carriage of Cargo, Passengers, and Baggage by Road and on Freight Forwarding Contracts.» URL: https://www.vsrf.ru/files/26964/ (accessed: September 14, 2026).

[38] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated January 26, 2010, «On the Application by Courts of Civil Legislation Governing Relations Arising from Obligations Due to Harm Caused to the Life or Health of a Citizen.» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (accessed: 14.09.2026).

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-117-120**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

МАНСУРОВ Даниэль Рамилевич,
студент, Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Башкирский кооперативный техникум»,
e-mail: Daniael.13579@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового регулирования противодействия преступлениям, совершаемым с применением цифровых технологий и систем искусственного интеллекта. Установлено, что киберпреступность в 2023–2025 гг. занимала существенную долю в общей структуре зарегистрированной преступности. Рассмотрены действующие нормы российского законодательства и организационные решения государства, включая учреждение специализированного подразделения МВД России и принятие в 2025 году закона о государственной информационной системе противодействия соответствующим правонарушениям. На основании доктринальных источников, статистики и разъяснений Верховного Суда РФ обосновывается вывод о необходимости уточнения понятийного аппарата, внедрения риск-ориентированной модели регулирования и укрепления межведомственного взаимодействия. Сформулированы предложения по корректировке уголовного, административного, информационного и процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *цифровые технологии; искусственный интеллект; киберпреступность; электронные доказательства; уголовно-процессуальное доказывание; УБК МВД России; риск-ориентированное регулирование; цифровая безопасность.*

MANSUROV Daniel Ramilevich,
student, Autonomous Non-Commercial Professional Educational Organization «Bashkir Cooperative Technical School»

LEGAL REGULATION OF COUNTERACTION TO CRIME USING DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Annotation. *The article analyzes the legal regulation of counteraction to crimes committed using digital technologies and artificial intelligence systems. Cybercrime in 2023–2025 occupied a substantial share of registered crime. The author examines Russian legislation and organizational measures, including the establishment of a specialized unit within the Ministry of Internal Affairs and the adoption in 2025 of a law on a state information system for counteracting such offenses. Based on doctrinal sources, statistics and Supreme Court clarifications, the article substantiates the need to clarify the conceptual apparatus, introduce a risk-based model and strengthen interagency cooperation. Proposals for amending criminal, administrative, informational and procedural legislation are formulated.*

Key words: *digital technologies; artificial intelligence; cybercrime; electronic evidence; criminal procedural proof; Cybercrime Combating Unit of the Ministry of Internal Affairs; risk-based regulation; digital security.*

Введение

Криминальная среда современной России претерпевает трансформацию, обусловленную проникновением цифровых технологий в противоправную деятельность. Посягательства, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий, утратили характер эпизодического явления, а их удельный вес в структуре зарегистрированных деяний неуклонно возрастает. Актуальность исследования обусловлена переходом от единичных

компьютерных посягательств к системному использованию искусственного интеллекта на всех стадиях преступной деятельности, что ставит перед правоприменителем задачи, лишённые устоявшегося нормативного разрешения.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере правового регулирования противодействия цифровой преступности. Предметом – нормы уголовного, уголовно-процессуального, административного и информационного законодательства Российской Федерации, доктринальные позиции и разъяснения высших судебных инстанций. Цель работы состоит в выявлении проблемных аспектов действующего регулирования и формулировании предложений по его совершенствованию. Задачи исследования включают анализ статистической динамики киберпреступности за 2019–2025 гг., оценку организационных и нормативных мер государства, рассмотрение доктринальной дискуссии о правовой природе электронных доказательств, изучение конкурирующих позиций о допустимости применения искусственного интеллекта в доказывании и формулирование направлений совершенствования законодательства de lege ferenda.

Методологическую основу составляют методы анализа и синтеза, а также формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод анализа судебной практики. Нормативную базу образуют УПК РФ, Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ, Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57, от 23.04.2019 № 10 и от 15.12.2022 № 37.

Основная часть

Согласно сведениям МВД России, в 2019 году зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1]; к 2024 году показатель возрос до 765 тыс., составив около 40% от общего массива правонарушений [2]. В первом полугодии 2025 года удельный вес дистанционных посягательств сохраняет высокий уровень, а преобладающим инструментом выступают мессенджеры [3]. Почти двукратный рост показателя за пять лет при неизменной доле в структуре преступности свидетельствует об устойчивом структурном изменении криминогенной обстановки, требующем системного правового реагирования.

Реакция государства охватывает организационное и нормативное направления. В структуре МВД России сформировано специализированное подразделение по противодействию противоправному применению информационно-телекоммуникационных технологий (УБК МВД России), а в апреле 2025 года принят Федеральный закон № 41-ФЗ [2], предусмотревший правовую основу для государственной информационной системы в данной сфере. Вместе с тем действующие акты – УК РФ, УПК РФ, Федеральный закон об информации – охватывают отдельные сегменты цифрового пространства, не образуя целостного механизма: организационная реформа опередила нормативную, что порождает разрыв между институциональными возможностями и правовыми основаниями их реализации.

Понятийная неопределённость остаётся острой проблемой доктрины: законодательство не закрепляет дефиниций категорий «электронные доказательства», «электронный документ», «электронный носитель», что, по наблюдению Ю. И. Андреевой, влечёт коллизии в правоприменении [4, с. 147]. На процессуальные сложности верификации цифровых данных указывает В. В. Долгаев [5, с. 177]. Разъяснения Верховного Суда РФ частично компенсируют пробел: Пленум в постановлении от 26.12.2017 № 57 определил электронный документ как созданный в электронной форме и подписанный электронной подписью [6], однако оставил за рамками регулирования переписку в мессенджерах, метаданные и журналы серверных операций.

В доктрине не сложилось единой позиции о том, подлежат ли электронные доказательства выделению в самостоятельную категорию либо квалифицируются как иные документы по ст. 84 УПК РФ [7]. Судебная практика частично восполняет спор: Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23.04.2019 № 10 признал скриншоты допустимыми доказательствами при указании адреса источника и времени получения [8, абз. 2 п. 55] – логика, заслуживающая распространения на уголовный процесс. Постановление Пленума от 15.12.2022 № 37 [9] подтверждает самостоятельное процессуальное значение электронных носителей информации, что говорит о движении практики к признанию электронных доказательств

автономной категорией без законодательного закрепления такой позиции.

Дискуссионным остаётся вопрос о допустимости использования искусственного интеллекта в доказывании. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, под ним понимается совокупность программных средств, воспроизводящих когнитивные функции человека [10]. В. А. Биляев, Н. В. Сошина и А. С. Климовский констатируют принципиальную неразрешимость вопроса о субъектности ИИ в процессуальных решениях [11, с. 594]: такие решения должны приниматься человеком на основе внутреннего убеждения. С. Б. Россинский предлагает не исключать ИИ из процесса, а квалифицировать его результаты как «иные документы» по ст. 84 УПК РФ либо, при наличии специальных знаний в модели, как заключение эксперта по аналогии со ст. 80 УПК РФ [12]. Обе позиции сходятся в требовании обязательной верификации выводов ИИ человеком, расходясь лишь в способе процессуального оформления; второй подход представляется более практичным, поскольку не требует создания новых институтов.

Реактивная модель противодействия цифровой преступности исчерпала потенциал: необходим переход к риск-ориентированному регулированию – рамочному акту, выстраивающему иерархию категорий от электронных данных до статуса систем искусственного интеллекта с унифицированными стандартами работы с цифровыми следами. Квалифицирующие признаки, связанные с ИИ и дипфейками, целесообразно вводить точечно – только там, где технологии объективно повышают общественную опасность деяния, избегая избыточной криминализации. Процессуальная составляющая не менее значима, чем материально-правовая: без механизма, обеспечивающего достоверность цифровых доказательств и соблюдение права на неприкосновенность частной жизни, эффективное противодействие технологическим вызовам недостижимо.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что действующее регулирование характеризуется опережением организационных мер над нормативными: институциональные решения не подкреплены систематизацией понятийного аппарата на уровне закона. Полагаем обоснованным закрепление в федеральном законе дефиниций электронных доказательств, документа и носителя с распространением на уголовный процесс подхода Пленума Верховного Суда РФ – обязательной фиксации источника и времени получения сведений. Применительно к ИИ в доказывании предпочтителен процессуально-инструментальный подход с квалификацией результатов как «иных документов» или заключения эксперта при обязательной верификации человеком. Квалифицирующие признаки, связанные с ИИ и дипфейками, целесообразно вводить лишь при объективном повышении общественной опасности деяния. Дальнейшая систематизация законодательства должна строиться на риск-ориентированной модели, обеспечивающей баланс между эффективностью противодействия цифровой преступности и защитой конституционных прав граждан.

Список литературы:

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года // МВД ФКУ «ГИАЦ». URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2019.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

[2] О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий: Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. (дата обращения: 15.04.2026).

[3] МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в РФ за первое полугодие 2025 года // Пресс-центр МВД России. URL: https://mvdmedia.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[4] Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152.

[5] Долгаев В. В. Роль электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 177–181.

[6] О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №

174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации.

[8] О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

[9] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37.

[10] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Биляев В. А., Сошина Н. В., Климовский А. С. О перспективе применения искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 592–594.

[12] Россинский С. Б. Искусственный интеллект как субъект и инструмент в уголовном процессе: доктринальный подход // Lawinfo.ru. 2026.

References:

[1] Crime Situation in Russia, January–December 2019 // Ministry of Internal Affairs (MVD), Main Information and Analytical Center (GIATS). URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/sostoyanie_prestupnosti_yanvary-dekabry_2019.pdf (accessed: April 15, 2026).

[2] On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed Using Information and Communication Technologies: Federal Law No. 41-FZ dated April 1, 2025 (as amended on July 31, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information. (accessed: April 15, 2026).

[3] Ministry of Internal Affairs of Russia Publishes Statistical Data on the Crime Situation in the Russian Federation for the First Half of 2025 // Press Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://mvdmedia.ru (accessed: April 15, 2026).

[4] Andreeva Yu. I. Electronic Evidence in Criminal Proceedings // Law and Right. 2025. No. 8. P. 147–152.

[5] Dolgaev V. V. The Role of Electronic Evidence in Criminal Proceedings // Civil Service and Personnel. 2025. No. 1. P. 177–181. [6] On Certain Issues Regarding the Application of Legislation Governing the Use of Electronic Documents: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57 dated December 26, 2017.

[7] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information.

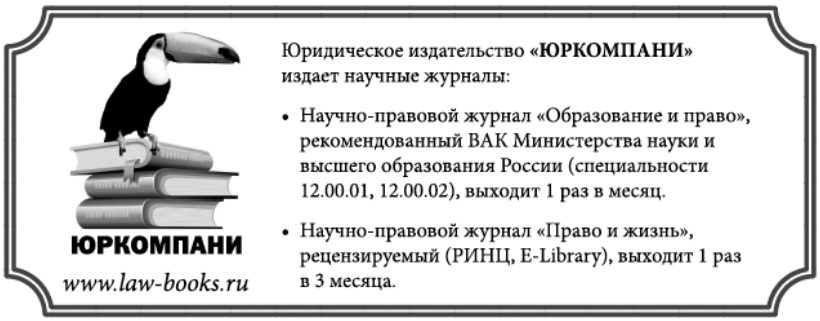
[8] On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated April 23, 2019.

[9] On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Involving Crimes in the Sphere of Computer Information: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 dated December 15, 2022.

[10] On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024) // ConsultantPlus Legal Reference System.

[11] Bilyaev V. A., Soshina N. V., Klimovsky A. S. On the Prospects of Using Artificial Intelligence in the Evidentiary Process in Criminal Cases // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 6. Pp. 592–594.

[12] Rossinsky S. B. Artificial Intelligence as a Subject and Tool in Criminal Proceedings: A Doctrinal Approach // Lawinfo.ru. 2026.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикация статей в научно-правовом журнале «Публичное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в

квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал
№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.

Опубликовано 28.09.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 7,5.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.